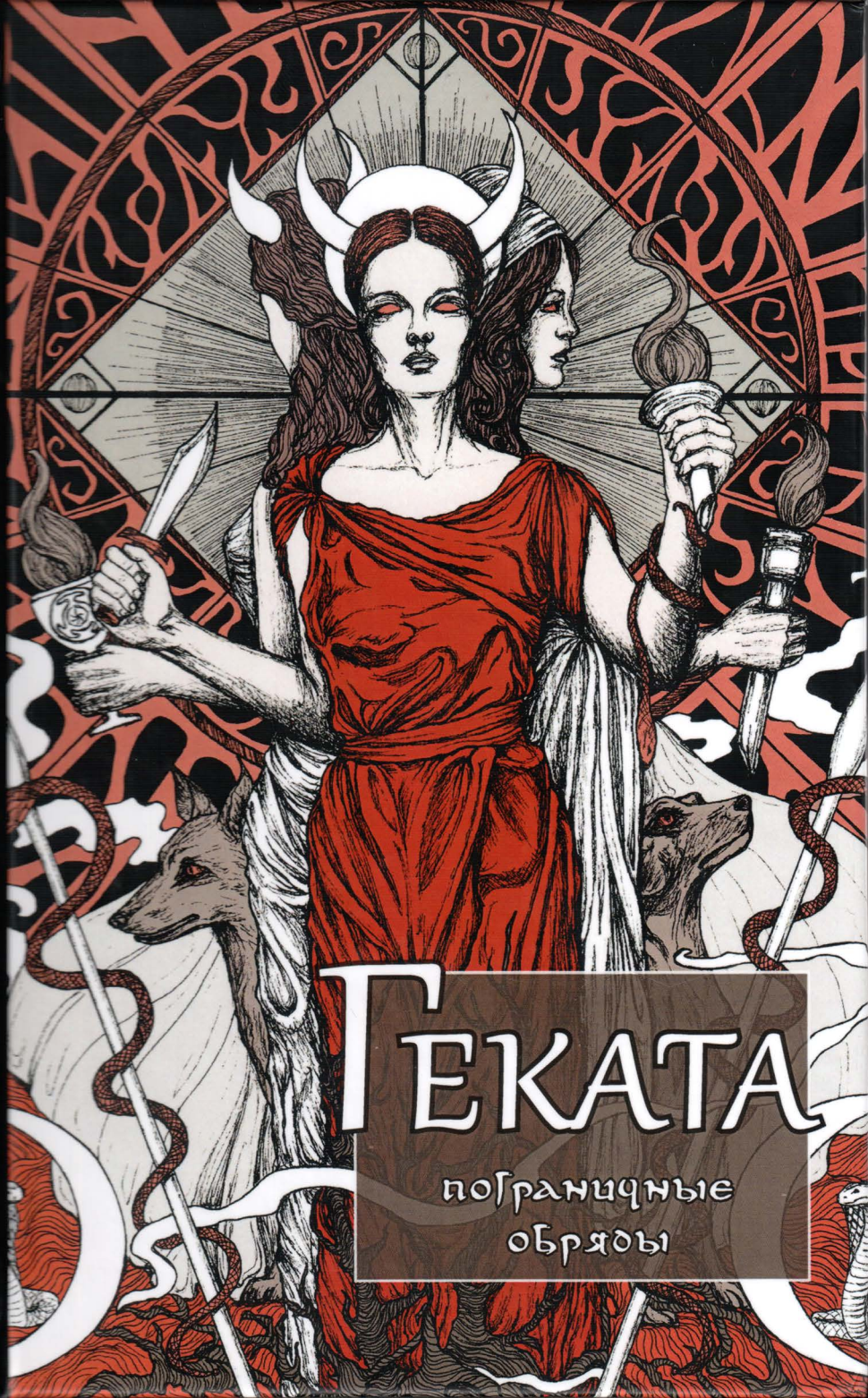

ТЕКАТА

ТЕКАТА

пограничные
обряды

ГЕКАТА: ПОГРАНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ

Ритуалы, магия и символы
трехликой богини-факелоносицы,
госпожи перекрестков

Сорита д'Эсте и Дэвид Рэнкин

Thesaurus Deorum
Москва, 2018

д'Эсте С., Рэнкин Д.

Геката: пограничные обряды / Сорита д'Эсте и Дэвид Рэнкин / Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: Thesaurus Deorum, 2018. — 238 с.

На перекрестках жизни, смерти и возрождения стоит богиня Геката. Ее почитают и люди, и боги, а история ее уходит в глубины тысячелетий, и в этой истории скрыты многие тайны ее природы. Изображения Гекаты в виде трехликой богини (иногда — с головами лошади, собаки и змеи) указывают на ее власть не только над перепутьями дорог, но и над тремя царствами мироздания: землей, морем и небом. Опираясь на огромное множество источников, авторы этой книги сводят воедино исторические свидетельства о характере и культе этой великой богини и о связанных с ней религиозных и магических практиках. Перед вами — подробное руководство для тех, кто желает проникнуть в тайны Гекаты, исследовать ее ритуалы и символы и, быть может, стать одним из тех, кто возрождает служение ей в наши дни.

© Анна Блейз, перевод, 2017

© Thesaurus Deorum, 2018

Содержание

<i>Глава 1. На перепутье трех дорог.....</i>	<i>7</i>
Письменные источники.....	24
<i>Глава 2. Служители богини.....</i>	<i>31</i>
Гесиод.....	32
Эмпедокл.....	33
Порфирий.....	35
Кирка (Цирцея).....	38
Медея.....	41
Фессалийские волшебницы.....	43
Лампады.....	45
Вегетарианцы.....	46
<i>Глава 3. Священный Элевсин.....</i>	<i>49</i>
<i>Глава 4. Образы Гекаты.....</i>	<i>62</i>
<i>Глава 5. Voces Magicae.....</i>	<i>73</i>
<i>Глава 6. Заклинания и амулеты из греческих</i>	
магических папирусов.....	80
Перечень заклинаний из греческих магических папирусов.....	81
Символы из греческих магических папирусов.....	87
«Заклинание Медведицы».....	88
«Заговор Гекаты Эрешкигаль».....	89
<i>Глава 7. Любовные чары.....</i>	<i>92</i>
<i>Глава 8. Дефексионы.....</i>	<i>105</i>
<i>Глава 9. Броня Гекаты.....</i>	<i>112</i>
<i>Глава 10. Фрагменты посвятительных мистерий.....</i>	<i>114</i>
<i>Глава 11. Травы и яды.....</i>	<i>118</i>
Аконит.....	120
Черное дерево.....	121
Чеснок.....	121
Мандрагора.....	122
Дуб.....	123
Шафран.....	124
Тис.....	125
Безымянные травы.....	126

Сбор растений	127
<i>Глава 12. Священная бронза</i>	131
<i>Глава 13. Железные гвозди и перстни</i>	135
<i>Глава 14. Геката и ангелы</i>	138
<i>Глава 15. Монеты</i>	141
<i>Глава 16. Госпожа сновидений</i>	146
<i>Глава 17. Оракулы Гекаты</i>	151
<i>Глава 18. Подношения</i>	156
<i>Глава 19. Трапеза Гекаты</i>	165
<i>Глава 20. Призывания</i>	169
<i>Глава 21. Гимны</i>	174
Прокл, «Гимн Гекате и Янусу»	174
Молитва Селене для любого [магического] деяния.....	176
<i>Глава 22. Геката в обличьях животных</i>	182
Быкоглавая.....	182
Псоглавая	184
Драконоглавая.....	184
Козлоглавая	185
Конеглавая.....	186
Змееглавая	187
<i>Глава 23. Некромантия, омоложение стариков</i> и оживление трупов	189
<i>Глава 24. Магия смерти</i>	199
<i>Глава 25. Подземный мир</i>	203
<i>Глава 26. Черные собаки</i>	207
<i>Глава 27. Змеи</i>	210
<i>Глава 28. Строфал</i>	213
<i>Глава 29. Царь Соломон</i>	219
<i>Глава 30. Синкретические образы</i>	227
Артемиды-Гекаты	227
Бендида	228
Бона Деа.....	229
Бримо	230
Деспойна.....	230
Исида-Геката	231
Селена-Геката	233
Физида (Природа)	234
Эршкигаль-Геката	235

... Геката с главою
Троичной, ты, что ко мне сообщницей дела нисходишь
Мне помогать!..

Овидий, «Метаморфозы», VII.193–195

Глава 1.

НА ПЕРЕПУТЬЕ ТРЕХ ДОРОГ

Богиня Геката входила в число важнейших божеств античного мира. Зародившись во тьме доисторических времен, ее культ сохранялся на протяжении трех тысячелетий. Он пережил периоды греческой архаики, классики и эллинизма, Римскую и Византийскую империи и даже «темные века» Европы, ибо следы древнего поклонения этой богине обнаруживаются даже в эпоху Возрождения.

Геката была богиней рубежей, властительницей всех границ и переходных периодов в человеческой жизни. Кроме того, она почиталась как защитница, отвращающая зло и выводящая на верный путь, о чем свидетельствуют некоторые из ее многочисленных эпитетов. Тройственный облик Гекаты указывает на ее власть над тремя мирами: небом, морем и землей. Об архаических истоках ее культа свидетельствует то, что она изображалась с головами различных животных, каждое из

которых символизирует одну из граней ее разностороннего характера.

Геката ассоциировалась с посвятельными церемониями ряда античных мистериальных культов — не только знаменитых Элевсинских мистерий, но и культа Деметры в Селинунте (Сицилия), а также мистерий, бытовавших в Аргосе и на греческих островах Самофракия и Эгина.

С именем Гекаты связывалось множество эпитетов, описывавших различные роли и качества, в которых она выступала в тот или иной период. Вот некоторые из наиболее известных ее именовании:

- Хтония («земная»),
- Дадухос («факелоносица»),
- Энодия («дорожная»),
- Клейдухос («ключница»),
- Куротрофос («кормилица детей»),
- Фосфорос («светоносная»),
- Прополос («спутница»),
- Пропилея («привратница»),
- Сотейра («спасительница»),
- Триформис («трехтелая»),
- Триодитис ([богиня] «трех дорог»).

Большой храм Гекаты располагался в городе Лагина в Карию (на территории современной Турции), где ежегодно проводилась

церемония под названием κλειδός ἀγωγή («шествие с ключом»). Сара Айлс Джонстон, автор книги «Геката Сотейра», предполагает, что эта процессия была связана именно с Гекатой в ее роли Пропилеи — хранительницы врат¹. Кроме того, само название церемонии ассоциируется с эпитетом «Клидофора», который эта богиня носила как хранительница ключей от подземного мира, выносящая решение о том, кто из усопших заслужил блаженное посмертие на Елисейских полях. В данном контексте она выступает как проводница души умершего на последнем этапе загробного странствия. А в посвященном ей орфическом гимне Геката именуется, ни много ни мало, «Ключницей Вселенной».

Ввиду столь важной роли, которую она играла в культовой жизни Лагины, можно предположить, что Геката была покровительницей этого города, подобно тому как Кибела покровительствовала всей Фригии, а Инанна — некоторым из древнейших шумерских городов.

К V веку до н.э. святилище Гекаты появилось при вратах города Милет, в пятидесяти милях к северу от Лагины, где культ этой богини установился примерно столетием раньше. В том же V веке до н.э. Гекате стали поклонять-

¹ Sarah Iles Johnston. *Restless Dead*, 1999, p. 206. — *Примеч. авт.*

ся в городе Афродисий, также располагавшемся неподалеку от Лагины. Роль хранительницы врат, прочно закрепившуюся за этой богиней, подтверждает греко-римский историк Плутарх, записавший в I веке н.э. историю о том, как один полководец поставил у ворот Коринфа военный трофей, а другой со смехом заметил, что это не подношение Аресу, а столб Гекате, — «ибо столбы Гекате ставились перед любимыми воротами в том месте, откуда расходились дороги»².

Геката Пропилея («привратница») была хранительницей города, отвращающей зло от его стен и защищающей его жителей. Святилища ей устраивали не только при входе в города и храмы других божеств, но и перед частными домами. Небольшое святилище богини, установленное перед дверью дома, называлось «гекатейон».

Исследователи отмечают, что в малоазийской области Кария (именно там, где обнаружены первые признаки культа Гекаты) среди имен собственных встречается необычно много таких, которые содержат корень *ĕкат-*. Это еще одно свидетельство в пользу того, что поклонение Гекате играло здесь немаловажную роль. В целом по Малой Азии общее количество обнаруженных имен с корнем *ĕкат-* со-

2 Плутарх. «Изречения царей и полководцев», «Эпаминонд», 19, пер. М. Гаспарова.

ставляет 310, тогда как на островах Эгейского моря таковых насчитывается почти вдвое меньше — 158, а в Аттике — всего 11³. Стоит также упомянуть, что город Идриада, расположенный неподалеку от Лагины, первоначально носил название «Гекатесия». Современные реконструкторы культа Гекаты дали это же имя, «Гекатесия», сентябрьскому празднику полнолуния, который с 2000 года ежегодно отмечается в храме Лагины, раскопанном в 90-е годы XX века.

Во Фракии (области к северу от Кари) культ Гекаты набрал силу к V веку до н.э. Одно из самых ранних свидетельств поклонения этой богине во Фракии обнаруживается во фрагменте пеана древнегреческого поэта Пиндара, посвященного жителям города Абдеры и датированного приблизительно серединой V века до н.э.:

В месяце первый день⁴,
Он был назван обутою в красное
 благосклонной Гекатой,
Чтобы так тому и быть⁵.

3 *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Hornblower & Matthews, 2000.

4 Первый день месяца — новолуние, ассоциировавшееся с Гекатой. — *Примеч. авт.*

5 Пиндар, пеан 2 («Абдеритам»), 3с, 75–78, пер. М. Гаспарова.

Поскольку из многочисленных литературных источников известно, что в том же V веке до н.э. Гекате поклонялись и в Афинах, весьма вероятно, что культ ее очень быстро распространился по всему Эгейскому региону в конце VI – начале V столетий. Отдельные упоминания о ней встречаются в литературе и раньше — в «Теогонии» Гесиода (VIII в. до н.э.) и в гомеровском гимне «К Деметре» (VII в. до н.э.)⁶, но только в V столетии они становятся достаточно частыми и дают нам право утверждать, что теперь эта богиня приобрела в греческой культуре весьма значительную роль.

Но как проследить истоки культа Гекаты, зародившегося, несомненно, задолго до первого упоминания ее имени в «Теогонии» Гесиода в VIII веке до н.э.? Фон Рудлофф в своей книге «Геката в религии древних греков» высказывает предположение, что триада имен в одной из надписей, выполненных линейным письмом B и относящихся к бронзовому веку, связаны именно с Гекатой и двумя другими богинями Элевсинского культа — Деметрой и Персефой. Это имена «Ифимедея», «Пересва» и «Дивия», присутствующие в перечне божественных имен на глиняной табличке Tn316, обнаружен-

6 В этом гимне Геката предстает в облике девы, «нежной духом», «с блестящей повязкою» и «держашей светоч»; услышав из своей темной пещеры крик похищенной Персефоны, она приходит на помощь Деметре, и вдвоем они узнают у Гелиоса-Солнца имя похитителя.

ной в городе Пилосе на южном побережье Греции и датируемой XIII веком до н.э. Первое из них, теоретически, может быть вариантом имени Гекаты, поскольку та связана с Ифигенией, упомянутой под именем «Ифимеда» в гесиодовском «Каталоге женщин» (VIII в.)⁷; второе предположительно происходит от того же корня, что и имя «Персефона», а третье может означать «светлая» или «богатая богиня» и представлять собой эпитет Деметры.

Еще одно указание на происхождение образа Гекаты дает ее связь со львами. Изображения Гекаты между двух львов не относятся к числу древнейших, но все же намекают на ближневосточные корни этой богини. Иконография Инанны, Астарты и Кибелы свидетельствует, что изображения богинь в сопровождении двух львов — весьма характерная для Ближнего Востока особенность. Впрочем, не следует забывать, что между двумя большими кошками изображалась также Артемида, поэтому упомянутые изображения Гекаты — в силу своего позднего появления — могут быть следствием синкретического слияния Гекаты с Артемидой. Но не исключено, что образ Артемиды, в свою очередь, заимствован из ближневосточного региона, так что, в конечном счете, данная версия

7 «Каталог женщин», 12(23).15–26. Ср. у Павсания: «Гесиод в своих поэмах в “Каталоге женщин” говорит, что Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой» («Описание Эллады», «Аттика», XLIII.1, пер. С. Кондратьева).

не исключает гипотезу иноземного происхождения Гекаты.

Изображения Гекаты со львами встречаются на фризе храма в Лагине и на монетах; кроме того, в связи с этими животными богиня упоминается в более поздний период в халдейских оракулах и греческих магических папирусах. В халдейских оракулах Геката описывается как «владеющая львами» (№18), и от лица ее говорится: «Если будешь взывать ко Мне часто, узришь все сущее в образе льва» (№147)⁸.

В греческих магических папирусах мы находим «Молитву к Селене для любого [магического] деяния», по содержанию похожую, скорее, на обращение к Гекате. В этом тексте обнаруживается фраза: «Стан свой меж лапами львиными ты укрываешь»⁹.

Как аргумент в пользу негреческого происхождения Гекаты приводился также тот факт, что в жертву ей приносили собак: эти животные использовались для подношений только иноземным богам, вошедшим в греческий пантеон (в частности, Аресу). Описывая этот феномен в статье «Жертвоприношения в Древней Греции: новые данные», Фриц Граф отме-

⁸ Здесь и далее халдейские оракулы цитируются в пер. А. Блейз.

⁹ IV.2811–2812;

Здесь и далее греческие магические папирусы цитируются в пер. А. Блейз.

чает, что приношение собаки в жертву само по себе являлось «пограничной», нетрадиционной практикой:

Более девяноста процентов всех жертвенных животных относилось к четырем видам: коровы, козы, овцы и свиньи. Всякое животное, не входящее в этот стандартный набор, — как, например, собака — приобретало семантическую значимость¹⁰.

Связь культа Гекаты с Элевсинскими мистериями Деметры и Персефоны подкрепляется тем обстоятельством, что в Селинунте (Сицилия) имелся храм, посвященный всем трем этим богиням. Не исключено, что поклонение им носило такой же характер, как и в Элевсине. Известно также, что Гекате поклонялись в Аргосе и на островах Эгина и Самофракия, но какие формы приобрел ее культ в этих местах, судить трудно.

Исследуя археологические и литературные указания на истоки культа Гекаты, необходимо также учитывать происхождение, приписывавшееся ей в разные периоды в письменных изложениях мифов. В «Теогонии» Гесиода родителями Гекаты называются звездная богиня Астерия и ее супруг, титан Перс:

¹⁰ Fritz Graf, *What is new about Greek sacrifice?*, 2002. — *Примеч. авт.*

... Ввел ее [т.е. «благоименную Астерию», имя которой переводится как «Звездная»] некогда Перс [«Разрушитель»] во дворец свой, назвавши супругой.

Эта, зачавши, родила Гекату...¹¹

Астерия ассоциировалась с ночным небом — не только как покровительница астрологии, но и как подательница вещих снов. В храме Астерии на острове Делос практиковалась инкубация — обычай оставаться в святилище на ночь, чтобы получить пророческий сон. По-видимому, эту связь с оракулами и сновидениями Астерия передала своей дочери Гекате по наследству. Сестрой Астерии была Лето, родившая от Зевса божественных близнецов Артемиду и Аполлона, которым Геката приходилась, соответственно, двоюродной сестрой. Впоследствии образы Гекаты и Артемиды сблизились очень тесно и даже слились воедино.

Что касается титана Перса (Πέρσης), то его имя обычно переводится как «Разрушитель», но это же слово, *пёрσησ*, употреблялось и в значении «персидский». Греческий историк Геродот в своем основном труде, написанном в V веке до н.э., утверждает, что персы получили свое название от имени Перса, сына Персея (Περσεύς)¹². Ввиду этого можно предположить,

11 Гесиод, «Теогония», 410–411, пер. В. Вересаева.

12 Геродот, «История», VII, 61.

что отец Гекаты мыслился как перс, то есть житель Ближнего Востока. В различных источниках имя ее отца приводится в разных вариантах (Персаίος, Перσεύς и др.).

В гомеровском гимне «К Деметре» (VII в. до н.э.) использована та же версия происхождения Гекаты, что и в «Теогонии»: богиня описывается здесь как «... Персеева дочь, / Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева»¹³.

Эту версию, наиболее распространенную из всех, поддерживали большинство авторов, вплоть до Псевдо-Аполлодора, приводящего ее в своей «Мифологической библиотеке» (II век н.э.)¹⁴, и Ликофрона (III век н.э.), упоминающего Гекату как «девственную дочь Персея, Бримо Триморфос»¹⁵. Эпитеты «Бримо» («гневная» или «грозная») и «Триморфос» («трехтелая» или «имеющая три обличья») применялись к Гекате часто. Эта богиня устойчиво ассоциировалась с числом три, играющим важную роль в ее культе и связанных с нею магических обрядах:

И ты, частая гостья на распутьях
трех дорог, властвующая в трех обли-
чьях своих над тремя декадами и над
огнями и псами¹⁶.

13 24–25, пер. В.В. Вересаева.

14 I. II. 4.

15 «Александра», 1174.

16 Греческий магический папирус № IV:2528–2530.
— *Примеч. авт.*

В схолиях к поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика» о родителях Гекаты приводятся различные мнения. Утверждается, что в орфических гимнах она названа дочерью Део (Деметры), у Вакхилида — дочерью Никты (Ночи), у Мусея — дочерью Зевса и Астерии, а также что Ферекид считает отцом Гекаты Аристея.

Эти разноречивые сведения в действительности связаны между собой более тесно, чем может показаться на первый взгляд. То обстоятельство, что в орфических гимнах Геката именуется дочерью Деметры, представляется вполне естественным в свете того, что гомеровский гимн «К Деметре» использовался в орфических мистериях. Геката совершенно логично вводится в семью богинь, занимающих центральное место среди сил подземного царства и, следовательно, играющих ключевую роль в переселении душ — важнейшей теме орфических мистерий.

Никта (Ночь) отождествлялась с Астерией, ибо что такое ночь, как не само звездное небо? Никта была одной из первозданных сил вселенной, от которых произошли боги. Роль Зевса как отца Гекаты также не вызывает удивления: во-первых, он породил и многих других богов, а во-вторых, он наряду с Гекатой играет важнейшую роль в халдейских оракулах.

Более любопытна версия, по которой отцом Гекаты был Аристей — бог, научивший

людей использовать целебные травы, разводить пчел, добывать мед и варить медовуху, выращивать оливки и делать сыр. Обычно он считается сыном Аполлона и нимфы Кирены, хотя у Вакхилида его родителями названы Земля-Гея и Небо-Уран.

Многие античные божества почитались не по отдельности, а сообща с другими богами. Так и Гекату нередко можно встретить в компании других божеств — таких, как Гермес, Аполлон, Деметра, Персефона, Кибела, Митра и прочие. Этот принцип как нельзя более ясно демонстрирует римская надпись IV века н.э.:

Секстилий Агесилай Эдесий, наисильнейший властитель <...> отец непобедимого солнца, бога Митры, иерофант Гекаты, верховный пастырь Диониса, возрожденный навеки, принес в жертву быков и баранов и так посвятил сей алтарь великим богам, матери богов и Аттису¹⁷.

Из другой римской надписи того же периода явствует, что с Гекатой связывался некий мистериальный культ, подобный мистериям индо-иранского бога Митры, фригийской богини Кибелы и элевсинских божеств. Здесь посвященной нескольких мистериальных культов именуется жрица Паулина:

¹⁷ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, VI.510 (367 год н.э.).
— Примеч. авт.

Посвященная Цереры и Элевсиний, посвященная Гекаты Эгинской, тавроболиата иерофантрия¹⁸.

Наиболее тесно с Гекатой ассоциировались другие хтонические божества (Гермес, Аид, Персефона и Гея), а также Зевс, Рея, Деметра, Митра, Кибела и солнечные боги Гелиос и Аполлон. Имена хтонических богов — Гермеса, Аида, Персефоны и Геи — также чаще прочих встречаются на дефиксионах (табличках с проклятиями), а Зевс и Рея фигурируют в халдейских оракулах (причем Зевс — в качестве центрального божества).

С течением времени с Гекатой частично или полностью отождествились некоторые другие богини — такие, как Бримо, Деспойна, Энодия, Генетиллида, Котида, Кратеида и Куротрофа. Кроме того, ее стали сближать, а нередко и отождествлять с такими богинями, как Артемида, Селена, Мена, Персефона, Физиды, Бендида, Бона Деа, Диана, Эрешкигаль и Исида.

18 Надпись на надгробии Фабии Аконии Паулины, ок. IV в. н.э. — *Примеч. авт.*

Фабия Акония Паулина — римская патрицианка, жена Веттия Агория Претекстата (ок. 320–384), проконсула провинции Ахайя, представителя языческого возрождения, выступавшего в защиту древних мистерий в период тотальной христианизации империи. «Тавроболиата» — участница тавроболии, обряда жертвоприношения быков, связанного с культом Митры. «Иерофантрия» — женский аналог иерофанта, т.е. посвятителя.

Нередко Геката ассоциировалась с Гермесом, поскольку из всех представителей мужской части греческого пантеона он особенно тесно связывался с понятиями рубежа и порога. На дефиксионах Гермес Хтоний часто упоминается вместе с Гекатой Хтонией. Статуя Гермеса Пропилейского, стоявшего, по сообщению Павсания, у входа в афинский акрополь¹⁹, выполняла ту же защитную функцию, что и изображения Гекаты Пропилей. А в связывающем заклинании из греческого магического папируса²⁰ имена двух этих божеств даже соединяются в единое имя: «Расставляющая западни, Хозяйка трупов, Гермес, Геката, Гермеката».

Также в связи с Гекатой в различных сюжетах фигурирует Гелиос. В гомеровом гимне «К Деметре» Гелиос — единственный, кто наряду с Гекатой слышит крик похищаемой Персефоны. Сближены эти два божества и во фрагменте гимна из утраченной пьесы Софокла «Зельекопы» (V век до н.э.):

Ты, о Гелий-владыка и пламень святой,
Перекрестков царицы, Гекаты, доспех!
Ведь тобой на высотах Олимпа она
Потрясает, тебя по распутьям несет,
Увенчавши дубовой листвою главу

19 «Описание Эллады», «Аттика», XXII.8.

20 Греческий магический папирус № III:1-164. — *Примеч. авт.*

И плетеньем из змей ядовитых²¹.

По числу упоминаний в греческих магических папирусах Гелиос (иногда отождествляемый с Аполлоном) занимает первое место среди богов, а Геката — среди богинь. Кроме того, Гелиос и Геката упоминаются (хотя и по отдельности) в различных источниках как родители волшебниц Кирки и Медеи. По одной из версий, Гелиос был дедом Гекаты, которая, в свою очередь, родила двух упомянутых чародейек:

У Гелиоса было два сына: Ээт и Перс. Ээт стал царем Колхиды, а Перс — Тавриды <...> У Перса была дочь Геката <...> Геката вышла замуж за Ээта и родила от него двух дочерей — Кирку и Медею, а также сына Эгиалея²².

В «Аргонавтике» Медея призывает Гелиоса и Гекату (Персеиду, т.е. дочь Перса) в свидетели своей клятвы:

... Гелия блеск мне святой
 пусть ручателем будет,
Пусть поручатся за то и бденья
 ночной Персеиды...²³

Зевс также устойчиво ассоциируется с Гекатой — еще со времен «Теогонии», где:

21 Пер. Ф.Ф. Зелинского.

22 Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V.XLV.1, пер. О. Цыбенко.

23 IV,1019–1020, пер. Г. Церетели.

Зевс отличил Громовержец
и славный удел даровал ей:
Править судьбою земли
и бесплодно-пустынного моря.
Был ей и звездным Ураном
почетный удел предоставлен,
Более всех почитают ее
и бессмертные боги²⁴.

Некоторые источники называют Зевса ее отцом. Вдвоем же Зевс и Геката составляют центральную пару божеств в халдейских оракулах: Геката выступает как посредница, Сотейра («спасительница»), несущая божественное влияние верховного бога, Зевса, во все миры и всем живым созданиям.

Иногда Геката отождествляется с матерью чудовищной Скиллы — морской богиней Кратеидой (Кратеей, Кратайей), а иногда и с самой Скиллой. Слияние этих персонажей объясняется, среди прочего, тем, что Кратеида, как и Геката, носила эпитет Скилакагетис («Предводительница собак»). В «Аргонавтике» Гера, покровительница Ясона, просит морскую богиню Фетиду уберечь аргонавтов:

Также беспомощным им ты не дай
ни с Харибдой спознаться,
Дабы она, их всех поглотив,
с собой не умчала,

24 Гесиод, «Теогония», 411–415, рус. пер. В.В. Вересаева.
— *Примеч. перев.*

Ни в тайники ненавистные
к Скилле — грозе величайшей
Вод Авзонийских — попасть,
к той Скилле, которая Форку
Порождена Гекатой ночной
и зовется Крагайей, —
Дабы, бросаясь, она не сдавила
в челюстях страшных
Лучших героев²⁵.

Разумеется, эта версия противоречит традиционному представлению о Гекате как о непорочной деве (вспомним, к примеру, что Ликофрон в поэме «Александра» называет ее «девственной дочерью Персея»). Но подобная вариативность только лишний раз подтверждает непредсказуемый, неустойчивый, во всех отношениях пограничный характер этой богини.

Письменные источники

История письменных источников, содержащих упоминания и сведения о Гекате, охватывает более двух тысяч лет. Для удобства мы составили следующую таблицу, в которой перечислены в хронологическом порядке все источники, использованные при работе над этой книгой.

25 IV, 825–831, рус. пер. Г.Ф. Церетели. — *Примеч. перев.*

Дата	Источник
Ок. IX в. до н.э.	Гомер, «Одиссея»
Ок. VIII в. до н.э.	Гесиод, «Теогония»
Ок. VIII в. до н.э.	Гесиод, «Труды и дни»
Ок. VII в. до н.э.	Гомеров гимн «к Деметре»
Ок. VII в. до н.э.	Алкман, фрагменты
Ок. VI в. до н.э.	Гиппонакт, фрагменты
Начало V в. до н.э.	Эсхил, «Просительницы»
Ок. V в. до н.э.	Эсхил, «Кормилицы Диониса»
Ок. V в. до н.э.	Эсхил, фрагменты
Ок. V в. до н.э.	[Псевдо-]Геродот, «Жизнь Гомера»
Ок. V в. до н.э.	Геродот, «История»
Ок. V в. до н.э.	Гиппократ, «О священной болезни»
Ок. V в. до н.э.	Софокл, «Зельекопы»
Ок. V в. до н.э.	Софрон, «Женщины, утверждающие, что они изгоняют богиню [Текату]»
Ок. V в. до н.э.	Евполид, фрагменты
Ок. V в. до н.э.	Вакхилид, фрагменты
Ок. V в. до н.э.	Эмпедокл, «Очищения»
Ок. V в. до н.э. – ок. II в. н.э.	Вакхические золотые погребальные таблички
462 г. до н.э.	Пиндар, 4-я Пифийская песнь

450 г. до н.э.	Эсхил, «Хоэфоры»
442 г. до н.э.	Кратин, «Фракиянки»
431 г. до н.э.	Еврипид, «Медея»
420 г. до н.э.	Аристофан, «Осы»
414 г. до н.э.	Еврипид, «Ифигения в Тавриде»
412 г. до н.э.	Еврипид, «Елена»
410 г. до н.э.	Аристофан, «Лисистрата»
400 г. до н.э.	Аристофан, «Лягушки»
380 г. до н.э.	Аристофан, «Плутос»
Ок. IV в. до н.э.	Ксенофонт, «Воспоми- ния о Сократе»
Ок. IV в. до н.э.	Анаксилай, «Изготови- тель лир»
Ок. IV в. до н.э.	Теофраст, «Характеры»
Ок. IV в. до н.э.	Теофраст, «Исследование о растениях»
Ок. IV в. до н.э.	Теофраст, «О благоче- стии»
Ок. III в. до н.э.	Аполлоний Родосский, «Аргонавтика»
Ок. III в. до н.э.	Ликофрон, «Александра»
Ок. III в. до н.э.	Каллимах, гимн «К Артемиде»
270 г. до н.э.	Феокрит, идиллии
Ок. II в. до н.э.	Аполлодор Афинский, «Хроника»

Ок. II в. до н.э. – ок. V в. н.э.	Греческие магические папирусы
Ок. I в. до н.э.	Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»
Ок. I в. до н.э.	Катулл, «Песни»
Ок. 40 г. до н.э.	Вергилий, «Буколики»
35 г. до н.э.	Гораций, «Сатиры»
30 г. до н.э.	Гораций, «Эподы»
Конец I в. до н.э.	Вергилий, «Энеида»
8 г. н.э.	Овидий, «Метаморфозы»
8 г. н.э.	Овидий, «Фасты»
60 г. н.э.	Лукан, «Фарсалия»
Ок. I в. н.э.	Сенека, «Медея»
Ок. I в. н.э.	Стаций, «Фиваида»
Ок. I в. н.э.	Плиний, «Естественная история»
Ок. I в. н.э.	Иосиф Флавий, «Иудейские древности»
Ок. I в. н.э.	Иосиф Флавий, «Иудейская война»
Ок. I в. н.э. – III в. н.э.	Орфический гимн «К Гекате»
Начало II в. н.э.	Плутарх, «Моралии»
Начало II в. н.э.	Плутарх, «Римские во- просы»
Ок. II в. н.э.	Элиан, «О свойствах животных»

Ок. II в. н.э.	Павсаний, «Описание Эллады»
Ок. II в. н.э.	Псевдо-Аполлотор, «Мифологическая библиотека»
Ок. II в. н.э.	Климент Александрийский, «Увещевание к язычникам»
Ок. II в. н.э.	Лукиан, «Любители лжи»
Ок. II в. н.э.	Антонин Либерал, «Метаморфозы»
Ок. II в. н.э.	Татиан, «Слово к эллинам»
Ок. II в. н.э.	Цельс, «Правдивое слово»
Ок. II в. н.э.	Халдейские оракулы
Ок. II в. н.э.	Папирус из Оксиринха
Конец II в. н.э.	Апулей, «Метаморфозы, или Золотой осёл»
Начало III в. н.э.	Филострат Афинский, «Жизнь Аполлония Тианского»
Начало III в. н.э.	Климент Александрийский, «Строматы»
Ок. III в. н.э.	Ипполит, «Философумена, или Опровержение всех ересей»
Ок. III в. н.э.	Ямвлих, «О египетских мистериях»

Ок. III в. н.э.	Порфирий, «Об изваяниях»
Ок. III в. н.э.	Порфирий, «О философии из оракулов»
Ок. III в. н.э.	Порфирий, схолии к «Кратилу» Платона
Ок. III в. н.э.	Афиней, «Пир мудрецов»
Начало IV в. н.э.	Евсевий Кесарийский, «Приготовление к Евангелию»
Ок. IV в. н.э.	Арнобий, «Против язычников»
Ок. IV в. н.э.	Лактанций, «Божественные установления»
Ок. IV в. н.э.	Орфическая «Аргонавтика»
411 г. н.э.	Августин, 241-я проповедь
Начало V в. н.э.	Синезий, «Гимны»
Ок. V в. н.э.	Нонн Панополитанский, «Деяния Диониса»
Ок. V в. н.э.	Макробий, «Сатурналии»
Ок. V в. н.э.	Прокл, гимн к Гекате и Янусу
Ок. V в. н.э.	Марин, «Жизнь Прокла»
Ок. V в. н.э.	«Пистис София»
Начало VI в. н.э.	Псевдо-Дионисий Ареопагит, «О небесной иерархии»

Ок. VI в. н.э.	Дамаский, «О первых началах»
Ок. VI в. н.э.	Иоанн Лид, «О месяцах»
Ок. VI в. н.э.	Стефан Византийский, «Этника»
Ок. X в. н.э.	«Суда» (византийский словарь)
Ок. XI в. н.э.	Михаил Пселл, комментарии к халдейским оракулам
Ок. XII в. н.э.	Иоанн Цец, схолии к «Александре» Ликофрона
1533	Корнелий Агриппа, «Оккультная философия»
1571	Винченцо Картари, «Образы богов»
Ок. 1606	Уильям Шекспир, «Макбет»
1795	Эбенезер Сибли, «Новое и полное представление оккультных наук»

Глава 2.

СЛУЖИТЕЛИ БОГИНИ

В античной литературе Геката — частая гостья. Она фигурирует и в теологических трактатах, и в пересказах легенд, и в художественных произведениях. Ее функции и родословную описывали философы, чьи воззрения оказали огромное влияние на развитие магии, — от Гесиода до Порфирия; ее силы и свойства упоминаются в преданиях о таких мифических героинях, как Медея и Цирцея, образы которых снова и снова возвращаются на подмостки театров и на страницы книг. Дошедшие до нас античные тексты позволяют предположить, что Геката нередко ассоциировалась с фессалийскими колдуньями, прославившимся настолько, что мы помним о них и по сей день. Связи между Гекатой и трудами, к примеру, такого философа, как Эмпедокл, не столь очевидны, однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что Эмпедокл был сведущ в магических свойствах кореньев, а Геката, теснейшим об-

разом связывалась с *ρίζοτόμοι* («собирателями корней») и *φάρμακεία* (магией трав и растительных ядов). Иллюстрацией этому служит, в частности, призывание Гекаты из сохранившегося фрагмента утраченной пьесы Софокла «Зельекопы» (V в. до н.э.).

Гесиод

Влияние Гесиода на формирование религиозных и духовных воззрений древних греков трудно переоценить. Особенно важную роль сыграли две его поэмы — «Труды и дни» и «Теогония» (обе относятся к VIII веку до н.э.). Первая оказала влияние на развитие орфической и пифагорейской философских школ; цитаты из нее приводились как аргумент в пользу вегетарианской диеты, предписанной последователям этих учений. Вторая же, «Теогония», имела огромное значение как первый в истории упорядоченный свод древнегреческих мифов о сотворении мира и происхождении богов. Для нас она представляет особый интерес, поскольку содержит самое раннее из дошедших до нас литературных описаний Гекаты. В пантеоне «Теогонии» центральное положение занимает Зевс, но и Гекате наряду с ним отводится чрезвычайно важное место. Тысячу лет спустя такую же расстановку сил мы обна-

ружим в халдейских оракулах; и примечательно, что последние, так же как и «Теогония», почитались плодом божественного откровения.

Высказывались предположения, что Гесиод был служителем Гекаты и что именно этим объясняется необыкновенно пространное и благожелательное описание, которое он дает ей в «Теогонии». Согласно другой гипотезе, это описание «Гекаты» представляет собой позднейшую вставку, добавленную каким-то другим автором по аналогичной причине.

Нам известно, что брата Гесиода звали Перс; то же самое имя носит в «Теогонии» отец Гекаты. Едва ли Гесиод самовольно назвал последнего именем брата, тем более что в «Трудах и днях» он осыпает этого самого брата упреками, обвиняя в безрассудстве. Но можно предположить, что родители Гесиода поклонялись Гекате как своей богине-защитнице и называли в честь ее отца одного из своих сыновей.

Эмпедокл

Древнегреческий философ и знаток магических свойств растений, Эмпедокл из Акраганта (ок. 495 – ок. 435 до н.э.), заложил основы учения о четырех стихиях (Воздухе, Огне, Воде и Земле), которое используется в теории магии и по сей день. Некоторые факты его биогра-

фии позволяют предположить, что он мог быть служителем Гекаты. Эмпедокл претендовал на обладание именно теми сверхъестественными способностями, которые в легендах ассоциируются с Гекатой и ее приверженцами. Так, он утверждал, что владеет снадобьями, возвращающими молодость (вспомним, что в известном мифе Медея омолаживает старца Эсона, отца Ясона), может управлять погодой (подобно фессалийским волшебницам, о которых говорили, что они способны низвести луну с небес на землю) и даже воскрешать мертвых (эта способность приписывалась самой Гекате как хранительнице ключей подземного мира).

По преданию, Эмпедокл объявил себя бессмертным и, чтобы доказать это, прыгнул в кратер вулкана Этна и бесследно исчез. Останки его так и не были найдены — уцелела лишь одна бронзовая сандалия. А бронзовая сандалия была культовым символом Гекаты.

Один из двух сохранившихся фрагментов трудов Эмпедокла носит название «Очищения» (*Καθάρσις*), что также весьма интересно, поскольку очищение тесно ассоциировалось с Гекатой. Диодор Эфесский приводит легенду, согласно которой Эмпедокл благополучно остановил мор, вызванный загрязнением реки в городе Селине (где стоял храм, посвященный Гекате, Деметре и Персефоне). Чтобы спасти город, он распорядился повернуть две соседние

речки таким образом, чтобы воды их очистили загрязненную реку, и сам оплатил все связанные с этим работы¹. Столь щедрое благодеяние может свидетельствовать о том, что Эмпедокл был посвящен в местные мистерии упомянутых трех богинь.

Порфирий

Философ-неоплатоник Порфирий (234 – ок. 305 н.э.), уроженец финикийского города Тира, был учеником Плотина. В своих работах он затрагивал широкий спектр вопросов и тем; среди его трудов — трактаты по философии, логике, вегетарианству, оракулам, человеческим добродетелям и так далее, а также полемические сочинения против христианства. Его «Введение к “Категориям” Аристотеля» на протяжении многих веков оставалось

1 Эта легенда пересказана в трактате Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»: «Диодор Эфесский, писавший об Анаксимандре, говорит, что именно у него перенял Эмпедокл и театральную напыщенность, и величественное одеяние. Когда в Селинунте от зловоний ближней реки начался мор и люди умирали, а женщины выкидывали, то Эмпедокл придумал на собственный счет подвести туда две соседние речки, и вода, смешавшись, стала здоровой. Так прекратилась зараза; и когда селинунтяне пировали на берегу реки, перед ними явился Эмпедокл, а они, вскочив, простерлись перед ним и стали молиться, как перед богом. Чтобы это впечатление их осталось навсегда, Эмпедокл и бросился в огонь» (VIII.2, пер. М. Гаспарова).

классическим учебником по логике, признанным как в Европе, так и в странах арабского мира.

Большое влияние на философию Порфирия оказали халдейские оракулы, которые и легли в основу его представлений о Гекате. Это помогает понять, почему она так часто упоминается в его сочинениях. В своих схолиях к «Кратилу» Платона Порфирий не только утверждает превосходство Гекаты над другими богами, но и демонстрирует знакомство с халдейскими оракулами и представленной в них божественной иерархией, согласно которой именно Геката есть источник душ и их добродетелей:

...той [чистой] сути, что превосходит прочие силы этого тройственного чина животворения, сообразна власть Гекаты; средней силе, порождающей монады, — власть души, а круговращению умных сил — власть Добродетели.

Порфирий был убежденным вегетарианцем и написал на эту тему два трактата: «О воздержании от животной пищи» и «О недопустимости убийства животных ради пропитания». В своих сочинениях он часто упоминает Гекату; так, например, в трактате «О философии из оракулов» приводится оракул Гекаты о прише-

ствии Иисуса². Христианский теолог Евсевий Кесарийский в своем «Приготовлении к Евангелию» приводит обширные цитаты из Порфирия, среди которых — наставления о символах этой богини, о том, как возвести ее святилище и как ей поклоняться³.

Интересно также упоминание Гекаты в трактате «О воздержании от животной пищи», где говорится о некоем благочестивом муже, который не приносил в жертву животных, но жертвовал Гекате и Гермесу благовония и лепешки⁴. Рассуждая в этой же работе о различных богах, Порфирий особо подчеркивает достоинства Гекаты:

2 «Когда спросили, бог ли Христос, Геката сказала:

Путь бессмертной души, покинувшей тело, ты знаешь.

Если ее отделить от души, она вечно блуждает.

Благочестивейший муж обладал той душою...

Таким образом (оракул) назвал его благочестивейшим и сказал, что душа его, как и других, после смерти обрела бессмертие, и ей поклоняются невежественные христиане. А когда спросили, за что его казнили, оракул ответил:

Бренное тело всегда поддается жестоким мученьям,

Души же праведников в небесах обретают обитель.

Но тем существам, которым судьбой не дано обрести дары богов и познание бессмертного Юпитера, та душа (душа Иисуса) дала погрязнуть в заблуждении. Поэтому-то они ненавистны богам — потому что, поскольку им не дано судьбой познать бога и получить дары богов, он (Иисус) роковым образом дал им погрязнуть в заблуждении. Сам же он — праведник и, как все праведники, поднялся на небо. Поэтому его не надо хулить, а надо сожалеть о безумии людей, о возникшей из-за него для них серьезной, неотвратимой опасности» (Порфирий, «О философии из оракулов», пер. А. Рановича).

3 См. цитаты на стр. 66, 69–70.

4 См. цитату на стр. 47–48.

Геката же благосклоннее внимает,
когда ее призывают именами быка,
собаки и львицы.

Взгляды Порфирия сформировались под влиянием его учителя, Плотина, диалог с которым продолжился в общении Порфирия с его собственным учеником, Ямвлихом. Последний стал автором классического трактата по теургии — «О египетских мистериях».

Кирка (Цирцея)

У Перса была дочь Геката <...>
Геката вышла замуж за Ээта и родила
от него двух дочерей — Кирку и Медею, а также сына Эгиалея⁵.

Кирка, первая из великих вымышленных волшебниц или колдуний в древнегреческой литературе, наделялась целым рядом магических способностей, приличествующих ее полубожественному статусу и родству с Гекатой. Она умела управлять погодой, незримо переноситься с места на место и превращать людей в животных; она владела любовной магией и некромантией, повелевала животными и была сведуща в магии растений.

⁵ Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V.XLV.1, рус. пер. О.П. Цыбенко.

Одиссей смог устоять против Кирки, пытавшейся превратить его в свинью, только благодаря волшебному растению, которое дал ему бог Гермес. Но против ее любовных чар даже он оказался бессилен и задержался на ее острове на целый год. Комментатор поэмы Ликофрона «Александра» утверждает, что после смерти Одиссея Кирка призвала его тень из царства мертвых; таким образом, от внимания могущественных чародеев обычный человек не мог укрыться даже в загробном мире.

Кирка традиционно изображается как жрица Гекаты, а в некоторых источниках — и как ее дочь. В «Аргонавтике» Кирка по велению Зевса совершает очистительные обряды над своей племянницей Медеей и Ясоном, коварно умертвившими брата Медеи, Апсирта. Этот эпизод, предваряемый видениями, из которых она узнает о свершившемся убийстве и о необходимости очищения, свидетельствует, что Кирка обладала также магическими способностями жрицы:

... И Кирка постигла,
Что пред ней изгнания скорбь
и нечестье убийства.
Вот почему по закону молящих
защитника Зевса,
Гнев чей силен, но сильна и помощь
повинным в убийстве,

Жертву она совершать начала,
очищается коей
Всякий, кто, зло сотворив,
к очагу припадает с мольбою.
Прежде всего, дабы смыть убийства
грех неизбывный,
Взяв порождение свиньи,
у которой сосцы еще были
Полны после родов, она ему
горло рассекла,
Кровью руки убийц окропила,
затем омовеньем
Грех отмаливать стала,
к Зевесу Кронидау зывая,
Что обеляет от скверн
и моления убийцы приемлет.
И очищения воду потом
служанки наяды
Из дому прочь унесли, наяды,
пособницы в деле.
Кирка меж тем примирения дар
Эриниям грозным —
Жгла лепешки, творя возлиянье
резвою влагой,
Пред очагом умоляя. Зевеса,
чтоб гнев их смирил он
И чтобы сам благосклонен
и милостив стал для обоих...⁶

6 IV:698–715, пер. Г. Церетели.

Медея

Медея — пожалуй величайшая из всех трагических героинь (или злодеек, в зависимости от позиции повествователя) античной литературы. В некоторых изложениях она описывается как дочь Гекаты; в других называет эту богиню «владычицей, которую я чту особенно, пособницей моею»⁷. И во всех версиях мифа без исключения она предстает как жрица Гекаты:

... бывала нечасто
Дома Медея дотоль,
но бессменно в храме Гекаты
Службу несла, ибо жрицей
она состояла богини⁸.

Медея стала основоположницей нового мотива в литературе — как прекрасная и могущественная женщина, способная не только воскрешать мертвых, но и возвращать молодость старцам. Она омолаживает самого Ясона и его отца Эсона, кормилиц Диониса⁹ и старого барана, а затем нарочно сообщает дочерям Пелия неправильное заклинание, чтобы те

7 Еврипид, «Медея», пер. И. Анненского.

8 Аполлоний, «Аргонавтика», III:250–252, пер. Г. Церетели.

9 Точнее, она упоминается в единственном сохранившейся фрагменте эсхилловской драмы «Кормилицы Диониса» — как «та, что вкroшить умеет жизнь сверхсрочную» (рус. пер. М. Гаспарова).

погубили своего отца. Эта чудесная способность приписывалась Медее уже в самых ранних версиях мифа — например, упоминание о ней встречается во фрагменте утраченной эпической поэмы «Носты» («Возвращения»), где Медея варит волшебные травы в золотом котле. Сама она постоянно подчеркивает, что в магических деяниях ей помогает сама Гека́та: «...троеликая лишь бы богиня / Мне помогла и к моим чрезвычайным склонилась деяньям!»¹⁰

В связи с Медеей заслуживают упоминания еще два обстоятельства. Во-первых, когда она бежала из Афин, некий народ принял ее как правительницу и стал называться в ее честь мидянами. Во-вторых, она была пророчицей; ей приписывается оракул о колонизации греками города Феры, впоследствии подтвержденный дельфийской пифией. В связи с этим пророчеством Пиндар возводит Медею в божественный сан, утверждая, что она изрекла его «несмертными устами»¹¹.

О том, насколько значимой фигурой была Медея, говорит не только частота ее упоминаний в литературе, но и само количество ее деяний, описания которых представляют важный источник контекстуальных сведений о магических практиках. К счастью для нас, античные

10 Овидий, «Метаморфозы», VII:177–178, пер. С. Шервинского.

11 Пиндар, 4-я Пифийская песнь, пер. М. Гаспарова.

поэты стремились вписать сюжетный материал в контекст, знакомый и понятный их слушателям, благодаря чему мы можем проследить, как этот контекст менялся на протяжении веков: от «Аргонавтики» Аполлония Родосского и «Медеи» Еврипида до «Медеи» Сенеки и «Метаморфоз» Овидия.

Фессалийские волшебницы

Фессалийские волшебницы не были жрицами Гекаты, но зачастую ассоциировались с ней как опытные мастерицы в областях магии, особенно тесно связанных с этой богиней, — таких, как *véκνια* (вопрошание духов умерших, т.е. некромантия), *γοητεία* (колдовство) и *φαρμακεία* (магия трав и растительных ядов). В поэме Лукана «Фарсалия» (I век н.э.) фессалийская колдунья Эрихто взывает к Персефоне, упоминая при этом Гекату как свою богиню-покровительницу:

... Ты, отвергшая небо и мать,
Ты, Персефона, для нас
 воплощение третья Гекаты,
Через которую я сношусь
 молчаливо с тенями!¹²

12 VI:699—701, пер. Л. Остроумова.

Эта цитата интересна не только тем, что Геката в ней отождествляется с Персефоной, но и содержащимся в ней намеком на то, что Персефона добровольно покинула небо и свою мать Деметру ради подземного мира и общества Аида. Ассоциации между Фессалией (северной областью Греции) и магическими практиками прослеживаются и в греческих магических папирусах, приписывающих авторство нескольких некромантических заклинаний фессалийскому царю Питису¹³. Подчеркивая волшебный характер самой фессалийской земли, Лукан пишет в «Фарсалии»:

На фессалийской земле растут
 смертоносные травы,
Ведомы скалам ее замогильные
 тайнства магов
И заклинания их. Там всюду
 рождаются зелья
Для заклинанья богов:
 колхидская гостья¹⁴ сбирала
Здесь, в гемонийской¹⁵ земле,
 с собою не взятые травы¹⁶.

Итак, из знаменитых волшебниц в литературе, связанных с Гекатой, фессалийской кол-

13 PGM IV.1928–2005, PGM IV.2006–2125, PGM IV.2140–2144, — *Примеч. авт.*

14 Т.е. Медея.

15 Т.е. фессалийской.

16 VI:438—442, пер. Л. Остроумова.

дуньей была Эрихто, а Медея собирала в Фессалии колдовские травы. Ко временам Горация слова «фессалийский» и «магический» стали синонимами: так, в сцене из «Эподов», где Канидия и ее подружки-ведьмы собираются принести в жертву ребенка, фигурирует итальяйская ведьма Фолия, которая «фессалийским сводит заклинанием <... > луну со звездами»¹⁷.

Лампады

Алкман, спартанский лирический поэт VII века до н.э., упоминает группу нимф-факелоносиц — спутниц Гекаты¹⁸. Других сведений об этих нимфах, именуемых Лампадами, в источниках не встречается, но ранняя дата этого единственного упоминания наводит на предположение, что перед нами — последнее свидетельство некой традиции, существовавшей в глубокой древности. Может быть, эти нимфы олицетворяли жриц Гекаты, подобных тем факелоносцам, которые участвовали в Элевсинских мистериях.

17 5-й эпод, пер. Ф. Александрова.

18 Алкман, фр. 63: «...Наяды, и Лампады, и Фиады...» (пер. В. Ярхо).

Вегетарианцы

Примечательно, что все вышеназванные философы, упоминавшие Гекату в своих произведениях, были строгими вегетарианцами. Эмпедокл, веривший в переселение душ, утверждал, что поедание мяса другого живого существа — тяжкий грех, ибо при этом поглощается чья-то душа, идущая своим путем к божественности. Он был убежден, что в золотом веке люди не приносили животных в жертву и не ели мяса. Для подношения богам использовали благоуханные смолы (ладан и мирру) и мед.

Эти взгляды Эмпедокл страстно отстаивает в своей поэме «Очищения», из которой до наших дней дошли только фрагменты:

Где же убийствам ужасным предел?
Неужели беспечный
Ум ваш не видит того, что снедью
вы стали друг другу?
<...>
Горе мне! если бы день роковой
ниспослал мне кончину
Прежде, чем губы мои
нечестивой коснулись пищи!¹⁹

Представление о том, что в золотом веке никто не вкушал мясной пищи, восходит еще

19 124, 126, пер. Г. Якубаниса в переработке М. Гаспарова.

к «Трудам и дням» Гесиода (VIII век до н.э.), где упоминается лишь о растительном характере питания в ту благословенную пору:

... Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлеבודарные земли²⁰.

Философы-пифагорейцы IV века до н.э. — картограф Дикеарх из Мессены и его друг, естествоиспытатель Теофраст, — тоже были вегетарианцами и писали о вегетарианстве людей золотого века. В своем трактате «О благочестии» Теофраст развивал воззрения Гесиода.

Страстным поборником вегетарианства был Порфирий, написавший на эту тему два трактата: «О воздержании от животной пищи» и «О недопустимости убийства животных ради пропитания». Интересно, что вегетарианцами были также учителя Порфирия — знаменитые философы Плотин и Плуларх.

В трактате «О воздержании...» Порфирий приводит рассказ о переходе от жертвоприношения животных к практике подношения благовоний и первых плодов урожая в дар богам. Возможно, за этим стоит попытка возвращения к обычаям блаженного золотого века:

... он²¹ приносит им жертвы усердно и в положенное время, каждое новолуние, увенчивая и украшая из-

20 118–119, пер. В. Вересаева.

21 Клеарх, житель аркадского города Метридия.

ваяния Гермеса и Гекаты <...> и почитая богов фимиамом, священными облатками и лепешками.

Вегетарианцами были также римские философы Сенека и Овидий — авторы сочинений, в которых излагается история Медеи («Медея» и «Метаморфозы» соответственно) и содержатся упоминания о ее служении Гекате.

Глава 3.

СВЯЩЕННЫЙ ЭЛЕВСИН

Элевсин был для Древней Греции тем же, чем впоследствии для Европы стал Ватикан: невероятно влиятельным и могущественным религиозным центром. В Элевсине поддерживался мистериальный культ, включавший Великие и Малые мистерии, в основе которых лежал миф о богине плодородия Деметре и ее дочери Персефоне. Посвящение в Элевсинские таинства считалось исключительно важным как с общественной, так и с духовной точки зрения: оно не только придавало посвященному более высокий статус, но и, как полагали, обеспечивало счастливую загробную жизнь в подземном мире, царицей которого была Персефона.

Култ Гекаты — наряду с культами Деметры и Персефоны — тесно переплетался с Элевсинскими мистериями. Ученый II века до н.э. Аполлодор Афинский в своей «Хронике» (III.14.7) сообщает, что после смерти афинско-

го царя Эрихтония на престол взошел его сын Пандион, в царствование которого Деметра пришла в Аттику и была гостеприимно принята царем Элевсина Келеем. На основании этого упоминания пришествие Деметры в Элевсин относили к периоду 1462–1432 гг. до н.э.

Далее в той же «Хронике» утверждается, что первые мистерии в Элевсине состоялись в правление царя Эрехтея, около 1409 года до н.э. Таким образом, если участие Гекаты в Элевсинских мистериях не является позднейшей интерполяцией, если эта богиня присутствовала в них с самого начала, это свидетельствует о том, что в Греции она была известна уже в XV веке до н.э., за семь столетий до первого письменного упоминания ее имени (в «Теогонии»).

Связь Гекаты с Элевсинскими мистериями сбросить со счетов невозможно. Несмотря на все разнообразие теорий и домыслов о характере таинств и ритуалов, совершавшихся в Великих и Малых мистериях, остается бесспорным одно, а именно — что Элевсин был чрезвычайно важным духовным центром. Элевсинские жрецы владели огромными участками земли и были невероятно богаты; их политическое влияние простиралось на весь известный эллинам мир. Археологические находки свидетельствуют, что святилище в Элевсине могло существовать уже около 1500 года до н.э., под-

тверждая тем самым датировку из «Хроники» Аполлодора.

Согласно греческому географу Павсанию, меньший по размерам храм, стоявший у входа в главное святилище, был посвящен Артемиде Пропилее и морскому богу Посейдону. Между тем «Пропилея» («Привратница») — это один из главных эпитетов Гекаты, и не исключено, что в действительности храм был посвящен не Артемиде, а Гекате и Посейдону. Тем более что Артемиде не упоминается с этим эпитетом ни в каких других источниках и не связана с мистериями Персефоны и Деметры, составлявшими элевсинский культ.

Геката, напротив, ассоциировалась в других источниках (например, в той же «Теогонии») с Посейдоном и, кроме того, в жертву ей нередко приносили рыбу. Еще одно свидетельство в пользу этой гипотезы обнаруживается на вазе, найденной при раскопках на месте малого элевсинского святилища. На ней изображена бегущая дева с двумя факелами в руках, которую большинство современных исследователей отождествляют с Гекатой.

Гомеровский гимн «К Деметре» — это, по сути, канонический текст элевсинского культа: в нем излагается миф о похищении Персефоны. Напомним читателям этот сюжет, чтобы прояснить, какую роль сыграла в нем Геката.

Аид, бог подземного мира, был одинок на своем престоле. Чтобы скрасить одиночество брата, Зевс, владыка богов, позволил ему похитить свою дочь Персефону и взять ее в жены. Тогда Аид замыслил ловушку для юной девы, и богиня земли Гея вырастила по его просьбе прекрасный цветок нарцисса. Собирая цветы на Нисейской равнине с другими юными богинями, Персефона заметила нарцисс, росший в стороне, и направилась к нему, отделившись от подруг. Но тут Аид вырвался из-под земли на своей колеснице, схватил Персефону и умчал ее в подземное царство. Единственными свидетелями похищения оказались Геката, которая слышала из своей пещеры крик Персефоны, и Гелиос, бог солнца, видевший с неба все, что произошло.

Персефона тщетно взывала из-под земли к своей матери, а Деметра столь же тщетно искала дочь по всей земле. Так продолжалось девять дней, а на десятый Геката предстала перед Деметрой, поведала, что слышала отчаянный зов Персефоны, и предложила выяснить у Гелиоса имя похитителя. Гелиос рассказал все, что видел, добавил, что подлинным виновником происшедшего был сам Зевс, и попытался убедить Деметру, что владыка подземного мира — достойный жених для ее дочери. Однако Деметра осталась безутешной. В горе она скиталась по земле, изменив свой облик, пока,

наконец, не пришла в Элевсин, где была принята во дворец и стала кормилицей Демофона, сына царицы Метаниры.

Деметра отказывалась от пищи и питья до тех пор, пока служанка Ямба не развеселила ее непристойными шутками. Тогда Метанира поднесла богине вина, сдобренного медом, но Деметра отвергла его, велев вместо вина поднести ей напиток под названием кикеон — смесь ячменя с водой и полеем (болотной мятой). Этот напиток впоследствии стал обрядовым в Элевсинских таинствах.

Деметра вскармливала младенца-царевича амброзией и каждую ночь тайно закаляла его в огне, чтобы сделать бессмертным. Но однажды царица Метанира застала ее за этим занятием и в ужасе вскрикнула, из-за чего обряд прервался и продолжить его стало уже невозможно. Деметра открыла царице свою божественную сущность и сказала, что теперь Демофон останется смертным, как любой другой человек. Затем она велела воздвигнуть ей храм в Элевсине и справлять таинства в ее честь. Когда храм был построен, Деметра поселилась в нем и на целый год сделала землю бесплодной: урожай не взошел, и люди тяжело страдали и умирали от голода.

Увидев с Олимпа бедствия, постигшие человечество, Зевс послал к Деметре свою вестницу, богиню Ириду. Деметра не откликнулась на

зов; тогда все остальные боги стали приходить к ней с дарами, умоляя вернуться на Олимп, но Деметра отвечала, что не сдвинется с места и не снимет бесплодие с земли, пока ей не возвратят дочь.

Зевс вынужден был отправить Гермеса в подземное царство, и тот уговорил Аида отпустить Персефону. Но перед тем, как расстаться с женой, Аид дал ей съесть несколько зерен граната, из-за чего Персефона оказалась привязана к подземному миру и обречена возвращаться в него снова и снова. Тем не менее, на время она воссоединилась с матерью; их обеих радостно встретила Геката, приветствовавшая Персефону в мире живых и ставшая ее проводницей и спутницей (*πρότολος*) в ежегодном путешествии под землю. Ибо Зевс объявил, что Персефона отныне обязана проводить треть года в царстве мертвых, со своим мужем, а две трети — на земле, с матерью. Поэтому на третью часть года земля всякий раз становится бесплодной: Деметра вновь оплакивает разлуку с дочерью.

Важно отметить, что во время похищения Персефоны только Геката и Гелиос заметили, что творится неладное.

... не услышал призыва ее
ни один из бессмертных.
Слышала только из темной пещеры
Персеева дочь,

Нежная духом Геката,
с блестящей повязкою дева¹.

То, что Геката услышала крики и шум борьбы, на которые не обратил внимания больше никто из богов, свидетельствует о даре воспринимать незримое. Более того, на связь этой богини с путями природы, как зримыми, так и незримыми, указывает ее описание как «бдящей о силах природы»².

Интересное наблюдение высказывает А.Н. Атанассакис, переводчик гомеровских гимнов на английский язык. Он усматривает в гимне «К Деметре» возможное указание на связь Гекаты с Луной:

Но лишь десятая в небе забрезжила
светлая Эос³,
Встретилась скорбной богине Геката,
державшая светоч⁴.

Впрочем, не исключено, что под этим «светочем» подразумевается не Луна, а Венера, утренняя звезда, последняя из звезд, видимых на небе в лучах восходящего солнца. Если так, то можно предположить, что в образе двух факелов Гекаты выступала Венера в обличьях утренней и вечерней звезды.

1 Гомеровский гимн «К Деметре», 23–25., пер. В. Вересаева.

2 В русском переводе Вересаева этот эпитет опущен.

3 Т.е., на рассвете десятого дня после похищения Персефоны.

4 «К Деметре», 51–52.

Некоторые любопытные и значимые вариации мифа обнаруживаются в орфическом гимне «К Деметре». Здесь Аид похищает Персефону не на Нисейской равнине, а непосредственно в Элевсине. Отметим, что название «Ниса» носило несколько местностей, и одна из них, что немаловажно, находилась в окрестностях города Лагина — культового центра Гекаты. Кроме того, гора под названием «Ниса» считалась местом рождения Диониса.

Место служанки Ямбы, развеселившей богиню неприличными шутками, в орфической версии занимает старуха Баубо, которая рассмешила Деметру, показав ей свои гениталии, и поднесла ей кикеон. В орфической традиции Баубо ассоциировалась с Гекатой как вариант имени или спутница этой богини; кроме того, в тексте дефиксиона (таблички-проклятия) из Клавдиополя Баубо/Геката связывается с Артемидой и Эрешкигаль⁵. Быть может, памятью о Баубо были порождены и знаменитые шилана-гиг — скульптурные изображения женщин с открытыми и увеличенными гениталиями, встречающиеся в декоре средневековых церквей и замков по всей Европе.

В гомеровском гимне «К Деметре» Геката заключает Персефону в объятия и далее именуется буквально ее «предшественницей»

⁵ Каталог дефиксионов из музея Редингского университета, Кормак, 1951. — *Примеч. автора.*

(πρόπολος) и «последовательницей» (ὀπάων). Это не столько описание функций Гекаты, сколько указание на ее положение: при нисхождении Персефоны в подземное царство Геката шествует перед ней, а при возвращении на землю — позади нее, чтобы уберечь ее от любых опасностей. Несмотря на то, что на третью часть года Персефона принимает функции хтонической царицы мертвых, на протяжении остальных двух третей она вновь становится кроткой и благодатной богиней, шествующей по земле. Поэтому в своих путешествиях в подземный мир и обратно она нуждается в Гекате как провожатой и защитнице.

Деметра была тесно связана с Гекатой не только в Элевсинских мистериях: известны другие храмы Деметры, в которых имелось святилище для Гекаты, выступавшей как стражница таинств, — храмы в Селинунте (Сицилия) и на острове Самофракия.

В схолиях к «Аргонавтике» Деметра (Део) названа матерью Гекаты. Это можно истолковать как еще одно звено сложной цепи взаимосвязей между Гекатой, Деметрой и Исидой. Деметра часто отождествлялась с Исидой, а Исида, в свою очередь, — с Гекатой. Геката и Деметра связывались друг с другом в контексте Элевсинских мистерий. Деметра объединяется с Исидой в «Истории» Геродота (V век до н.э.) и во многих более поздних текстах,

таких как «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского (I век до н.э.) и «Моралии» Плутарха (II век н.э.).

Дополнительный свет на тайны Элевсина проливают золотые вакхические погребальные таблички, относящиеся к периоду с V века до н.э. по II век н.э. В текстах этих табличек — погребальных даров посвященным в орфические мистерии — подчеркиваются и важная роль Гекаты в Элевсинских таинствах, и взаимосвязанность богинь, которым поклонялись в Элевсине. Бримо (обычный эпитет Гекаты) в вакхических табличках отождествляется с двумя другими элевсинскими богинями — Деметрой и Персефоной⁶.

Христианский богослов II века н.э. Климент Александрийский писал об Элевсинских мистериях: «Я постился, пил кикеон»⁷. Из этого следует, что соискатели посвящения должны были посредством поста обрести восприимчивость, облегчающую переход в измененное состояние сознания. Роль ритуального напитка, кикеона, в Элевсинских мистериях по сей день остается спорной. Из гомеровского гимна «К Деметре» мы знаем, что его готовили из ячменя, воды и поля (болотной мяты). Болотная мята обладает абортивным действием, и этот

6 Graf & Johnston, *Ritual Texts for the Afterlife*, 2007, p. 151. — *Примеч. авт.*

7 Климент Александрийский, «Увещевание к язычникам», XXI, пер. А. Братухина.

факт, скорее всего, был хорошо известен элевсинским жрицам, сведущим, по всей вероятности, в фармакее — магии трав, наркотических веществ и ядов.

Толченый ячмень, смешанный с водой, начинает бродить и превращается в алкогольный напиток. Поэтому не удивительно, что соискатели, выпивавшие кикеон, легко входили в измененное состояние сознания, — тем более если предположить, что к напитку добавлялись особые травы. Согласно одной гипотезе, в состав кикеона входила спорынья, обладающая сильным психоактивным эффектом; но с такой добавкой напиток становился бы смертельно опасным и его действие трудно было бы контролировать.

Поскольку в образности Деметры важное место занимают цветы мака, предполагалось также, что в кикеон добавляли опиум. Несомненно, это весьма способствовало бы переходу посвящаемых в измененное состояние, однако никакими вескими доказательствами этой гипотезы мы не располагаем. С таким же успехом в состав напитка могли входить и любые другие психоактивные растения — например псилоцибиновые грибы, — и с таким же успехом кикеон мог состоять только из воды, ячменя и болотной мяты, безо всяких добавок. Известно, впрочем, что этот напиток пили не только в обрядовых целях, но и на обычных

пирах, из чего можно сделать вывод, что он обладал теми или иными приятными свойствами.

В вазописи Геката изображалась стоящей у дверей святилища с двумя факелами в руках, из чего следует, что основной ее функцией в Элевсинских мистериях была роль проводницы (πρόπολος). Можно предположить, что жрицы Гекаты проводжали соискателей через лабиринт подземных пещер и переходов, освещая им путь двумя факелами. Климент Александрийский сообщает, что далее разыгрывалась некая мистическая драма; из его описания можно сделать вывод, что перед соискателями ритуальным образом воспроизводился миф о похищении Персефоны как тот изложен в гомеровском гимне «К Деметре»:

Деметра же и Кора стали уже персонажами мистической драмы, а их скитание, похищение и скорбь Элевсин освещает светом факелов⁸.

Другой христианский автор, африканец Лактанций, обращенный язычник, подтверждает предположение о важной обрядовой роли жриц-факелоносиц. В своем трактате «Божественные установления» (IV век н.э.), он пишет, подразумевая ту же мистическую драму, что и Климент:

⁸ Там же, XII.

Ибо ведь рассказывают, что ее [Персефону] на Сицилии искала Церера [Деметра] с зажженным от жерла Этны факелом, отчего и священнодействия в ее честь проводятся с горящими факелами⁹.

С функциями Дадухос (Факелоносицы), освещающей путь, связаны и такие эпитеты Гекаты, как Фосфорос («Светоносная») и Пирфорос («Огненосная»). Указание на эту же роль встречается в одной недатированной схолии, где о Гекате и Аполлоне говорится, что они «озаряют дороги светом: он — днем, она же — ночью». Впоследствии огонь ее факелов превратился в пламя звездных сфер и «умный» огонь халдейских оракулов.

⁹ Лактанций, «Божественные установления», I.24, пер. В. Тюленева.

Глава 4.

ОБРАЗЫ ГЕКАТЫ

Древнейшее из дошедших до нас изображений Гекаты — небольшая (20 см высотой) терракотовая статуэтка VI века до н.э. Богиня увенчана короной и восседает на троне в той же позе, в какой обычно изображалась Кибела, разделявшая с Гекатой эпитет «Бримо» («гневная», или «грозная»).

По словам греческого географа Павсания, сохранившиеся изображения Гекаты как трехтелой богини представляли собой копии более ранней работы скульптора Алкамена. Поскольку деятельность Алкамена относится ко второй половине V века до н.э., тройственный образ Гекаты, вероятно, возник достаточно рано и прославился именно благодаря этой скульптуре, стоявшей возле храма бескрылой Ники (Победы) и известной под названием «Эпипиргия» («Хранительница крепости», букв. «Стоящая на башне»):

Из богов эгинеты чтут больше всего Гекату и каждый год совершают таинства в честь Гекаты; они говорят, что эти таинства установил у них фракиец Орфей. Храм Гекаты находится внутри ограды. Деревянное ее изображение, работы Мирона, имеет одно лицо и одно тело. Как мне кажется, впервые Алкамен создал Гекату в виде трех соединенных друг с другом статуй; афиняне называют эту Гекату «Хранительницей крепости» (Эпипиргидия); она стоит у храма «Бескрылой победы»¹.

Особенно важна отмеченная в этом описании связь мистических обрядов Гекаты с Орфеем и, следовательно, орфическими мистериями. Как уже говорилось в главе об Элевсине, Геката играла в орфических мистериях не последнюю роль, в особенности под именем Бримо, упоминаемым на орфических погребальных табличках как «пароль», который посвященный должен назвать после смерти, у врат подземного мира, дабы оградить себя от опасностей.

Резное изображение трехтелой Гекаты обнаруживается на фризе Пергамского алтаря (II век до н.э.). В этой композиции Геката и Артемида сражаются с гигантами Клитием и Отом. Геката изображена с копьем, факелом

¹ Павсаний, «Описание Эллады», II.30.2, пер. С. Кондратьева.

и щитом. Она бьется со змееногим гигантом, которого кусает собака, принадлежащая одной из богинь.

Многие почитатели Гекаты устанавливали у себя перед домом небольшое святилище с тройной статуей этой богини. Такие святилища назывались гекатейонами. Аристофан вкладывает упоминание о них в уста одного из персонажей своей комедии «Осы»:

Недаром слышал я, что все дела суда
Со временем в домах мы будем разбирать,
И каждый гражданин построит у себя
В сенях судилище размеров небольших,
С часовенку Гекаты. В каждом доме суд!²

Эта пьеса была написана в 420 году до н.э., из чего следует, что в конце V века до н.э. культ Гекаты был широко распространен в Афинах. Несомненно, что уже в то время тройные статуи Гекаты ассоциировались с перекрестками — распутьями трех дорог.

Иными словами, Геката теперь почиталась не только как Триморфос («трехтелая», или «имеющая три обличья»), но и как Триодитис (владычица «трех дорог», или «перекрестков»). Последний эпитет позже был латинизирован, и Геката Триодитис превратилась в Гекату Тривию (так же, как Геката Триморфос — в Гекату Триформис). В этой роли она представляла как

2 Аристофан, «Осы», пер. В. Ярхо.

зловещая царица мертвых, окруженная свитой призраков и демонов. В римский период она была отождествлена с Дианой, приобретшей тот же эпитет — Диана Тривия. Еще один эпитет Гекаты, Энодия («дорожная»), первоначально был именем слившейся с ней фессалийской богини; впоследствии Геката разделила его с Артемидой, Селеной и Персефоной.

Самые древние из дошедших до нас элевсинских изображений Гекаты также датируются V веком до н.э. В их числе — так называемая «Бегущая дева» (ок. 480 до н.э.), первоначально считавшаяся изображением Артемиды, но затем отождествленная с Гекатой ввиду характерного атрибута последней — двух факелов. На вазе середины V века до н.э. Геката с двумя факелами охраняет вход в святилище, выступая в характерной для нее роли Пропилеи («привратницы»).

Путаница между Гекатой и Артемидой возникла и в других случаях. Эти богини во многом схожи между собой: их часто изображали в одинаковых коротких хитонах и в сопровождении псов. Более того, Артемиде также иногда вручали два факела — традиционный атрибут Гекаты. Уверенно отличить Артемиду от Гекаты нередко позволяют лишь атрибуты богини-охотницы — лук и стрела или колчан со стрелами; впрочем, установить личность богини иногда помогают сопутствующие пер-

сонажи (например, Гермес чаще изображается с Гекатой, чем с Артемидой).

Что касается более поздних изображений, то у Евсевия Кесарийского (начало IV века н.э.) в «Приготовлении к евангелию» мы находим цитату из Порфирия, в которой якобы со слов самой богини описывается, как должна выглядеть статуя Гекаты:

И о себе же самой так повелела Геката:
«Без промедленья исполни все это;
воздвигни мой образ
В белых одеждах; укрась меня щедро
дарами Деметры;
Златом сандалий одень мои стопы,
а девственный пояс
Длинными змеями так перевей,
чтобы, гладко сплетаясь,
Кольцами тело укрыли мое
от главы до подножья.
Так изваяй меня, — молвила, —
взяв для искусной работы
Камень паросский иль бивень слоновий,
блестящий и гладкий»³.

В трактате «Об изваяниях» (III век н.э.) Порфирий пишет о Гекате как олицетворении трех фаз луны:

Но та же луна есть Геката как символ ее изменчивых ликов и самой ее

³ Цитаты из трактатов Порфирия (в т.ч. сохранившиеся в «Приготовлении к Евангелию» Евсевия) приводятся в пер. А. Блейз.

силы, зависящей от лика. Ибо сила ее [= Гекаты] предстает в трех формах: как новорожденная луна она облачена в белые одежды и золотые сандалии и держит горящие факелы; корзина, которую она несет, поднявшись высоко, означает рост злаков, подвластный возрастанию ее света; полная же луна предстает как богиня в медных сандалиях.

Не исключено, что именно к этому упоминанию восходит образ тройственной богини ведьм, который начал приобретать известность с середины XII века. Цитируя Порфирия, Евсевий добавляет еще одну деталь, подкрепляющую эту гипотезу, а именно: с Гекатой ассоциировались три цвета — белый, красный и черный. Те же самые цвета обычно связываются с тройственной богиней ведьм:

Из воска трех цветов — белого, черного и красного — лепят образ Гекаты с плетью, факелом и мечом, обвитый змеей по кругу⁴.

Еще один важный элемент символики Гекаты — ее связь с четырьмя стихиями, на которую указывает писатель VI века н.э. Иоанн Лид в трактате «О месяцах»:

⁴ Евсевий Кесарийский, «Приготовление к Евангелию», V.14.

...откуда они [= халдеи] выводят тайное учение о четырех стихиях и четвероголовой Гекате. Ибо голова огнедышащего коня обращена, несомненно, к сфере огня; голова быка, храпящего, как некий буйный дух, обращена к сфере воздуха; голова гидры, существа едкой и неустойчивой природы, обращена к сфере воды; голова же собаки, карающей и мстительной по природе своей, обращена к сфере земли.

Первое упоминание о четырехликой Гекате встречается еще несколькими столетиями раньше, в «Заклинании влечения» из греческих магических папирусов (IV.2559–2560), где говорится:

Бегущая среди звезд, небесная, несущая факел, дышащая огнем, жена четвероликая, четвероименная, четырех дорог госпожа.

В «Приготовлении к Евангелию» Евсевий приводит подробные указания Порфирия о том, как изготовить благовоние Гекаты, основой которого служат толченые ящерицы. Судя по описанию, это довольно простая и весьма практичная процедура. Благовоние полагалось смешивать при новорожденной луне; затем им окуривали изображение богини, изготовлен-

ное из корня руты, и помещали этот образ в ларец из лаврового дерева.

О том, что они [т.е. боги] сами сообщали, как и из чего делать их изваяния, свидетельствует нижеследующий ответ Гекаты:

«... Ныне тебе покажу,
как очистить мой образ:
Стана подобье из руты сплети
и осыпь его щедро
Ящериц, в доме обычно снующих,
толченою плотью,
С миррой, камедью и ладаном
в ступе под небом открытым
Смешанной в свете луны обновленной
со словом обета.

Затем она сообщает слова обета и указывает, сколько ящериц надобно взять:

Ящериц столько возьми,
сколь обличий я разных имею,
Точно и с тщанием это исполнив,
устрой мне жилище —
Дом из древесных ветвей мне воздвигни,
из дикого лавра.
После молитвы ко мне вознеси
перед образом этим,
И не замедлю явиться тебе
я в ночном сновиденьи».

Образ, подобный этому, она описывает и в другом месте⁵.

Любопытно, что в этой операции использовалась рута: в «Заклинании, чтобы увидеть духа, помогающего принять решение»⁶ описывается вавилонская мазь для умащения черепов и статуэток, предназначавшихся для общения с духами умерших, и в состав этой мази также входила рута, истолченная в воде с кедровой древесиной.

Описание этого средства повторяет немецкий маг Корнелий Агриппа в своей «Окультурной философии» (книга 3, 1533 год). Еще несколькими столетиями позже Оливер Мэддокс Хюффер в «Книге ведьм» (1908) отмечает, что интерес к подобным практикам пережил античность и сохранялся по меньшей мере до начала XII века. Вот одна из операций, описанных в книге Хюффера:

Изготовь деревянную статую из корня дикой руты, хорошо отполированного, и умасти ее плотью обычных маленьких ящериц, истолченных в пасту с миррой, стираксом и ладаном. Оставь эту смесь под открытым небом на растущей луне, а затем (по-видимому, в полнолуние) произнеси следующие слова: «Приди,

5 Там же, V.12.

6 Общее название ряда древнеаккадских текстов, содержащих указания по некромагическим операциям.

подземная, земная и небесная Бомбо, богиня дорог и перекрестков, врагиня света, блуждающая в ночи, подруга и спутница ночи, та, кому в радость собачий лай и пролитие крови, скиталица среди теней и могил, жаждущая крови и вселяющая ужас в смертных, Горго, Мормо, тысячеликая луна! Удостой наши жертвы благосклонного взора». Затем возьми столько ящериц, сколько у Гекаты различных форм, и не забудь устроить для нее скинию из ветвей, срезанных с дикого лавра. Затем вознеси этому образу пылкие молитвы, и увидишь богиню⁷.

Надо отметить, что в своем описании Хьюффер смешивает процесс, воспроизведенный Евсевием со слов Порфирия, с хтоническим призыванием Гекаты, которое приводит Ипполит в «Опровержении всех ересей»:

Подземная, земная
и небесная Бомбо, приди!
Богиня обочин и перекрестков,
светоносная, ночестранница,
Ненавистница света, подруга
и спутница ночи;
Ты, кому в радость
собачий лай и алая кровь,
Ты, блуждающая среди трупов и могил,

⁷ Oliver Maddox Hueffer, *The Book of Witches*, 1908, p. 145.
— *Примеч. авт.*

Кровожадная, вселяющая ужас
в смертных,
Горго, и Мормо,
и многоликая Мена [Луна]!
Благосклонно прими
возлияния наши!⁸

⁸ Ипполит, «Опровержение всех ересей», IV.9, пер.
А. Блейз.

Глава 5.

VOCES MAGICAE

Латинское выражение *voces magicae* означает «магические слова». Так назывались бессмысленные, на первый взгляд, слова, встречающиеся во многих заклинаниях из «Греческих магических папирусов» и других текстов.

Некоторые из этих слов, по-видимому, произошли от старых божественных имен, а одной из самых древних и важных групп *voces magicae* были так называемые «эфесские письмена»¹. Они представляли собой набор из шести слов: ασκιον, κατασκιον, λιξ, τετραξ, δαμναμενευς и αισιον (или αισια) [аскион, катаскион, ликс, тетракс, дамнаменевс и айсион (или айсия)].

Полной уверенности в том, что эфесские письмена были связаны с Гекатой, у нас нет, хотя свидетельства в пользу этого имеются.

1 «Эфесские письмена» (эфесские буквы, или знаки, — Ἐφέσια Γράμματα), по преданию, были вырезаны на подножии, поясе или венце статуи Артемиды Эфесской; утверждалось, что в приведенном далее порядке они означают: «тьма», «свет», «земля», «год», «солнце», «истинный глас».

Впервые, насколько нам известно, они упоминаются в микенской надписи V века до н.э.:

Эфесская кара ниспослана. Вначале Геката причиняет всевозможный ущерб владениям Мегары, а затем Персефона доносит о том богам. Все это уже так².

Немаловажно и то, что первые два из эфесских писем включены в заклинание Гекаты из греческих магических папирусов (LXX.12) как часть более длинной последовательности *voces magicae*:

ασκει κατασκει ερων ορεων ιωρ μεγα
σαμνηρ βασι φοβαντια σεμνη.

Третье и четвертое слова, λιξ тетраξ, встречаются в иудейском протогримуаре II века н.э. — «Завещании Соломона» — как имя одного из демонов, которыми повелевал этот царь. Любопытно, что ангел, которому подчинялся этот демон, носит имя Азаэль, — в «Книге Еноха» он фигурирует как один из падших ангелов.

Пятое слово, δαμναμενευς, использовано в «Заклинании Медведицы», в котором также упоминается Геката под именем «Бримо» (греческие магические папирусы, VII.686–702). В дошедших до нас фрагментах раннего за-

2 Надпись на камне, Микены, конец V в. до н.э. — *Примеч. авт.*

щитного заклинания на свинцовой табличке из Фаласарны (Крит) эфесские письма соседствуют с выражениями, в которых Геката описывается как «Волчица». Еще одно свидетельство связи Гекаты с *voces magicae* в целом предоставляет египетская свинцовая табличка II или III вв. н.э., среди фрагментов надписи на которой сохранился следующий:

...факелы для Гекаты Энодии; богиня, грозным голосом возглашающая на чужеземном языке, ведет к богу³.

Об эфесских письменах упоминает греческий поэт Анаксилай (IV век до н.э.): «... [некто] в кошельках шитых по кругу несет эфесские дивные буквы»⁴. Этим словам приписывались различные магические свойства, в том числе способность наделять носителей (особенно атлетов-борцов, как утверждают Евстафий, Фотий и «Суда»⁵) огромной физической силой,

3 *Supplementum Magicum* 49, свинцовая табличка ок. II–III вв. н.э. — *Примеч. авт.*

4 Фрагмент из несохранившейся поэмы «Изготовитель лир». — *Примеч. авт.*

5 Евстафий Солунский (ок. 1110–1198) — архиепископ фессалоникийский, ученый, знаток античности, автор комментария к Гомеру. Фотий I (ок. 820–891) — византийский богослов, патриарх Константинопольский, автор знаменитой «Библиотеки» («Мириобиблион»), содержащей пересказы и выдержки из многих античных текстов. «Суда» — визан-

а также даровать защиту новобрачным (Менандр, фрагмент 313)⁶.

Следует также отметить, что Плутарх, рассуждая о магической силе эфесских писем, упоминает о демонах — сущностях, особо связанных с Гекатой:

... тем, кто одержим демонами, чародеи советуют произносить и повторять для себя вслух эфесские письма⁷.

Христианский богослов Климент Александрийский, учитель Оригена, в своем труде «Строматы» (начало III века н.э.) приводит предположительные значения эфесских писем:

Пифагореец Андрокид говорил, что так называемые Эфесские письма имеют символический порядок: Askion — лишенный тени означает тьму, поскольку во тьме нет теней. Kataskion — тень означает свет, поскольку освещает тень, выявляет ее своими лучами. L...x означает землю, ее древнее название, а Tetraj — год, его

тийский энциклопедический словарь X века.

6 Фрагмент из несохранившейся комедии Менандра «Дитя:» «Гуляет он, и людям, в брак вступающим, / Эфесские бормочет заклинания» (пер. О. Смыки).

7 Плутарх, «Моралии», 706е, начало II века н.э. — *Примеч. авт.*

четыре времени, *Damnateneuj* — это Солнце, всем правящее (о *damnazon*), а *Aisia* — истинный голос. Весь символ означает: «Все божественное образует космос, тьма для света, солнце для года, земля для того, чтобы дать начало всякому произрастанию»⁸.

За последующие столетия *voces magicae* умножились в числе и формах и породили «потомство» в виде так называемых варварских, или чужеземных, имен, встречающихся в средневековых гримуарах. Выделяется семь основных типов магических формул, включающих *voces magicae*:

- геометрические фигуры (треугольники, квадраты, «крылья»), составленные из семи греческих гласных;
- слова еврейского происхождения, оканчивающиеся на -эль и -от (корни, связанные с древнееврейскими божественными именами);
- λόγοι — устойчивые последовательности *voces mysticae*⁹;
- палиндромы (например, αβλαναθαναλβα);
- символы (иногда именуемые также χαρακτῆρες — «печати, знаки»);

8 Климент Александрийский, «Строматы», V, VIII.45.2–3, пер. Е.В. Афонасина.

9 «Тайные (таинственные) слова» (лат.), см. ниже. — *Примеч. перев.*

- *voces mysticae* — слова, совершенно не поддающиеся опознанию;
- серии гласных — длинные последовательности гласных букв, иногда оформленные как геометрические фигуры.

Ввиду того, что Геката ассоциировалась с колдовством, очередное свидетельство в пользу ее связи с *voces magicae* находится в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Готовясь принести Ореста и Пилада в жертву, Ифигения

... завопила.

Нам варварский послышался напев,

И будто их [пленников],

колдуя, омывает...¹⁰

Примечательно, что Ифигения связывается с Гекатой в «Каталоге женщин» (VIII–VI вв. до н.э.); в целом это произведение приписывается Гесиоду, автору «Теогонии», но авторство и датировка интересующего нас фрагмента остаются спорными. Речь идет о 71-м фрагменте, на который ссылается Павсаний:

... Гесиод в своих поэмах в «Каталоге женщин» говорит, что Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой¹¹.

¹⁰ Еврипид, «Ифигения в Тавриде», 1336–1338, пер. И. Анненского.

¹¹ Павсаний, «Описание Эллады», I.43.1, пер. С. Кондратьева.

Ямвлих, теург III века н.э., отвечая философу-неоплатонику Порфирию, совершенно ясно высказывает свое мнение по поводу *voces magicae*:

Но почему же среди божественных знаков мы предпочитаем чужеземные родным для каждого человека? <...> необходимо пожертвовать своим родным языком ради родственного богам. Кроме того, поскольку их способ произнесения слов является самым древним, и в особенности вследствие того, что люди, познавшие первыми имена богов, передали их нам в сочетании с собственным языком как свойственным и подходящим для этих имен, мы сохраняем до сих пор неизменным божественный обычай их произнесения¹².

Итак, *voces magicae* использовали на протяжении многих веков и обращаются к ним даже по сей день, продолжая традицию, согласно которой разум надлежит ошеломить странными звуками, дабы подготовить его к преобразению в ходе магического обряда.

12 Ямвлих, «О египетских мистериях», VII.4, пер. Л. Лукомского.

Глава 6.

ЗАКЛИНАНИЯ И АМУЛЕТЫ ИЗ ГРЕЧЕСКИХ МАГИЧЕСКИХ ПАПИРУСОВ

Заклинания, чары и амулеты пользовались большой популярностью в древнем мире. Как сами амулеты, так и инструкции по их изготовлению и применению помогают составить достаточно подробное представление об античной магии и об отдельных божествах и духовных сущностях, упоминающихся в тех или иных заклипаниях.

Изображение Гекаты, как правило, трехликой или трехтелой, встречается на многих резных геммах и прочих амулетах в сочетании с иудейскими божественными именами. Один из самых впечатляющих бронзовых амулетов Гекаты был найден в Остии (Италия): на одной его стороне изображена эта богиня с факелами, кинжалами и бичами, а на другой — царь Соломон, призывающий демонов.

В греческих магических папирусах Геката упоминается чаще всех прочих богинь. Иногда ее имя соседствует с именами богинь, сливавшихся с ней в единое синкретическое божество, — таких, как Селена, Артемида, Персефона и Эрешкигаль. К упоминаниям Гекаты в греческих магических папирусах мы будем обращаться по мере необходимости на протяжении всей книги, но в этой главе разберем два примера подробно, чтобы читатель получил представление о масштабах влияния, приписывавшегося этой богине.

Перечень заклинаний из греческих магических папирусов

Для читателей, которые пожелают самостоятельно изучить упоминания о Гекате в Греческих магических папирусах, приведем перечень всех магических операций, в которых фигурирует ее имя. В этот список включены также примеры свинцовых табличек с заклинаниями, упоминающими Гекату.

Папирус	Цель операции	Другие божества, упомянутые в тексте	Примечания
III.1–64	Лишить сил возницу на колесничных бегах (при помощи духа кота, убитого ритуальным способом)	Гермес и составное божество Гермеката	Это заклинание сродни дефиксиону; в нем используются свинцовые пластины
IV.1390–1495	Обряд, призванный пробудить любовное влечение к оператору (при помощи духов героев, гладиаторов или иных людей, погибших насильственной смертью)	Анубис, Эрешкигаль, Гермес, Исидда, Персефона, Плутон, Зевс	Также используются древнееврейские божественные имена

IV.2006–2125	Обряд, помогающий оператору обрести желаемый объект (применение не ограничивается любовной или сексуальной сферой)	Осирис	Изображение трехтелой Гекаты с коровой, девой и песьими головами
IV.2241–2358	Обряд ущербной луны	Гермес, Мена, архангел Михаэль, Осирис, Персефона (Кора)	Присутствует длинная последовательность <i>voces magicae</i>
IV.2441–2621	Обряд, пробуждающий влечение, насылающий болезни и смерть, посылающий сновидения и божественные откровения	Афродита, Артемиды, Эрешкигаль, Гермес, Персефона, Селена	Три отдельных принуждающих заклинания с <i>voces magicae</i>

IV.2622–2707	Обряд, пробуждающий влечение, посылающий сновидения, причиняющий болезнь, устраняющий врагов и дарующий защиту	Селена	Резное изображение Гекаты на магнетитовом сердце
IV.2708–2784	Любовный обряд, пробуждающий влечение к оператору	Артемида, Эрешкигаль, Персефона (Кора), Селена	Подношение в глиняной жаровне на крыше высокого дома в 13-й или 14-й день лунного месяца
IV.2785–2890	Молитва Селене для любого магического деяния	Артемида, Мена, Персефона, Селена	Амулет из магнита с изображением трехтелой Гекаты с псом, рогатой девой и козлиными головами

IV.2943–2966	Любовный обряд для пробуждения влечения наяву		Изготовить фигуру собаки с глазами нетопыря и оставить на перекрестке дорог
VII.686–702	Закливание Медведицы	Артемида	Используется пять эфесских писем
VII.756–794	Молитва	Мена	Содержит перечень знаков и символов
VII.862–918	Лунное закливание Клавдиана	Эрешкигаль, Селена	Используются имена двенадцати ангелов часов
XXXVI.187–210	Любовный обряд для пробуждения влечения		Используются еврейские божественные имена и квадрат с греческими гласными

LXX.4–25	Заговор Гекаты Эрешкигаль против страха перед наказа- нием	Эрешкигаль	Используются пер- вые два из эфесских письмен
CXIV.1–14	Обряд против эпи- лепсии		Сохранились лишь во фрагментах
CXXIII.a–f	Обряд врачевания	Тот (псоглавый павиан)	Используются еврей- ские божественные имена и имена анге- лов
Фаласарна (Крит), ок. IV в. до н.э.	Защитный обряд	Аполлон, Геракл, Ника, Зевс	Сохранились лишь во фрагментах; использу- ются эфесские письмена
Египет, ок. II–III вв. н.э. («Supplementum Magicum», 49)	Любовный обряд	Эон, Афродита, Артемиды, Никта, Эреб, Персефона	Сохранились лишь во фрагментах; включа- ют перечень знаков и символов

Символы из греческих магических папирусов

В нескольких заклинаниях из греческих магических папирусов приводятся перечни знаков и символов для воззвания к Гекате. Ниже следует таблица, на основании которой можно сделать выводы о том, насколько часто использовались подобные символы. В таблицу включены также символы и знаки из магического папируса того же периода, входящего в «Supplementum Magicum», 49.

Таблица символов, используемых в чарах и заклинаниях, связанных с Гекатой

Символический предмет	IV.2334–2338	VII.780–785	LXX.4–25	«Supplementum Magicum», 49
Дева		x	x	
Черный пес	x	x	x	x
Змея			x	x
Гирлянда или венок		x	x	
Ключ	x	x	x	x
Жезл, керикейон (жезл глашатая)	x	x	x	x
Золотая сандалия			x	x
Бронзовая сандалия	x			x

«Заклинание Медведицы»

Тон этого заклинания напоминает о роли Гекаты в халдейских оракулах, где она предстает как Мировая Душа и исполнительница божественных велений. «Заклинание Медведицы» обращено одновременно и к Гекате, и к Артемиде. В нем обнаруживается много эпитетов Артемиды, таких как «лучшая из охотниц», «оленеубийца», «Бычья». Однако присутствуют и связанные с Гекатой имена «Бримо» и «Баубо», а также один из эпитетов Гекаты, Рексихтон («разверзающая землю»), и одно из эфесских писем — *δαμναμενεα*:

Медведица, Медведица, правящая небом, и звездами, и всей вселенной, вращающая ось и властвующая силой и неотвратимостью надо всем зданием мира! Я взываю к тебе, понуждая и моля: исполни *то-то и то-то*, — ибо я призываю тебя святыми именами твоими, от которых божественность твоя ликует и которым ты не можешь не внять: Бримо, Рексихтон, Прокине, Баубо, *л[...]* и *авм̄р, ам̄р, ам̄р ... иза*, олене[убийца], *амам[амар] Афру[...]*ма, царица вселенной, царица желаний, *амама*, сочетающая узами, Дардания, всезрящая, бегущая в ночи, побивающая мужей, усмиряющая мужей, созывающая мужей,

побеждающая мужей, Лихрисса, Фаэсса, о воздушная, о неприступная, о песня и танец, стража, разведка, Харита, нежная, защитница, непреклонная, неумолимая, о Дамнаменея, *брексерикандара*, всевышняя, Тавриата, невыразимая, пламеннотелая, светодающая, острооружная, — исполни *то-то и то-то*.

«Заговор Гекаты Эрешкигаль»

В действительности это три различных заговора, предназначенные для трех разных целей: 1) для защиты в подземном мире, 2) для получения ответа на вопрос во сне и 3) для того, чтобы наслать на другого человека бессонницу. Стоит отметить, что первая последовательность *voces magicae* в этих заговорах начинается с первых двух эфесских писем.

Сами заговоры открываются заявлением о том, что оператору, который отождествляется с Эрешкигаль (и, следовательно, символически приобретает женский пол) и, подобно ей, зажимает в кулаках свои большие пальцы, никто не может причинить вреда. Последний жест в античности носил апотропеический (отвращающий зло) характер.

Затем оператору дается совет: если к нему приблизится враждебное существо (то есть,

рассуждая логически, кто-то из обитателей подземного мира), то следует взяться за правую пятку (еще один апотропеический жест) и зачитать перечень символов Гекаты, который отгонит злого духа. В перечень входят имя Эрешкигаль, дева, собака, змея, гирлянда, ключ, керикейон (жезл глашатая) и золотая сандалия Владычицы Тартара (см. выше таблицу для сравнения с другими подобными списками).

После этого оператор произносит последовательность *voces magicae* и, сделав нижеследующее заявление на перекрестке, поворачивается и бежит прочь (стандартная практика на тот случай, если вы просите Гекату о помощи, но не желаете встречаться к ней лицом к лицу):

Аскей катаскей эрōн ореōн мега семнюр бауи (3 раза), фобантия семнэ (Ἀσκεὶ κατασκεὶ ἐρῶν ὀρεῶν μεγα σεμνυρ βαυῖ γ'. φοβαντία σεμνή), я прошел посвящение, и спускался в [подземные] чертоги дактилей, и видел там, внизу, другие вещи, деву, псицу и все остальное.

Если произнести это заговор поздно ночью, то во сне придет ответ на заданный вопрос. Если же человеку грозит скорая смерть, то он может спастись, прочитав этот же текст и одновременно разбрасывая кунжутные семена. В заключительную часть заклинания входит еще одна последовательность *voces magicae*:

Форба форба Бримō аззибюа
(Форва форва Врцió αζζιεβυα).

Далее оператору предписывается испечь лепешку из отрубей наилучшего сорта, сандалового дерева и острого уксуса. На этой лепешке следует вырезать имя человека и обращенную к богине просьбу лишить его сна.

Глава 7.

ЛЮБОВНЫЕ ЧАРЫ

Когда человек прибегает к любовной магии, есть вероятность, что мотивы его не вполне благородны и чисты. Но, так или иначе, любовная магия существует уже тысячи лет и едва ли исчезнет в обозримом будущем. В Древней Греции к ней обращались с различными целями: чтобы привязать к себе или наказать неверного возлюбленного, чтобы разорвать любовные отношения между другими людьми и отнять чужого партнера, чтобы сделать себя неотразимо привлекательным для представителей другого (или своего же) пола... Так, в следующем тексте пожилой мужчина просит Гекату Куротрофу сделать так, чтобы на него обратила внимание некая молодая женщина:

Внемли молитве моей, Куротрофа:
да отвергнет эта жена объятия юных
и воспылет любовью к старцам се-

дым, коих силы мужские иссякли, но сердца всё полны вожделеня!¹

К. Фараонун, автор книги «Древнегреческая любовная магия» (1999) предполагает, что подземные божества, такие как Гермес и Геката с ее свитой из демонов и призраков, стали играть господствующую роль в любовной магии приблизительно в I веке до н.э. Прежде в любовных заклинаниях фигурировали в основном Афродита и божества из ее свиты, а также Луна-Селена и Солнце-Гелиос. По поводу установившейся позднее связи Гекаты с любовной магией такого рода Фараонун отмечает:

Именно эта, последняя ее ипостась, связанная с ночными кладбищенскими обрядами, сохраняется в позднеантичный период и представляет собой условную историческую основу той популярной карикатуры, которую мы встречаем в римской поэзии: уродливые ведьмы, которые выкапывают трупы из земли голыми руками и распевают зловещие варварские заклинания².

Однако здесь упущено из виду то обстоятельство, что самая обширная группа заклинаний из греческих магических папирусов,

1 Псевдо-Гомер, Эпиграммы, 12.

2 Faraone, *Ancient Greek Love Magic*, 1999. — *Примеч. авт.*

в которых упоминается Геката, относится к категории любовной магии. Несмотря на то, что греческие магические папирусы относятся к несколько более позднему периоду (со II по V вв. н.э.), Геката в них предстает не как кладбищенская ведьма, а как трехликая богиня или богиня с головой животного, нередко отождествляемая с другими божествами, такими как Селена, Артемида и Персефона.

Изучая содержание заклинаний, мы находим в них несколько устойчивых тем, связанных с обрядами Гекаты. Так, в одном любовном заговоре (для пробуждения влечения к оператору) используется помощь духов людей, погибших насильственной смертью, которые призываются при помощи кладбищенской земли; в другом предписывается воскурить благовоние в глиняном кадиле; в третьем применяется целый ряд магических приемов и орудий, включая магическое кольцо и фигурку собаки с глазами, взятыми от живой летучей мыши.

В «Чарах влечения, пробуждающих любовную страсть при помощи [духов] героев, гладиаторов или иных людей, погибших насильственной смертью» (греческие магические папирусы, IV.1390–1495) предписывалось взять хлеб, от которого уже съели какую-то часть, разделить его на семь малых частей, принести на место, где совершилось убийство, и бросить на землю, читая заклинание. Затем следовало

забрать этот хлеб вместе с землей с места убийства и бросить их в доме желанной женщины. В заклинании призывались на помощь хтонические силы: Геката, Гермес и Кора, римский Плутон, египетский Анубис и духи безвременно умерших, которые будут мучить названную женщину до тех пор, пока она не покорится заклинателю. Эту операцию повторяли три дня подряд; в случае неудачи следовало прочесть другое заклинание над навозом черной коровы, уложенным на пепел от сожженного льняного полотна, и снова бросить в доме женщины землю с места убийства.

Операция под названием «Другие чары влечения» (греческие магические папирусы, IV.2708–2784) основана на воскурении благоволий. Формально этот обряд обращен к Селене, хотя из содержания явствует, что центральную роль в нем играет Геката. В 13-й или 14-й день месяца (т.е. в полнолуние) следовало возжечь на крыше высокого дома (т.е. поближе к небу) в глиняном кадиле эфиопский кумин и жир пятнистой девственной козы.

Для другого любовного заклинания требовалось бронзовое стило — инструмент, часто употреблявшийся для гравировки на керамике и свинце и изготовленный из священного металла Гекаты. В этом заклинании использовались не только *voces magicae*, но и еврейские и гностические божественные имена. Упомя-

нутое в конце текста имя «Синкутуэль» — вероятно, ангельское имя, насколько можно судить по суффиксу «-эль». Обратим внимание, что здесь призывается трехликая Геката, держащая двух змей в правой руке (греческие магические папирусы, XXXVI.187–201).

«Чары влечения [для пробуждения любовной страсти] наяву» (греческие магические папирусы, IV.2943–2966) у современного читателя могут вызвать отвращение, но в древности отнюдь не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Для этой операции следовало извлечь глаза живой летучей мыши и вставить их в фигурку собаки, изготовленную из сырого теста или нетопленного воска. К фигурке прикрепляли полоску папируса с текстом заклинания, скрепленную кольцом с изображением крокодильих голов (символизировавших египетского бога-крокодила Себека). Все это помещали в новый сосуд для питья и оставляли на перекрестке. В тексте заклинания Геката отождествляется с Корой (Персефоной).

Но самое замечательное описание связывающих любовных чар, применявшихся в Древней Греции, мы находим в «Идиллиях» греческого поэта Феокрита (ок. 270 до н.э.). Брошенная женщина, оказавшаяся опытной колдуньей, творит волшебство против предавшего ее глупца, перечисляя при этом множество магических приемов, бытовавших в ее

время. Заметим, что Геката в этом тексте соседствует с Селеной: следовательно, ассоциация между двумя этими божествами установилась уже в III веке до н.э. Опуская строки, в которых описываются чувства отвергнутой женщины, мы приведем лишь описание магических практик:

Где же это лавр у меня? Фестилида!
А где ж мои зелья?
Кубок теперь обмотай поплотнее
ты шерстью пурпурной.
Так связать я б хотела
жестокое милого друга. <... >
Нынче ж заклятьем свяжу я и жертвами;
ты же, Селена
Ярче сияй! И к тебе обращаюсь я,
дух молчаливый,
К мрачной Гекате глубин, лишь
заслышавши поступь которой,
В черной крови меж могил,
трепеща завывают собаки,
Страшной Гекате привет! До конца
будь мне верной подмогой,
Зелья мне дай ядовитей отравленных
Кирки напитков,
Зелий Медеи страшней,
Перимеды отрав златовласой.
Вновь привлеку, вертишейка,
под кров мой ты милого друга!
Раньше всего пусть ячмень загорится!
Да сыпь же скорее!

Что ж, Фестилида? <... >
Сыпь же скорее и молви:
 «Я Дельфиса косточки сыплю».
Вновь привлеки, вертишейка,
 под кров мой ты милого друга.
Дельфис меня оскорбил —
 и за Дельфиса лавр я сжигаю.
Так же, как ветка в огне,
 разгораясь с треском вначале,
Вспыхнет внезапно потом,
 не оставив ни пепла, ни дыма,
Так же пусть в пламени в прах
 рассыпается Дельфиса тело.
Вновь привлеки, вертишейка,
 под кров мой ты милого друга!
Следом пшеничные отруби
 брошу в огонь. Артемида,
Ты даже сталь под землю,
 в Аиде приводишь в движенье,
Всё пробуждая <... >
Воют за городом псы:
 на охоту выходит богиня.
Эй, Фестилида, не мешкай!
 В гонг ударяй поживее!
Вновь привлеки, вертишейка,
 под кров мой ты милого друга!
Так же, как воск этот тает в огне
 по веленью Гекаты,
Тотчас растает от жара любовного
 Дельфис из Минда
И закружится под дверь мою
 по веленью Киприды,

Так же как бубен в руках моих
кружится неумоимо.
Вновь привлеки, вертишейка,
под кров мой ты милого друга!
Трижды свершаю тебе возлиянье,
богиня, и трижды
Я повторяю: «Коль ныне с женою
другою иль с мужем
Делит он ложе, пускай позабудет их,
как Ариадну
Пышноволосую бросил Тесей
на острове Дия!»
Вновь привлеки, вертишейка,
под кров мой ты милого друга!
Как жеребцы и кобылы,
вкусив ядовитый копытень,
Мчатся, беснуясь, в холмы,
так и Дельфис мой резво
К двери примчится моей,
обезумев от масла палестры.
Вновь привлеки, вертишейка,
под кров мой ты милого друга!
Этот лоскут от плаща его
рву я на мелкие клочья,
В жадное пламя ввергая <... >
Вновь привлеки, вертишейка,
под кров мой ты милого друга!
Я разотру саламандру,
и завтра же выпьет он зелье.
Травы теперь, Фестилида, возьми.
К его двери порогу
Сверху прижавши, дави, но смотри —
пока ночь не минула.

Плюнувши после, ты молви:
 «Давлю я здесь Дельфиса кости».
Вновь привлеки, вертишейка,
 под кров мой ты милого друга! <... >
Нынче связать волшебством попытаюсь,
 но, Мойрой клянусь я,
Будут опять оскорбления —
 стучать ему в двери Аида!
В этом вот ларчике здесь
 сохраняются страшные зелья.
Мне ассириец, пришелец, поведал,
 что делают с ними.
Ныне прощай же, царица,
 коней поверни к Океану!
Я же — опять понесу,
 как несла мое горе доньне.
Светлой Селене привет! И привет вам,
 о светлые звезды.
Вслед за небес колесницей плывите вы,
 спутники ночи³.

Через двести с лишним лет Вергилий использовал описанное Феокритом заклятие в своей восьмой эклоге:

Воду сперва принеси,
 алтарь опоясай тесемкой,
Сочных вербен возожги,
 воскури благовоннейший ладан!
Справлю обряд колдовской,
 помутить попытаюсь волшбою

³ Феокрит, «Идиллии», II, 1–27, 58–62, 159–166, пер. М. Грабарь-Пассек.

Здравый любовника ум:
все есть, не хватает заклятий.

Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклѣтья!

С неба на землю луну низвести
заклѣтья могут;
Ими Цирцея в свиней обратила
друзей Одиссея,
Змей холодных волшба разрывает
надвое в поле;

Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклѣтья!

Изображенье твое обвожу я,
во-первых, тройною

Нитью трех разных цветов;
потом, обведя, троекратно

Вкруг алтаря обношу:
угодно нечетное богу.

Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклѣтья!

Свяжешь трижды узлом три цвета,
Амариллида;

Свяжешь и тут же скажи:
плету я тенета Венеры.

Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклѣтья!

Глина ссыхается, воск размягчается,
тем же согреты

Жаром — от страсти моей
да будет с Дафнисом то же.

Малость посыпав муки,
затеpli лавры сухие.
Дафнис сжигает меня,
я Дафниса в лавре сжигаю.
Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклятья!

Дафнисом пусть любовная
страсть овладеет, какая
Телку томит, —
и она по лесам и чащобам дремучим
Ищет быка, у реки под зеленой
ложится ольхою,
В муках своих позабыв
от сгустившейся ночи укрыться.
Дафнис такой пусть любовью горит, —
врачевать я не стану.
Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклятья!

Эти одежды свои мне
оставил когда-то изменник
Верным залогом любви, —
тебе их, Земля, возвращаю
Здесь, на пороге моем.
За Дафниса будут залогом:
Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклятья!

Трав вот этих набор
и на Понте найденные яды
Мерис мне передал сам —
их много родится на Понте.

Видела я, и не раз,
как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил;
нередко души умерших
Он из могил вызывал
и сводил урожаи к соседу.
Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклатья!

Амариллида, за дверь
ты вынеси пепел, к потоку,
Там через голову брось,
но назад не смотри. Присушу я
Дафниса так, — хоть ему ни заклатья,
ни боги не страшны!
Дафниса вы приведите домой,
приведите, заклатья!

На алтаре — посмотри! —
взметнувшимся пламенем пепел
Вспыхнул сам по себе, пока медлю.
Ко благу да будет!
Что это? И не пойму...
Залаял Гилак у порога...
Верить ли? Иль создает себе сам
сновиденья, кто любит?
Полно! Заклатьям конец!
Домой возвращается Дафнис⁴.

Сохранив общую последовательность магических действий и стиль описания, Вергилий

4 Вергилий, «Буколики», эклога VIII, пер. С. Шервинского.

изъял обращения к Гекате и дал объекту операции другое имя (Дафнис вместо Дельфиса). Кроме того, желая подчеркнуть зловещий характер магии, он упомянул вместо копытня некую волшебную траву, превращающую людей в волков.

Глава 8.

ДЕФИКСИОНЫ

Связывающие заклинания, известные под названием «дефиксионы», использовались с V века до н.э. и по меньшей мере до IV века н.э. или даже позднее. Этот термин происходит от латинского слова *defigo*, означающего «закреплять», «прикреплять», «прибивать гвоздями» и т.п. В дефиксионах призывают на помощь только хтонических божеств, таких как Геката, Гермес, Гея, Персефона и Аид.

Обычно дефиксионы записывали на свинцовой пластинке, складывали и протыкали одним или несколькими бронзовыми или железными гвоздями. Затем их, как правило, помещали в могилу человека, умершего внезапной смертью, или оставляли в святилищах хтонических богов, а в более поздний период бросали в источники, ручьи и другие водоемы. Связь Гекаты с безвременно умершими (которые, согласно поверьям, нередко оставались привязанными к земному миру и превраща-

лись в привидения), а также с бронзой, считавшейся ее священным металлом, подчеркивает важную роль, которую она играла в магии дефиксионов.

В ассоциации между дефиксионами и телами умерших нашла продолжение египетская практика «писем умершим», существовавшая уже в 3100 году до н.э. Тематически эти «письма» во многом схожи с дефиксионами; и те, и другие нередко касаются любовных или юридических вопросов. Древние египтяне верили, что мертвые превосходят живых в магической силе и что живые могут призвать их на помощь. Самыми полезными помощниками считались те, кто умер в молодости или насильственной смертью, и эти представления в полной мере сохранились в греческой магии.

В Греческих магических папирусах приводятся подробные указания по созданию дефиксионов. Это довольно поздние тексты, записанные только в III–IV веках н.э., но принципы данной разновидности магии изложены в них очень четко (V.304–337). Судя по всему, описанные здесь техники сохранялись в неизменности на протяжении нескольких веков, не считая того, что предпочтительной основой для записи проклятий со временем стали свинцовые пластины.

Правила изготовления и использования дефиксионов достаточно просты, и в этом мо-

жет заключаться одна из причин популярности данного метода. Основой служил листочек металла или кусок папируса. Если использовали свинцовую пластинку, то текст записывали на ней стилем, обычно бронзовым. Затем пластинку складывали пополам и протыкали насквозь бронзовым или железным гвоздем.

Если за основу брали папирус, то на него клали железное кольцо и обводили мировыми чернилами внутри и снаружи, чтобы получить две концентрические окружности. Затем между этими окружностями вписывали слова и, при необходимости, магические знаки, после чего кольцо снова клали на то же место, оборачивали папирусом и в центр его вонзали писчее перо или гвоздь, протыкая папирус насквозь.

Готовый дефиксион либо зарывали в могилу человека, умершего безвременной смертью (так сказать, беспокойного покойника), либо бросали в воду — источник, озеро и т.п. И в том, и другом случае считалось, что дефиксион переходит в царство мертвых, в подземный мир, где хтонические божества, такие как Геката или подвластные ей духи и демоны, могут выполнить изложенную в тексте просьбу.

Дефиксионы можно разделить на четыре категории: собственно, связывающие заклинания, молитвы, пожелания и формулы, основанные на аналогии. Нас интересуют только последние, потому что именно они связаны

с Гекатой. Такие тексты обращены к богам или демонам с просьбами наподобие «свяжи такого-то!» Как уже отмечалось, основными божествами, к которым взывали создатели дефиксионов, были Геката, Гермес, Гея, Персефона и Аид.

Сами проклятия, встречающиеся в текстах дефиксионов, можно подразделить на пять групп: 1) «связывание» соперника, с которым автор проклятия конкурировал на спортивной арене или на театральных подмостках; 2) «связывание» колесничих или гладиаторов (со II века н.э.), 3) соперников в любви, 4) объектов любви и 5) противников в суде. Последняя категория была одной из самых популярных, и многие заклинания этой группы обращены именно к Гекате. «Связывали» не только непосредственного противника, но и всех его защитников и свидетелей, выступавших на его стороне. Нередко в таких дефиксионах (как, например, в дорическом конце V – начала IV вв. до н.э.) взывали к божественной паре: Гекате Хтони и Гермесу Хтонию.

В отдельных редких случаях к Гекате обращались описательно, не называя ее имени. Так, аттический любовный дефиксион IV века до н.э., найденный в захоронении, начинается со слов: «Я связываю Феодору перед лицом той, что идет рука об руку с Персефоной, и перед лицом тех, кто не сочетался браком». Здесь

Геката предстает в своей ипостаси Прополос — спутницы Персефоны в ее путешествиях в подземный мир и обратно.

Иногда единственным мотивом для изготовления дефиксиона становилась зависть к богатству или высокому общественному положению объекта колдовства. Один из примеров — пластинка, найденная в аттическом захоронении III века до н.э. Она интересна тем, что в ней использована формула, встречающаяся еще в «Теогонии» Гесиода и в восьмой песни «Илиады», — формула связывания жертвы в «сумрачном Тартаре»:

Я свяжу Сосиклею и все ее имущество,
и великую славу, и удачу, и ум.
Да станет она ненавистна друзьям.
Я свяжу ее узами мук в сумрачном
Тартаре с помощью Гекаты Хтонии.

Нестандартный дефиксион I века н.э. был найден в источнике на афинской Агоре. Необычен он, в частности, своим тоном: заказчик или создатель дефиксиона делает исключения из проклятия для невольных помощников того, против кого оно направлено. Уникально также сопутствующее тексту изображение, которое археологи первоначально описали как «летучую мышь с распростертыми крыльями». Впоследствии, однако, этот образ отождествили с шестирукой Гекатой — и действительно,

на изображении отчетливо видны три головы и факелы в верхней паре рук, а нижняя пара напоминает змей. Колесо и восьмилучевый символ, присутствующие на этом дефиксионе, обнаруживаются также на бронзовом амулете тройственной Гекаты, найденном в Остии (Италия), на обороте которого изображен царь Соломон, вызывающий демонов.

В этом просторном афинском дефиксионе Геката фигурирует под многими эпитетами: Хтония, Триодитис, трехликая, единоликая, небесная. К ней обращаются с просьбой выкосить их (т.е. преступников), как траву, своим бронзовым серпом.

В еще более позднем, александрийском дефиксионе, датируемом III веком н.э., Геката снова выступает в связи с другими хтоническими божествами — Гермесом, Плутоном и Корой (отождествленной здесь с вавилонской Эрешкигаль). Этот дефиксион сохранился не полностью, но, по всей видимости, представлял собой связывающее заклинание, обращенное неким мужчиной к своему любовнику. Главное место в заклинании отводится Гекате; кроме того, в этом тексте содержится много *voces magicae*. Так, в одном из разделов говорится:

Призываю тебя, госпожа надо всеми людьми, всеужасная, восстающая из-под земли, ты, собирающая члены

Мелиуха и самого Мелиуха¹, Эрешкигаль Небутосулэт Эребенне, плетущая сети, госпожа трупов, истинная Геката, приди и исполни для меня это деяние!

Дефиксион из Малой Азии снова связывает Гекату в ипостаси Баубо с другими божествами, прежде всего — Артемидой и Эрешкигаль. Он любопытен тем, что в нем тоже упоминаются ангелы:

Орфо (Артемиды), Баубо (Геката), <...> Эрешкигаль, <...> все державные боги и ангелы, свяжите своими чарами всех, о ком написано здесь².

Подобия дефиксионов — проклятия и связывающие заклинания на свинцовых пластинках — не утратили популярности вплоть до эпохи Возрождения и даже позднее. Так, известны относящиеся к XVII веку заклинания на свинцовых пластинках, обращенные к демонам и призванные заставить вора вернуть украденное.

1 Имя «Мелиух» (*Meliouchos*) упоминается во многих греческих магических папирусах. Возможно, это одно из имен египетского бога Осириса. — *Примеч. авт.*

2 *A Tabella Defixionis in the Museum of the University of Reading*, Cormack, 1951. — *Примеч. авт.*

Глава 9.

БРОНЯ ГЕКАТЫ

В халдейских оракулах содержатся ценные практические указания по методике ритуальной подготовки теурга. Практика сводилась к тому, чтобы перед началом магической операции визуализировать себя облаченным в броню света. Впоследствии молитву об облачении доспехами света переняла христианская церковь — для борьбы за превосходство над противостоящими ей так называемыми силами тьмы. Вот что советовали теургу:

Мощной броней облачась
громозвучного Света, тройною
силою душу и ум укрепивши
и разум упрочив
множеством символов,
да не ступает на огненный путь он
неосторожной стопою,
но лишь преисполняясь вниманья.

Во всеоружье и полной броне он
подобен Богине¹, —

где под Богиней подразумевается именно Геката.

Более ранний и более материальный образчик магической брони упоминается в мифе о Золотом руне. Медея изготавливает волшебную мазь для Ясона, которой тот смазывает свои доспехи и кожу и становится неуязвимым. Символически это можно рассматривать как свидетельство того, что временную неуязвимость Ясон обретает по милости Гекаты; но вскоре он лишается этого дара, оказавшегося столь же непостоянным, как и сердце этого ветреного героя.

Параллель этим представлениям мы находим в каббалистической практике укрепления тонкого тела посредством молитвенной визуализации еврейских букв на различных частях тела физического. Когда именно возникла эта методика и испытала ли она влияние греческих практик (или наоборот), сказать невозможно, хотя следует отметить, что в каббалистическом трактате II века н.э., «Сефер Йецира» («Книга Формирования») все буквы еврейского алфавита соотнесены с определенными частями тела.

1 Халдейские оракулы, 170–171.

Глава 10.

ФРАГМЕНТЫ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ МИСТЕРИЙ

В одном из греческих магических папирусов III или IV века н.э. содержится любопытное указание, возможно, намекающее на посвятельный ритуал, связанный с Гекатой. Подземная обстановка вполне уместна для такого рода церемоний, как свидетельствуют другие посвятельные мистерии, например, Элевсинские:

Аскей катаскей эрѳн ореѳн мега семнюзр бауи (3 раза), фобантия семнэ (Ἀσκεὶ κατασκεὶ ἐρῶν ὀρεῶν μεγα σεμνυηρ βαυῖ γ'. φοβαντία σεμνή), я прошел посвящение, и спускался в [подземные] чертоги дактилей, и видел там, внизу, другие вещи, деву, псицу и все остальное. <...> если же тебя поведут на смерть, скажи это, разбросав вокруг семена кунжута, и она спасет тебя¹.

1 Греческие магические папирусы, LXX.4–25.

Сочетание первых двух слов (Ἄσκει κατασκεῖ), представляющих собой «эфесские письма», с упоминанием о «других вещах там, внизу, — деве, псице...» явственно указывают на причастность Гекаты к этому посвятельному процессу. Скорее всего, «дева» — это и есть Геката, которую сопровождает черная собака.

Упоминание о кунжутных семенах тоже немаловажно, поскольку они входили в состав κάλαθοι, подношений в Элевсинских мистериях.

Дактили считались сыновьями богини Реи, волшебниками и изобретателями кузнечного дела. Они охраняли младенца-Зевса, которого мать спрятала в пещере от его отца, Кроноса. Чтобы заглушить плач ребенка, дактили поднимали громкий шум и играли на музыкальных инструментах.

На острове Самофракия посвятельные обряды проводились в пещерах, как свидетельствует на основании неизвестных первоисточников «Суда», византийская энциклопедия X века:

На Самофракии справляли некие посвятельные обряды, защищавшие, как считалось, от некоторых опасностей. Там же совершались мистерии корибантов и таинства Гекаты

и Зеринфской пещеры², где приносили в жертву собак³.

Об этих ли обрядах идет речь в отрывке из Греческих магических папирусов или о каких-то других, с уверенностью сказать нельзя. Но древнегреческий поэт Нонн в своей поэме «Деяния Диониса» тоже упоминает о самофракийских мистериях Гекаты:

Алкон сжимает во дланях
огненный светоч смолистый,
Принадлежность шествий Гекаты
в краю его отчем
[т.е. на Самофракии]⁴.

Мистерияльный культ Гекаты существовал и на острове Эгина. Павсаний пишет:

Из богов эгинеты чтут больше всего Гекату и каждый год совершают таинства в честь Гекаты; они говорят, что эти таинства установил у них фракиец Орфей. Храм Гекаты находится внутри ограды. Деревянное ее изображение, работы Мирона, имеет одно лицо и одно тело⁵.

2 Зеринфская пещера, где, по преданию, обитала Геката, в действительности находилась не на острове Самофракия в Эгейском море, а во фракийском городе Зеринф, на северо-востоке Балканского полуострова.

3 «Суда», А1164.

4 Нонн, «Деяния Диониса», XXIX.204–205., пер. Ю. Голубца.

5 Павсаний, «Описание Эллады», II.30.2, пер. С. Кон-

Мирон, знаменитый афинский скульптор, работавший в основном в бронзе (приблизительно с 480 по 440 гг. до н.э.), создал упомянутое Павсанием храмовое изображение Гекаты в тот же период, когда Алкамен изваял первую известную статую Гекаты трехтелой. Упоминание об Орфее также интересно, поскольку в орфических мистериях использовался гомеров гимн «К Деметре», а Геката играет в мифе об этой богине важную роль. Кроме того, орфики были вегетарианцами и верили в переселение душ. Однако о том, входили ли подобные темы орфических мистерий в эгинские таинства Гекаты, можно только гадать.

Именно об эгинских мистериях Гекаты, в которые был посвящен ее муж, писала в IV веке н.э. римская жрица Паулина⁶:

Ты как служитель Гекаты наставляешь меня в тройственной тайне⁷.

Это замечание остается загадочным, но выражение «тройственная тайна» определенно намекает на Гекату Триформис и напоминает о том, как часто в обрядах этой богини используется число три.

дратьева.

6 См. примеч. 18 на стр. 20.

7 Надпись Паулины на надгробии ее покойного мужа, Веттия Агория Претекстата (384 н.э.). — *Примеч. авт.*

Глава 11.

ТРАВЫ И ЯДЫ

Геката часто ассоциируется с растениями, так или иначе связанными со смертью, — ядовитыми травами и растениями, символически использовавшимися в погребальных обрядах. Ее служительницы, Медея и Цирцея, были особенно сведущи в фармакее — магии трав, зелий и ядов. Но, несмотря на длинные перечни, встречающиеся во многих книгах по современному язычеству, исторических древнегреческих или римских свидетельств о связях Гекаты с какими-либо конкретными растениями, кроме перечисленных ниже, практически не сохранилось. По-видимому, современные авторы просто ставят этой богине в соответствие все растения, ассоциирующиеся со смертью или обладающие психоактивными свойствами. Мы не хотим сказать, что они заблуждаются, но лишь уточняем, что в большинстве своем эти соответствия введены в новейшее время, а в древности, судя по всему, не использовались.

Травы и деревья, произраставшие в саду Гекаты, перечисляются в «Орфической Аргонавтике». Мы рассмотрим подробно лишь те из них, ссылки на которые в связи с Гекатой имеются и в других источниках, — поскольку упоминания об остальных могут оказаться всего лишь поэтической вольностью:

Там, за стеной недоступной,
 в глубоком и темном укрыве,
Роща густая была;
 в тени деревьев высоких
Лавры росли там, кизил созревал,
 и широкой листвою
Их осеняли платаны;
 трава меж корнями стелилась,
Рос асфодел, завивались
 душистые «женские кудри»,
Мята росла, и камыш, и чабрец,
 и цветы анемонов,
С ними божественный цвел
 кикламен, распускалась лаванда,
Ирис и дикий пион, —
 и раскинула пышные листья,
Их осеняя, мандрагора
 и стебли сплелися диктамна.
Свой аромат источал кардамон
 и шафран; но возрастали
Там и другие растения:
 вьюнка колючая заросль,
Черные маки, волчец, аконит,
 ядовитые клубни,

Множество гибельных злаков,
землей порождаемых в недрах.
И, возвышаясь над чашей,
раскинулся дуб необъятный,
Мощные сучья свои вздымая
над рощей густою,
Нес он на ветви высокой
руно золотое; сверкая,
Свесилось с дуба оно;
и руна хранителем грозным
Змей был ужасный, для смертных
людей несказанное диво¹.

Аконит

Одно из самых известных растений, связанных с Гекатой, — аконит (борец, или волчий корень). Диодор Сицилийский пишет, что именно Геката открыла свойства этой травы и испытывала ее на незнакомцах, чтобы установить дозировку² (называя Гекату матерью Цирцеи и Медеи, он, тем не менее, приписывает ей смертное происхождение). Считалось, что аконит возник из капель слюны, упавших на землю из пастей Кербера, трехголового пса преисподней, когда полубог Геракл вывел того из Аида.

1 «Орфическая Аргонавтика», IV.911–928, пер. М. Грабарь-Пассек.

2 Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», IV.45.2–3.

Черное дерево

Из черного дерева вырезаны трехстворчатые ворота, ведущие в сад Гекаты. Черное дерево особо ассоциировалось с подземным миром и Гермесом Хтонием. В этом качестве оно упоминается в греческих магических папирусах: «Знаю я и дерево твое: это черное дерево» (PGM VIII.13).

Чеснок

Чеснок был одним из блюд, которые подносили Гекате на дейпнон (вечерю Гекаты). Еще в Древнем Египте он почитался как растение-апоτροпей, защищающее от неупокоенных мертвецов. О связи чеснока с перекрестками дорог упоминает древнегреческий натуралист Теофраст в своем трактате «Характеры», говоря о человеке, подверженном суевериям:

Если заметит человека из тех, что стоят на перекрестке, увенчанного венком из чеснока, то возвращается домой и, омывшись с ног до головы, велит затем позвать жриц, чтобы получить очищение морским луком или щенком³.

3 Теофраст, «Характеры», XVI, пер. Г. Стратановского.

Мандрагора

Упоминание о мандрагоре в числе растений, произрастающих в саду Гекаты, не удивительно. Упомянув в трактате «Причины растений» (IV век до н.э.) о современных ему некромантических практиках и хтонических обрядах, Теофраст пишет, что перед тем, как сорвать мандрагору, вокруг нее очерчивали железным мечом три окружности.

Первым, кто сообщил, что для извлечения корня мандрагоры из земли используют собак, стал иудейский историк Иосиф Флавий (I век н.э.). Отсюда пошло представление о том, что собака умирает от крика, испускаемого мандрагорой:

Сначала его [т.е., корень мандрагоры] окапывают кругом до тех пор, пока только маленькая часть корня остается еще в земле, затем привязывают к нему собаку; когда последняя быстро устремляется за человеком, привязавшим ее, корень легко вырывается, но собака умирает на месте, как заместительная жертва за того, который хотел взять растение, а тогда его можно уносить без всяких опасений⁴.

⁴ Иосиф Флавий, «Иудейская война», VII.6.3, пер. Я. Чертка.

В жертвоприношении собаки ради получения этого корня (который именовался «баара» и вставлялся в перстни, изгоняющие демонов из бесноватых⁵) явственно слышны отголоски обрядов Гекаты. Считалось, что такой перстень, изготовленный из железа с латунию или бронзой, был у царя Соломона. Средневековое представление о том, что эффективнее всего действует мандрагора, выкопанная на перекрестке, также восходит к античным ассоциациям с Гекатой.

Дуб

В ряде случаев Геката упоминается в связи со змеями и дубовыми листьями, так что не исключено, что дуб был священным деревом не только Зевса, но и этой богини. В сохранившемся фрагменте трагедии Софокла «Зельекопы» (V век до н.э.) о Гекате говорится:

... Увенчавши дубовой листвою главу
И плетеньем из змей ядовитых...⁶

Возможно, под влиянием этих строк Аполлоний в своей «Аргонавтике» ввел эти образы в сцену явления Гекаты, призванной Ясоном:

5 Иосиф Флавий, «Иудейские древности», VIII.5.2.

6 Пер. Ф. Зелинского.

Из сокровенных глубин
 поднялась она, ужас-богиня,
К жертвам Язоновым.
 Всю кругом ее обвивали
Страх наводящие змеи,
 ветвями увенчаны дуба...⁷

В «Орфической Аргонавтике» в центре сада Гекаты также висит дуб, на котором висит золотое руно, оберегаемое змеем.

Шафран

Шафран ассоциировался как с Гекатой, так и с Артемидой (в ипостаси Артемиды Бравронии). В «Орфическом гимне Гекате» эта богиня описывается как «сущая в море, на суше и в небе, в шафранном наряде»⁸. В «Орфической Аргонавтике» шафран упоминается как одно из растений в саду Гекаты. Выражение «окрашенный шафраном» трижды использовано в Греческом магическом папирусе СХХIII, в разделах а, е и f, включающих много заклинаний, связанных с Гекатой, и два магических изображения, содержащих имя «Бримо».

⁷ Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», III:1213–1215, пер. Г. Церетели.

⁸ Пер. О. Смыки.

Тис

Тис часто называют священным деревом Гекаты, хотя едва ли не единственное свидетельство тому — краткое упоминание в «Фиваиде»
Стация:

... а навстречу — во зле опочивших
(многих вмещает Эреб,
и многие — кадмовой крови),
трижды потрясши змеей
и тисом зовя их зажженным,
дню, о вождь Тисифона, яви,
и солнца лишенных
да не прогонит назад
устремляющий головы Кербер⁹.

Возможно, столь устойчивые ассоциации между Гекатой и тисом связаны с тем, что тис издавна считался деревом смерти. Одно из свидетельств тому находится, например, в «Энеиде», в сцене, где царица Дидона готовится наложить на себя руки: среди погребальных растений, украшающих ее костер, — ветви кипариса, вербена и тисовые листья.

С тисом Геката связывается и у Шекспира в «Макбете», где ведьмы, призывающие богиню темных чар, сыпят в котел «тис, наломанный в безлунье»¹⁰.

⁹ Стаций, «Фиваида», IV:483–487, пер. Ю. Шичалина; и даже здесь тис ассоциируется не с Гекатой, а с одной из эриний — Тисифонией.

¹⁰ Шекспир, «Макбет», акт IV, сцена 1, пер. М. Лозинского.

Безымянные травы

Цирцея и Медея славились как непревзойденные волшебницы, сведущие в свойствах трав. Считалось, что Цирцея получила свои знания о травах от самой Гекаты и использовала их, чтобы превращать людей в животных и наказывать тех, кто перейдет ей дорогу. Так она поступила, когда ее возлюбленный Главк отверг ее, предпочтя деву по имени Скилла и заявив, что будет любить свою избранницу, что бы ни случилось. Разгневанная Цирцея превратила Скиллу в ужасное чудовище. В «Метаморфозах» Овидия описано это колдовство:

... Оскорбясь за отвергнутый пыл свой,
Тотчас же стала она
с ужасными соками травы
Перетирать. Замешав,
заклинания шепчет Гекаты¹¹.

Медея тоже прибегла к помощи ядовитых трав, чтобы отомстить Ясону, который предпочел ей молодую царевну Креусу:

... Пусть убор
И плащ невесте дети отнесут мои,
Заране злыми зельями напитанный.
Гекату призовем обрядом пагубным —

11 Овидий, «Метаморфозы», XIV.42–44., пер. С. Шервинского.

Готовь алтарь,
пусть в доме загудит огонь¹².

Волшебными и ядовитыми травами, ассоциировавшимися с Гекатой, пользовались и многие другие героини древних легенд. Богиня Афина с помощью колдовских растений превратила в паука хвастливую Арахну, проигравшую ей состязание в ткацком искусстве:

И, удаляясь, ее окропила
Гекатиных зелий
Соком, и в этот же миг,
обрызганы снадобьем страшным,
Волосы слезли ее,
исчезли ноздри и уши,
Стала мала голова,
и сделалось крохотным тело.
Нет уже ног, — по бокам
топорщатся тонкие ножки;
Все остальное — живот.
Из него тем не менее тянет
Нитку Арахна — паук
продолжает плести паутину...¹³

Сбор растений

Как именно Медея собирала растения для своего волшебства, описывается в трагедии Софокла «Зельекопы», дошедшей до нас лишь

12 Сенека, «Медея», 574—578, пер. С. Ошерова.

13 Овидий, «Метаморфозы», VI.139–145, пер. С. Шервинского.

во фрагментах. В обоих сохранившихся отрывках упоминаются медные орудия — весьма уместные для служительницы Гекаты, священным металлом которой была медь. Любопытно также, что Медея работает обнаженной, хотя это, как и ее «громкие причитания», — скорее, поэтическая вольность, чем указание на стандартную практику:

Отвращая свой взор от работы руки,
Она сок мутно-белый, стекающий с ран
Ядовитого зелья, в сосуд медяной
Осторожно приемлет...
А в ларцах сокровенных хранятся пучки
Ею срезанных трав.
Их она с причитанием громким,
Обнаженная, медным ссекала серпом¹⁴.

Утверждают, что в другой утраченной трагедии Софокла, «Колхидянки», содержалось призывание Гекаты, а в одной из сцен Цирцея демонстрировала свое колдовское искусство. Упомянутый Софоклом медный серп, возможно, был обычным орудием для сбора растений, а срезание трав, скорее всего, сопровождалось чтением заклинаний, связанных с Гекатой. Так, Дидона в «Энеиде», готовясь к самоубийству:

... Травы берет, что медным серпом
при луне на полянах

14 Пер. Ф. Зелинского.

Срезала в полном цвету,
ядовитым налитые соком...¹⁵

Еще одно подробное описание сбора трав содержится в «Аргонавтике» Аполлония, в сцене, где идет речь о растении, выросшем из крови Прометея. Из этого растения Медея приготовила зелье, которое должно помочь Ясону выдержать опасное испытание:

Вырос впервые тот цвет,
когда проливалась по капле
Там на Кавказских горах
орлом-кровопийцей на землю
Кровь Прометея-страдальца,
бессмертная красная влага.
В локоть длиной произрос цветок
из влаги из этой,
На корикийский шафран
вполне своим цветом похожий,
Стеблем двойным вознесен.
Глубоко в земле притаился
Корень, подобный куску
кровавого мяса и полный
Сока (похож он на сок
темноцветный горного дуба).
Сок собирала для чар
в ракушку каспийскую дева,
Семь раз омывши себя водой,
неустанно текущей,
Семь раз призвавши Бримо,
что юношей бодрых питает,

15 Вергилий, «Энеида», IV.513—514, пер. С. Ошерова.

Мертвых царицу, Бримо подземную,
ночью что бродит,
Мрачною ночью призвав, одетая
в темное платье.
Рев прокатился под черной землей,
содрогнувшейся в муках,
В миг, когда корень титана
был срезан, и стоном ответил
Сам Япета сын, от боли душою слабей¹⁶.

Очевидно, что читателям того времени процесс сбора растений был хорошо знаком, так что вдаваться во все подробности авторам обычно не приходилось.

¹⁶ Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», III.851–866, пер. Г. Церетели.

Глава 12.

СВЯЩЕННАЯ БРОНЗА

Согласно многочисленным упоминаниям в античных источниках, бронза особенно тесно связывалась с Гекатой (как ее священный металл) и с подземным миром в целом. Бронза — это сплав меди с оловом, иногда содержащий и примеси других металлов. Несмотря на то, что на смену бронзовому веку в истории человечества пришел железный (поскольку железо оказалось более доступным материалом), бронза в действительности тверже и прочнее железа, хотя и уступает стали. Именно по причине прочности бронзы из нее советовали изготавливать стило для надписей на дефиксионах, как свидетельствуют о том греческие магические папирусы (XXXVI.187–201).

Кроме того, при изготовлении дефиксионов свинцовые пластинки нередко протыкали бронзовыми гвоздями. Использовали этот металл и для амулетов: например, сохранился бронзовый диск (из древнеримского морского

порта Остия), на одной стороне которого изображена Геката, а на другой — царь Соломон¹.

Описывая Тартар, Гесиод отмечает, что тот огорожен бронзовой оградой². Это явный намек на власть Гекаты в подземном мире: священный металл этой богини удерживает древних титанов в заточении.

С Гекатой ассоциировались также бронзовые сандалии — символ ее хтонической силы. Маги носили такую обувь в знак связи с нею, ибо Геката была «богиней в медных сандалиях»³ (медь и бронза в древности обозначались одним и тем же словом⁴). Бронзовые сандалии упоминаются в греческих магических папирусах и в числе символов Гекаты на египетской свинцовой табличке II–III вв. н.э.⁵ Известна также аллегорическая легенда о гибели Эмпедокла, которую первым привел греческий философ-платоник Гераклид Понтийский в своем утраченном диалоге IV в. до н.э. Согласно этому преданию, Эмпедокл покончил с собой, бросившись в жерло Этны, но вулкан выбросил обратно одну из его бронзовых сандалий.

1 Археологический музей Остии, E27278A. — *Примеч. авт.*

2 В пер. В. Вересаева — «Медной оградой Тартар кругом огорожен» (726); см. пояснение ниже.

3 Порфирий, «Об изваяниях». — *Примеч. авт.*

4 Др.-греч. χαλκός.

5 Греческие магические папирусы, IV. 2334–2338, *Supplementum Magicum*, tr. R.G. Edmonds, III. — *Примеч. авт.*

Бронзовые серпы для сбора растений упоминаются в «Зельекопах» Софокла и «Энеиде» Вергилия; в первом из двух этих произведений говорится также о бронзовых кувшинах для хранения трав. Римский философ-неоплатоник V века н.э. Макробий также подтверждает древнюю ассоциацию между бронзовыми серпами и сбором трав в обрядах Гекаты⁶.

У Авернийского озера близ Кум был найден бронзовый диск для гадания. Имя богини, которой поклонялись в этой местности, остается неизвестным, но можно предположить, что это была именно Геката — богиня, тесно связанная и с бронзой, и с подземным миром, вход в который, по преданию, располагался на берегу Аверна. Еще один интересный предмет, имеющий отношение к Гекате — треугольная бронзовая патера с изображением трех Гекат, найденная в Пергаме (на территории современной Турции) и датируемая приблизительно 50–200 гг. н.э.⁷ Бронзовая⁸ чаша, упоминаемая во второй идиллии Феокрита, также ассоциируется с Гекатой — «богиней на трехпутье».

Найденный в Остии (Италия) бронзовый амулет с изображением тройственной Гекаты на одной стороне и царем Соломоном, совер-

6 Макробий, «Сатурналии», V.19.7–11. В русских переводах везде значится «медный» вместо «бронзовый».

7 Ныне хранится в Берлинском государственном музее.
— *Примеч. авт.*

8 В рус. пер. — медная.

шающим обряд гидромантии (вызывания демона) — на другой, наводит на любопытные размышления о преемственности идей и методов. Царь Соломон прославился, в частности, тем, что заточил множество демонов (или, в арабской версии, джиннов) в медный сосуд, который затем был брошен в море. Значительно позднее, уже в XVII веке, этот медный сосуд появится на страницах знаменитого гримуара под названием «Гоэтия», где предстанет как средство для подчинения демонов власти мага⁹. Поскольку в древности бронза и медь обозначались одним и тем же словом, можно предположить, что образ медного сосуда в еврейских преданиях восходит к методам греческой магии. Вопрос о взаимовлиянии еврейской и греческой магических традиций все еще не исследован до конца.

⁹ Stephen Skinner and David Rankine, *The Goetia of Doctor Rudd*. London, Golden Hoard Press, 2007. — Примеч. авт.

Глава 13.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГВОЗДИ И ПЕРСТНИ

Железными гвоздями часто протыкали талисманы-дефиксионы, причем в книгах рекомендовалось брать с этой целью гвозди, использованные для распятия. Лукан в «Фарсалии» красочно и жутко описывает, как ведьма зубами разрывала труп на части, чтобы добыть полезные магические ингредиенты. Ограничимся относящейся к делу краткой цитатой: «Гвозди ворует из рук»¹.

В «Любителях лжи» Лукиана рассказчику удастся спастись от Гекаты благодаря тому, что некий араб дал ему «перстень, сделанный из железа с крестов, и научил <...> многоименному заклинанию»². Этот перстень подействовал как апотропей, вынудив Гекату вернуться в подземный мир:

...я остановился и сейчас же повернул печать, которую дал мне Араб,

1 Лукан, «Фарсалия», VI.547, пер. Л. Остроумова.

2 Лукиан, «Любители лжи, или Невер», 17, пер. И. Толстого.

на внутреннюю сторону пальца. А Геката ударила своей змеиной ногой о землю и образовала в ней громадное отверстие, величиной с Тартар, и вскоре затем ушла, прыгнув в пропасть³.

Практика использования гвоздей от распятия в дефиксионах находит параллели в иудейской традиции (или даже, возможно, оказала на нее влияние). Так, в одном позднем тексте на иврите из Каирской генизы⁴ обнаруживается описание приворота, содержащее следующий совет: «Возьми гвоздь из дерева, на котором был кто-нибудь распят, и сделай из него печать»⁵.

В «Клеветнических⁶ чарах Селены» из греческих магических папирусов (IV.2622–2707) содержатся указания по изготовлению защитного амулета в виде сердечка из магнетита («дышащего магнита»). На этом сердце предписывается выгравировать «Гекату, лежащую вокруг этого сердца, как маленький полумесяц», а на подношении — поставить печать при помо-

3 Там же, 24.

4 Каирская гениза — крупнейшее хранилище древних и средневековых еврейских книг, располагавшееся в синагоге города Фустат (ныне в пределах Каира).

5 *Magic Spells and Formulae: Aramaic Incantations of Late Antiquity*. Naveh & Shaked, 1993. — *Примеч. авт.*

6 Под «клеветническими» в греческих магических папирусах подразумеваются вредоносные чары, вина за которые возлагается на жертву заклятия.

щи перстня с изображением Гекаты и именем “Барзу ферба” (Βαρζου φερβα), изготовленного «из чистого железа, закаленного в совершенстве».

В «Молитве Селене для любого [магического] деяния» (IV.2785–2890) также используется магнетит с вырезанной на нем трехликой Гекатой: левый лик должен быть как у собаки, средний — как у рогатой (т.е. увенчанной полумесяцем) девы, а правый — как у козы.

Изображения Гекаты с головами животных встречаются и в описании некоторых других талисманов. Таким образом, Геката оказывается в числе тех немногих божеств греческого пантеона, за которыми сохранялись древнеегипетские териоморфные обличья. Примечательно, что вторым из важнейших божеств этой группы был Гермес, который часто ассоциировался с Гекатой, а также с границами и пограничными состояниями.

Глава 14.

ГЕКАТА И АНГЕЛЫ

Дэвид Он в своей книге «Апокалиптика, пророчества и магия в раннем христианстве» (2006) отмечает:

В эллинистический и римский периоды Геката пользовалась наибольшей популярностью на юго-западе Малой Азии. В роли Мировой Владычицы, госпожи всего мироздания, она вполне могла бы соперничать здесь с христианским Иисусом¹.

Само изобилие сведений о Гекате, встречающихся в раннехристианских источниках, уже свидетельствует о том, что она воспринималась как опасная угроза нарождающемуся христианству. Ориген (III в. н.э.), Евсевий Кесарийский (начало IV в.), Арнобий Старший (IV в. н.э.), блаженный Августин (IV–V вв. н.э.) и другие

¹ David Aune, *Apocalypticism, Prophecy and Magic in Early Christianity*, 2006. — *Примеч. авт.*

христианские ученые и богословы писали о Гекате и стремились преуменьшить ее значение.

Но несмотря на всю свою враждебность, эти авторы волей-неволей донесли до нас множество ценных сведений о культе Гекаты и связанных с нею практиках. Выше упоминалась своеобразная параллель между Гекатой и Христом, и на нее указывают, в частности, особые связи двух этих божеств с ангелами. Слово «ангел» происходит от греческого ἄγγελος («вестник»), и в этом своем исконном значении оно применимо ко многим божествам, выполнявшим функцию служителей при других богах и богинях. Но Геката связывалась с ангелами непосредственно, о чем свидетельствуют другие источники того периода, такие как Греческие магические папирусы и «Халдейские оракулы».

В «Лунном заклинании Клавдиана» из греческих магических папирусов (VII.862–918) именно к Гекате-Селене обращаются с просьбой о ниспослании ангела-помощника: «...ниспошли своего ангела, одного из тех, что помогают тебе».

Кроме того, весьма вероятно, что описанная в халдейских оракулах иерархия ангелов, служащих Гекате («юнги», «синохи» и «теле тархи»), послужила одним из источников для ангельской иерархии, составленной Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

Каждая из этих трех категорий ангелов — юнги (ἰγγες, букв. «вертишейки»), синохи (συναχῆς, букв. «соединители») и телетархи (τελετάρχαι, букв. «начальники таинств») — выполняла свои особые функции. Юнги помогали душе приблизиться к божественному и достичь совершенства, а их физическое орудие, «строфал» (στροφῆλος), служило для низведения божественной силы, фактически исполняя роль небесного посланника. Синохи ассоциировались с утверждением гармонии и единства, а телетархам отводилась очистительная функция.

К числу сочинений Псевдо-Дионисия (начало VI века н.э.) принадлежат трактаты «О небесной иерархии» и «О божественных именах». В первом из них описываются девять ангельских чинов, разделенных на три триады. Эта система, обладающая некоторыми чертами сходства с той, что упоминается в халдейских оракулах, легла в основу ангельских иерархий, которые впоследствии были приняты в ортодоксальном христианстве и использовались в гримуарах.

Глава 15.

МОНЕТЫ

Некоторые черты характера Гекаты, не отраженные в текстах, выходят на свет благодаря изображениям на монетах. Так, например, на оборотной стороне монеты с головой римского императора Гелиогабала обнаруживается Геката, обладающая некоторыми характеристиками Кибелы (в частности, она восседает на колеснице, запряженной львами). Гелиогабал правил недолго (с 218 по 222 гг. н.э.), но на время своего царствования успел ввести культ солнечного бога Элагабала (Гелиогабала), символом которого служил помещенный в храме метеорит и которого император требовал чтить превыше всех прочих богов.

На других римских монетах конца II – начала III вв. (193–211 и 211–212 гг. н.э.) Геката изображена с полумесяцем и калафом (корзиной в форме цветка лилии) на голове, с факелом и патерой (блюдом для подношений) в руках и с собакой, лежащей у ног. На монете

из Памфилии (ныне часть Турции) трехтелая Геката предстает с калафом на голове и с факелами и змеями в руках.

Монета из Аспенда (Памфилия)

На фригийской монете ок. 250 г. н.э. Геката держит в руках два факела и стоит на шаре; этот образ вызывает ассоциации с Гекатой-мироправительницей из «Халдейских оракулов». С теми же атрибутами, а иногда еще и с полумесяцем на голове Геката изображалась на некоторых геммах¹.

Сохранилась греческая монета из Бактрии (ныне часть Северного Афганистана) с необычным изображением Зевса, держащего в левой руке посох, а в правой — трехтелую Гекату с двумя факелами. Этот образ также мог бы прекрасно вписаться в космологию халдейских

¹ См., например: *A Catalogue of Engraved Gems in the British Museum*, Smith, 1888, №1128. — *Примеч. авт.*

оракулов, если бы не то обстоятельство, что монета была отчеканена в 185–170 гг. до н.э., а халдейские оракулы появились несколькими веками позже.

Греческая тетрадрахма из Бактрии

На аверсе монеты начала IV века до н.э. изображена голова Гекаты, а на реверсе — Пегас. Связь между ними неочевидна, но стоит вспомнить, что отцом Пегаса был морской бог Посейдон, который иногда ассоциируется с Гекатой, а матерью — Медуза, змеевласая горгона, иногда причислявшаяся к свите Гекаты.

На аверсе другой монете IV века, из Фер (Фесаллия), голова Гекаты увенчана лавровым венком, а на реверсе изображена аргосская нимфа Гиперия, возложившая правую руку на водоотвод в форме львиной головы. Это еще одно косвенное указание на связь Гекаты со львами.

Трибол из Фессалии

На византийских монетах в честь Гекаты изображали полумесяц со звездой. В 339 году до н.э., когда Филипп Македонский (отец Александра Македонского) осадил Византий, именно Геката, по мнению местных жителей, спасла город от врагов. Стефан Византийский (VI век н.э.) в своем «Описании народов» рассказывает, как воины Филиппа сделали подкоп и собирались ночью напасть на город, но Геката, сияющая богиня луны, явила горожанам видение факелов, благодаря чему замысел неприятеля раскрылся и был сорван. Турки, захватившие Византий в 1453 году, заимствовали полумесяц со звездой — эмблему Гекаты — для своего флага. Впоследствии сложились новые легенды, приписавшие этому символу иное происхождение, но в действительности за ним изначально стояла Геката²!

2 Antoniadı, *On Ancient Meteorites, and on the Origin of the*
144

Если обратить внимание на даты монет с изображениями и символами Гекаты, обнаружится интересная тенденция: в большинстве своем они относятся к III или даже IV веку н.э. Это свидетельствует о том, что Геката пользовалась большой популярностью даже в позднеримский период, когда в некоторых областях Европы уже прочно утвердилось христианство.

Глава 16.

ГОСПОЖА СНОВИДЕНИЙ

Гекату почитали как богиню сновидений и, в частности, ночных кошмаров: на того, кто ее оскорбил, она могла наслать ужасные сны, а того, кто угодил ей, — вознаградить добрыми сновидениями. Об этом свидетельствует, в частности, Греческий магический папирус LXX, где описываются чары двойного назначения: для получения ответов на вопросы во сне и для того, чтобы лишить кого-либо сна. Подательницей вещей снов считалась не только Геката, но и ее мать, богиня Астерия.

В иудейском трактате «Сефер ха-Разим» («Книга тайн», ок. IV в. н.э.), который служит ярким примером взаимопроникновения различных магических традиций, тоже описаны чары для лишения сна. В этой магической операции используется голова черной собаки, никогда не видевшей света. Здесь налицо перекличка с обрядами принесения черных собак в жертву Гекате. Дополнительное указание

гласит: «Можешь заковать его в железные цепи и наложить на него бронзовое ярмо»¹, — что напоминает нам о священных металлах в магии, связанной с Гекатой.

В другом отрывке из «Сефер ха-Разим» маг, желающий вызвать духа и задать ему вопрос, обращается за помощью к Кристофору («Несущему барана»)², а Кристофор — это один из эпитетов Гермеса-психопомпа. В качестве подношения используется растительное масло, смешанное с медом, как и в греческих обрядах некромантии. Кроме того, все магические действия объединяются в группы по три, что также типично для подобных церемоний в греческой традиции.

О том, насколько сильным было взаимовлияние традиций, можно судить по аналогиям между иудейской «Сефер ха-Разим» и греческой «Гигромантией» — трактатом, написанным около III века н.э. и впоследствии легшим в основу самого знаменитого европейского гримуара, «Ключа Соломона». Эти две книги, в свою очередь, имеют много общего с греческими магическими папирусами, относящимися к тому же временному периоду, — из чего следует вывод, что в подобных заимствованиях и параллелях не было ничего из ряда вон выходящего.

1 «Сефер ха-Разим», II.57–72. — *Примеч. авт.*

2 Там же, I.176–186. — *Примеч. авт.*

Тесная связь между Гекатой и сновидениями упоминается во фрагменте из несохранившегося сочинения Эсхила (греческого поэта V века до н.э., прозванного «отцом трагедии»):

Если сон ты увидел зловещий — толпу
привидений, посланцев
Гекаты ночной...³

Это представление, по-видимому, было широко распространено: в тот же период, в V веке до н.э., Гиппократ писал:

Когда же ночью бывают страхи,
испуг, безумие и припадки ужаса,
причем больные соскакивают с по-
стели и бегут, то утверждают, что это
ковы Гекаты и наваждения героев⁴.

Один из халдейских оракулов описывает происхождение снов от Гекаты, именуемой Источником Душ:

Есть и страна сновидений, рожден-
ных Источником Душ⁵.

Кроме того, роль Гекаты как источника и владычицы ангелов и демонов подчеркнута

3 Отрывок из неизвестной трагедии, иногда приписываемый Эсхилу. Цитируется в трактате Плутарха «О суеве-рии», 3; пер. Э. Юнца.

4 Гиппократ, «О священной болезни», 1, пер. В. Руднева.

5 Халдейский оракул, приведенный в сочинении Миха-ила Пселла «Набросок» (*Hypotyposis*, 14).

в другом оракуле, где утверждается, что она посылает людям демонов и вещие сны:

Те же [воздушные демоны], что
пробывают в самой середине, те, что
стоят на срединных ветрах вдали от
Божественного Огня, — с этими ты
обходишься постыдно, посылая их
смертным как вещие сны⁶.

Евсевий в «Приготовлении к евангелию»
также приводит схожий оракул:

Прочие, те, что парят на ветрах
в середине,
С миром огня пребывая
в далекой разлуке,
К смертным по воле твоей
сновиденьями вещими сходят,
Дело верша, что божественных сил
недостойно⁷.

В другом месте, где Евсевий приводит указания Порфирия по изготовлению святилища Гекаты, встречаются следующие строки:

После молитвы ко мне вознеси
перед образом этим,
И не замедлю явиться тебе я
в ночном сновиденье⁸.

6 Халдейские оракулы, №223.

7 Евсевий, «Приготовление к евангелию», V.8.

8 Там же, V.12.

Артемидор, античный онейромант (толкователь снов), поставил статую Гекаты Фосфорос в одном из своих святилищ на острове Фера (Киклады, южная часть Эгейского моря). Кроме того, около 237 года до н.э. он установил в честь Гекаты трон с черным камнем, олицетворявшим богиню. Не исключено, что в восприятии Артемидора Геката тесно связывалась с Кибелой, в культе которой бетилии (священные камни) играли важнейшую роль.

ГЛАВА 17.

ОРАКУЛЫ ГЕКАТЫ

Вероятно, древнейший из всех записанных оракулов Гекаты, содержится во втором пеане Пиндара (V век до н.э.). Оракул этот предсказал жителям города Абдеры победу над фракийцами, если битва состоится в день новолуния, — и оказался верен:

В месяце первый день,
Он был назван обутою в красное
благосклонной Гекатой,
Чтобы так тому и быть¹.

Далее связь Гекаты с оракульной практикой отметил Аристофан в комедии «Лисистрата» (IV в. до н.э.): «Феагенова жена будет наверняка: она вопрошала Гекату, прийти ли ей»². Медя, жрица Гекаты, тоже изрекала оракулы, что

1 Пиндар, пеан 2 («Абдеритам»), 3с, 75–78, пер. М. Гаспарова.

2 Аристофан, «Лисистрата», 62–63; в пер. А. Пиотровского: «... Прийти ли ей, / Жена гадала верно, Феогенова».

снова указывает на связь между этой богиней и искусством прорицания³.

Один из важнейших оракулов Гекаты был записан Порфирием и содержит рассуждение об Иисусе Христе и христианстве. Порфирий, философ-неоплатоник III века н.э. и последователь Плотина, изучал иудейские священные книги и посещал лекции христианского богослова Оригена. Оракул, о котором идет речь, вероятно стал ответом на вопрос, заданный самим Порфирием, — ведь тому принадлежало авторство двух самых значительных антихристианских трактатов III–IV вв. н.э.: «Против христиан» и «О философии из оракулов». Христиане веками стремились уничтожить эти сочинения и почти преуспели: от обоих трактатов сохранились лишь фрагменты в трудах других авторов.

Когда спросили, бог ли Христос,
Геката сказала:

*Путь бессмертной души,
покинувшей тело, ты знаешь.
Если ее отделить от души,
она вечно блуждает.
Благочестивейший муж
обладал той душою...*

Таким образом (оракул) назвал его
благочестивейшим и сказал, что душа

3 Пиндар, «Пифийские песни», 4.

его, как и других, после смерти обрела бессмертие, и ей поклоняются невежественные христиане. А когда спросили, за что его казнили, оракул ответил:

*Бренное тело всегда
поддается жестоким мученьям,
Души же праведников
в небесах обретают обитель.*

Но тем существам, которым судьбой не дано обрести дары богов и познание бессмертного Юпитера, та душа (душа Иисуса) дала погрязнуть в заблуждении. Поэтому-то они ненавистны богам — потому что, поскольку им не дано судьбой познать бога и получить дары богов, он (Иисус) роковым образом дал им погрязнуть в заблуждении. Сам же он — праведник и, как все праведники, поднялся на небо. Поэтому его не надо хулить, а надо сожалеть о безумии людей, о возникшей из-за него для них серьезной, неотвратимой опасности⁴.

От лица Гекаты изречены и некоторые из халдейских оракулов, в которых богиня обещает наделить теурга вещей силой прозрения:

⁴ Порфирий, «О философии из оракулов», пер. А. Рановича.

Узришь все сущее в образе льва,
если будешь зывать ко Мне часто:
скроются горние своды небес
пред очами твоими,
звезды, затмившись, угаснут,
и светоч луны помрачится,
сгинет Земля, и заблещут кругом
огневые перуны⁵.

В трактате Порфирия «О философии из оракулов» приводится описание богини, которое она сама дала людям устами некоего прорицателя:

Се! эта дева, что мчится,
меня обличья,
В небе высоком, триглава,
телице подобна,
Золотом стрел
беспощадно разящая свыше,
Чистая Феба, Илифия,
светоч для смертных, —
Тройственный образ стихий,
разделенных в природе:
В горнем эфире
я в ликах огня открываюсь,
В воздухе я восседаю
на светлой повозке,
Держат на привязи недра земли
мою черную свору⁶.

5 Халдейские оракулы, №147.

6 Евсевий, «Приготовление к евангелию», IV.23.

В целом, цитаты из Порфирия, которые приводит Евсевий, подтверждают оракульную роль Гекаты, но в «Приготовлении к евангелию» она предстает, скорее, как великая богиня «Халдейских оракулов», чем как Геката эпохи классической Греции.

Не было среди бессмертных богов
от Гекаты вовеки
Ни предсказания пустого
устами провидца,
Ниже угрозы напрасной;
от мысли всеильного Зевса
К людям нисходит она
в облаченье блистающей правды.
Узрите: твердою поступью
шествует Мудрость со мною,
Посох дорожный ее —
прорицанья, что век не обманут.
Узы да будут крепки:
ведь божественной силой моею
Душу могу даровать
я мирам занебесным⁷.

⁷ Там же, V.7.

Глава 18.

ПОДНОШЕНИЯ

Геката, как и другие греческие божества, ожидала подношений от тех, кто призывал ее на помощь. О трапезах Гекаты и о том, в какой последовательности совершались подношения, речь идет в других главах этой книги; здесь же мы сосредоточимся на прочих случаях подношений Гекате, описанных в литературе.

В «Энеиде» Вергилия сивилла Деифоба призывает Гекату, чтобы та отворила героям дорогу в подземный мир:

Жрица сюда привела
четыре тельцов черноспинных,
После, над их головой
сотворив вином возлиянье,
Вырвала между рогов у них
волоски и первины
Эти сожгла на священном огне,
призывая Гекату,
Мощную между богов, и в Эребе
и в небе владыку¹.

1 Вергилий, «Энеида», VI.243–247, пер. С. Ошерова.

Когда призывали хтонических богов, подношения им обычно сжигали на огне (тогда как подношения демонам и духам выливали в яму). Огонь для жертвоприношений Гекате упоминается и в трагедии Сенеки «Медея»:

Гекату призовем обрядом пагубным —
Готовь алтарь, пусть в доме загудит огонь².

Позднее в той же трагедии Медея вновь обращается к огню, а знаками того, что богиня откликнулась на ее призыв, становятся лай собак и вспышки факелов:

Вняли нашей мольбе:
трижды дерзкой звучал
Гекаты лай и священным огнем
Трижды подал знак яркий факел мне.
(*Кормилице*)
Все, что могла, свершила.
Сыновей зови:
Невесте пусть несут
дары бесценные³.

Призывая Гекату на помощь Ясону⁴, Медея действует в целом по схеме некромантического обряда:

Два алтаря сложила из дерна Медея,

2 Сенека, «Медея», 577–578, пер. С. Ошерова.

3 Там же, 819–823.

4 В действительности следующая цитата взята из описания обряда, в котором Медея возвращает молодость отцу Ясона, Эсону.

Справа — Гекаты алтарь
и жертвенник Юности — слева.
Дикой листвою оплела
и ветвями священными оба.
Недалеко откидав из ям двух
землю, свершает
Таинство; в горло овцы чернорунной
вонзает Медея
Нож и кровью ее обливает
широкие ямы,
Чистого чашу вина сверх крови
она возливала,
Медную чашу брала,
молока возливала парного...⁵

Описывая хтонические обряды, совершавшиеся, по-видимому, в честь Гекаты, Павсаний также упоминает о ямах:

[В селении под названием Титана] поставлена деревянная статуя [Корониде, матери Асклепия] <...> когда богу приносят в жертву быка, барана и свинью, то Корониду переносят в храм Афины и там воздают ей поклонение. <...>

Если спуститься с этого холма — храм ведь построен на холме, — то встречается жертвенник ветров, на котором ежегодно один раз ночью жрец приносит жертвы ветрам и совершает другие таинства над четырь-

5 Овидий, «Метаморфозы», VII.240–247, пер. С. Шервинского.

мя ямами, стараясь смягчить силу их дыхания, и при этом произносит, как говорят, заклинания (древней) Медеи⁶.

В I веке до н.э. римский поэт Гораций создал яркий и отталкивающий образ колдуний, вызывающих Гекату: в одной из его сатир описаны две безумные старухи, роющие землю ногтями и рвущие зубами на части жертвенную овцу:

... Сначала обе ногтями
Землю копали; потом
зубами терзали на части
Черную ярку, чтоб кровь
наполнила яму, чтоб тени
Вышли умерших — на страшные их
отвечать заклинанья⁷.

Примерно столетием позже другой римский поэт, Стаций, подробно описал подношения в составе хтонической церемонии:

Ярые старец [= Тиресий] рога
облек плетеницей зеленой,
сам их нащупав рукой, и у входа
в знакомую рощу
вакхову прежде всего
изобильную девятикратно

6 Павсаний, «Описание Эллады», II.11.7, 12.1, пер. С. Кондратьева.

7 Гораций, «Сатиры», I.8.16–19, пер. М. Дмитриева.

влагу склонил над изъятой землей,
и вешнего млека
дар, и актейский поток⁸, и кровь,
влекущую манов;
и доливал он, пока не насытилась
почва сухая.
После срубленный лес собирают,
и жрец для Гекаты
три повелел костра возвести
и столько же — Девам
близ ахеронтовых вод рожденным⁹.
И твой, о Аверна
царь¹⁰, до небес высокий костер
воздвигся, хоть был он
в ямину врыт; а за ним —
для подземной Цереры¹¹ вздымался
жертвенник меньший, с лица
и со всех сторон кипарисом
горестным скрытый...¹²

Философ Порфирий в своем трактате «О воздержании от животной пищи» (III век н.э.) упомянул о некоем благочестивом человеке, отказавшемся от жертвоприношения животных в пользу бескровных подношений — благовоний, хлеба и плодов:

... он приносит им жертвы усердно
и в положенное время, каждое ново-

8 «Вакхова влага» — вино, «актейский поток» — мед.

9 Т.е. Фуриям.

10 «Царь Аверна» — Плутон.

11 «Подземная Церера» — Прозерпина.

12 Стаций, «Фиваида», IV.440–452, пер. Ю. Шичалина.

луние, увенчивая и украшая изваяния Гермеса и Гекаты <... > и почитая богов фимиамом, священными облатками и лепешками.

Такой подход защищал приверженцев греко-римской религии от обвинений со стороны христиан, не упускавших случая заявить о своем моральном превосходстве.

Греческий драматург V века н.э. Софрон, живший в Сиракузах (Сицилия), сочинил комедию под названием «Женщины, утверждающие, что они изгоняют богиню [Гекату]». Она сохранилась лишь во фрагменте, содержание которого (например, упоминание о собаке, которую собираются принести в жертву) носит апотропеический характер и подразумевает некий обряд, необходимый, чтобы умилостивить Гекату (возможно, после нарушения какого-то табу или иного неугодного ей поступка):

Колдунья: Поставьте стол сюда. Возьмите в руки соль и заткните ветки лавра за уши. Теперь идите к очагу и сядьте там. А ты подай мне меч да подведи сюда собаку. Где смола?

Помощница: Вот она.

Колдунья: Возьми факел и фимиам. А ну-ка растворим все двери настежь! Ты встань на страже. Погаси факел, вот так. А теперь помолчите, покуда я буду бороться за этих

женщин. Госпожи богиня, твой пир
и дары твои без изъяна...

Медея, рассказывая Ясону, как умили-
вить Гекату, советует поднести богине мед, что-
бы сладостью смягчить ее сердце. В целом этот
ритуал предназначен для призвания Гекаты
в зримом облике; и примечательно, что Ясону,
как и Орфею на обратном пути из Аида, пред-
писывается не оборачиваться, чтобы не свести
на нет все усилия:

К дочери единокровной Персея,
Гекате, взмолившись,
Вылей из чаши ей в честь
работу пчелиного улья.
После, помянешь когда и к себе
преклонишь ты богиню,
Прочь от костра поскорей уходи.
Но вспять обернуться
Шум случайный шагов или
лай собачий нежданный
Пусть не заставят тебя, а не то
ты всему помешаешь,
Да и к друзьям не вернуться
тебе тогда неведимо¹³.

Не считая традиционного дейпнона (тра-
пезы Гекаты, δειπνον), на перекрестках для этой
богини оставляли подношения трех родов,
и все они были связаны с ритуалами. Первые

¹³ Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», III.1035–
1041, пер. Г. Церетели.

назывались καθάρματα (катармы, «смытая грязь; нечистоты»), вторые — καθάρσια (катарсии, «очищения»), третьи — ὄξυθυμία (окситимии, «вспышки гнева»).

Катармы представляли собой части жертвы, не использовавшиеся в ходе обряда, — например, лишнюю кровь или воду. В одном из немногих сохранившихся фрагментов Евполида, афинского поэта V века до н.э., упоминается, что эти «нечистоты» сжигали¹⁴. Тем же словом обозначались и люди, которых выбирали на роль искупительной жертвы для отвращения божественного гнева — засухи, мора и прочих природных бедствий.

Катарсиями назывались, собственно, остатки жертв — например, птичьи яйца или трупы собак. Об этой разновидности подношений упоминает Плутарх в «Римских вопросах», сообщая, что «наряду с прочими очищениями (καθάρσια) в жертву Гекате приносят щенков», и добавляя: «...как трапезу для Гекаты Подземной их [собак] приносили на перекрестки, и эта жертва служит отвращению или искуплению зла»¹⁵. Известно, что животные, которых жертвовали хтоническим богам, всегда были черными; соответственно, Гекате приносили в жертву черных собак — и потому сама она в Греческих магических папирусах именуется «черной псицей».

14 Евполид, фр. 120. — *Примеч. авт.*

15 Плутарх, «Римские вопросы», 68, пер. Н. Брагинской.

Окситимией назывался сосуд из обожженной глины, служивший кадиллом для окуривания дома в защитных целях. После окуривания окситимию выносили на перекресток и оставляли там. Тем же словом обозначали сор и грязь, которые по обычаю сжигали в огне кадила. Отсылка к подобным очистительным обрядам содержится в монологе Электры из трагедии Эсхила «Хоэфоры» (ок. 450 г. до н.э.):

Хранить безмолвье?
Кто зарыт без почестей,
Того и жертвой чествовать
безгласною?
Дар выплеснуть, подобно даням,
коими
Мы скверну в землю гоним,
а самой уйти,
Сосуды бросив за спину,
не глядя вслед?¹⁶

16 Эсхил, «Хоэфоры», 96–100, пер. Вяч. Иванова.

Глава 19.

ТРАПЕЗА ГЕКАТЫ

*Видишь: трояким лицом на
три стороны смотрит Геката,
Чтобы тройные пути на пе-
рекrestках следить...¹*

С перекрестками трех дорог, посвященными Гекате, был особо связан обычай под названием «дейпнон» (δείπνον), или «трапеза Гекаты». По одной из версий, эти подношения оставляли для того, чтобы усмирить и удержать на перекрестках беспокойных духов, способных навредить путникам; по другой — для того, чтобы умиловить богиню и заручиться ее благосклонностью.

Известна легенда, согласно которой перекрестки были посвящены Гекате потому, что ее мать, Ферея, бросила новорожденную Гекату на перекрестке, где ее подобрала пастухи. Но это фессалийское предание, дошедшее до нас в схолиях к поэме Ликофрона «Александра» (III век до н.э.), возникло уже на позднем этапе.

1 Овидий, «Фасты», I.141–142, пер. Ф. Петровского.

Аристофан сообщает, что приношения Гекате совершали «на тридцатый день каждого месяца»². Встречаются и другие упоминание об этом обычае, однако следует иметь в виду, что единой календарной системы в Древней Греции не существовало: в каждом городе-государстве был принят свой календарь. Мы разделяем точку зрения К.Ф. Смита, предположившего в своей статье «Трапезы Гекаты», что эти подношения были приурочены к первому появлению новой луны — к той самой ночи, когда Геката как лунная богиня возвращалась из подземного царства. Также высказывалось предположение, что трапезы Гекаты были своего рода милостыней; подтверждения тому находятся в комедии Аристофана «Плутос» (V век до н.э.), как и у некоторых более поздних авторов:

Гекату спроси, что милее:
 Богатство иль Бедность?
От нее незамедля получишь ответ.
 Обижается очень старуха.
Каждый месяц, как только
 зажиточный люд ей
 полуночный выставит ужин,
Налетят бедняки и растащат еду!
 Не успеет она оглянуться³.

2 Схолии к Аристофану, «Плутос», 596.

3 Аристофан, «Плутос», 594–598, пер. А. Пиотровского.

В византийской энциклопедии «Суда» (X в.) эта цитата приводится в парафразе и со следующей схолией:

Она [= Геката] может ответить на вопрос, что лучше: быть богатым или ходить голодным. Ибо она говорит: тот, кто зажиточен и богат, должен каждый месяц посылать ей угощение, тому же, кто беден, следует живо хватать еду, не успеют ее выставить⁴.

В различных источниках упоминаются разные виды пищи, входившие в состав Гекатиных трапез:

Греческое название	Значение	Комментарий
μαγίδες, ед. ч. μαγίς	«Магида», разновидность хлеба или лепешки	Ингредиенты и форма неизвестны
μανίς	Анчоусы	
σκόροδον	Чеснок	
τρίγλη	Барабулька	
ψάμμητα	«Псаммита», или «псамитон», жертвенная лепешка	По описанию Гарпократиона, «похожая на псамитон (ψαμτόν)», т.е. на жертвенный ячменный пирог на масле и меду
ᾠον	Яйца	
τυρός	Сыр	
βασυνίας	«Басинеи», род лепешек	

4 Suda, Epsilon 363. — *Примеч. авт.*

Еще одна разновидность съедобных подношений, которые оставляли Гекате в канун полнолуния, называлась «амфифонт» (ἀμφιφῶς), что значит «окруженный светом»⁵. Это была плоская сырная лепешка, которую, как явствует из самого названия, окружали свечками.

Трапезы Гекаты оказались одним из самых стойких языческих обычаев, искоренить которые христианской церкви удалось лишь с большим трудом. Есть свидетельства, что эти подношения продолжали делать вплоть до XI века, а в некоторых местах, возможно, и гораздо дольше.

5 В буквальном переводе — «двусветлый; светлый с обеих сторон».

Глава 20.

ПРИЗЫВАНИЯ

Сенека подробно описывает ритуал призывания Гекаты, приводя множество полезных деталей, подтверждающих данные других источников. Среди прочего, он отмечает такие частности, как распущенные волосы заклинательницы, работа с кровью и огнем и использование бронзовых («медных») орудий:

Но алтари звучат,
 дрожат треножники —
Ты здесь, о благосклонная!
Вижу Тривии здесь проворных коней,
Не тех, что она, кругла и ясна,
Догоняет всю ночь, но тех, на каких,
Опечалив лик, натянув поводя,
На мучительный зов фессалийских чар
Приближалась к земле.
 Пусть же тьму озарит
Печальным лучом тусклый светоч твой.
Новый ужас пролей в сердца людей,
Пусть в помощь тебе, Диктинна, звучит

Драгоценная медь — коринфский сплав.
Для тебя обряд мы правим святой
На кровавой траве, для тебя горит
Полночным огнем
 мрачный факел, с костра
Погребального взят, для тебя чело
Запрокинула я и плач начала,
Для тебя, словно чин похоронный блюда,
Распустила волосы, их повязкой стянув,
Для тебя сотрясла я печальную ветвь,
Ее омочив в стигийской воде,
Обнажила грудь, священным ножом
Стала руки терзать. Пусть каплями кровь
Течет на алтарь; привыкай, моя длань,
Железо держать и любимую кровь
Терпеть научись: священный сок
Пролила я из ран¹.

Устойчивый признак появления богини,
упоминаемый во многих описаниях, — беспок-
ойное поведение или лай собак:

... к тебе обращаюсь я, дух молчаливый,
К мрачной Гекате глубин,
 лишь заслышавши поступь которой,
В черной крови меж могил,
 трепеща завывают собаки...²

Вздвогнув, на склонах лесá закачались,
земля загудела,
Псов завыванье из тьмы донеслось,
приближенье богини

1 Сенека, «Медея», 785–811, пер. С. Ошерова.

2 Феокрит, «Идиллии», II.11–13, пер. М. Грабарь-Пассек.

Им возвещая...³

Яркое описание ритуала для призвания Гекаты обнаруживается и у Овидия, который, в частности, постоянно связанную с этой богиней тему тройственности:

И она простерла к ним руки,
Трижды назад обернулась,
 воды зачерпнула в потоке
И омочила власы
 и трижды уста разрешила
Воем; потом, опершись
 коленом о твердую землю,
Молвила: «Ночь! Наперсница тайн,
 что луной золотою
Свету преемствуешь дня! Вы, звезды!
 Геката с главою
Троичной, ты, что ко мне
 сообщницей дела нисходишь
Мне помогать! Искусство волшбы
 и заклятия магов!...»⁴

Столь же красноречиво Овидий описывает и то, чего достигает колдунья, успешно призвавшая Гекату и других «ночных богов»:

Вами, по воле моей,
 возвращаются реки к истокам
На удивленье берегам;
 заклинаньями я усмиряю

3 Вергилий, «Энеида», VI. 256–258, пер. С. Ошерова.

4 Овидий, «Метаморфозы», VII.188–195, пер. С. Шервинского.

Бурного моря волну и волную
 безбурное море;
Ветры зову и гоню, облака навожу
 и свожу я;
Лопаться зевы у змей заставляю я
 словом заклатья;
Дикие камни, дубы, что исторгнуты
 с корнем из почвы,
Двигаю я и леса; велю —
 содрогаются горы,
И завывает земля,
 и выходят могильные тени.
Силой влеку и тебя, луна,
 хоть медью темесской
Твой сокращаю ущерб.
 От заклятий моих колесница
Деда⁵ бледнее; мой яд бледнеть
 заставляет Аврору⁶.

Для теургов, создавших халдейские ораку-
лы, пришествие Гекаты было желанным и дол-
гожданым событием, о чем она сама говорит
устаи прорицателя:

Полная звезд, беспредельная,
 только затеплится утро,
дом Божества, не запятанный скверною,
 я покидаю
и нисхожу на кормилицу-Землю
 по вашим молитвам

5 Т.е. солнечного бога Гелиоса, который считался дедом Медеи.

6 Там же, VII.199–209.

и убеждением слов заповедных,
которыми смертный
возвеселяет бессмертных сердца...⁷

⁷ Халдейские оракулы, №219.

Глава 21.

ГИМНЫ

В античном мире под гимном понималось религиозное стихотворение, предназначенное, как правило, для восхваления того или иного божества. Гекате полностью или частично посвящены несколько гимнов, в том числе орфический гимн «К Гекате», гомеровский гимн «К Деметре» и гимн Прокла «Гекате и Янусу». Последний мы приводим здесь, а за ним следует «Молитва Селене для любого [магического] деяния» из греческих магических папирусов, которая тоже имеет форму гимна и в действительности обращена к Гекате.

Прокл, «Гимн Гекате и Янусу»

Радуйся, мать богов многославная,
с добрым потомством!
Радуйся, ты, о Геката

преддверная¹, мощная силой!
Радуйся сам Иан² прародитель,
Зевес негубимый!
Радуйся, вышний Зевес!
О, даруйте мне полную блага
Светлую жизни тропу
и злые недуги гоните
Прочь от тела, а душу
к себе привлеките, очистив
Ум пробуждающим действием
от страстных земных искушений!
О, умоляю, подайте мне руку,
стезю укажите
Богоизбранную мне, я желаю того!
Да узреть мне
Свет драгоценный, рождений же
черного зла да избежать!
О, умоляю, подайте мне руку,
повейте мне ветром,
Что в благочестия гавань
доставит страдавшего много.
Радуйся, мать богов многославная,
с добрым потомством!
Радуйся ты, о Геката преддверная,
мощная силой!
Радуйся сам Иан прародитель,
о Зевс высочайший!³

1 Геката Профирея (Προφύρα), «стоящая в преддверии», эпитет Гекаты как хранительницы дверей и защитницы дома.

2 Иан (Ίανός) — эллинизированное имя римского Януса, двуликого божества дверей, входов и выходов, прошлого и будущего, покровителя всех начал и хранителя 365 ключей года. Здесь и ниже Янус отождествляется с Зевсом.

3 Пер. О. Смыки.

На первый взгляд это объединение Гекаты и Януса в одном гимне может показаться необычным. Но в действительности Янус — тоже пограничное божество, тесно связанное с порогами и преддвериями, как и Геката. Кроме того, в поздних источниках Гекату иногда называли матерью Януса; так, у Арнобия (IV век н.э.) встречается следующее утверждение: «Янус [...] о котором говорят, что он, родившись от Неба и Гекаты, впервые царствовал в Италии...»⁴

Молитва Селене для любого [магического] деяния

Ныне приди, о Селена трилика,
милая сердцу,
Внемли, богиня, священным
заклятьям моим благосклонно!
Ты — украшение ночи,
сиянье несущая смертным,
Юная дочь зари,
ты быков огнеоких торопишь,
Что колесницу твою
увлекают дорогою Солнца.
Тройственным телом своим
ты подобна Харитам,

4 Арнобий, «Против язычников», III.29, пер. Н. Дроздова.

Кружащим в танце блаженном
 меж звездами ночи.
Ты — Справедливость,
 ты — нити незыблемых Судеб:
Клото, Лахесис и Атропос —
Ты, о триглавая! Ты — Персефона,
 Мегера, Алекто,
Многообразная, чадные факелы
 держишь в руках ты,
И на челе твоём вьются кудрями
 ужасные змеи,
Бычьего рева подобье
 тройные уста извергают,
Чрева покрыты броней чешуй,
 и спадают на спины
Змей ядовитых потоки,
 сплетаясь под тяжкою цепью.
О плачя в темноте, быколикая,
 чуждая толпам,
Ты, быкоглавая, ты, быкоокая,
 ты, псоголосая,
Стан свой меж лапами львиными
 ты укрываешь.
Волчьелодыжная,
 стаи свирепых собак тебе любви,
Помня о том, называют тебя,
 о богиня, Гекатой,
Многоименной и Меной,
 пронзающей воздух, подобно
Мечущей стрелы сестре Аполлона;
 самой Артемидой;
Четвероликой, четвероименной,
 четверодорожной,

Блещущей в темной ночи,
Персефой, оленеубийцей,
Триждыгремящей, трезвучной,
тригласой, триликой,
Триждыименной Селеной;
о трех головах и трех выях;
Той, что подобна трезубцу;
богиней тройных раздорожий,
Неугасимое пламя несущей
в троякой корзине.
Трех десятиц госпожа,
трех дорог еженощная гостья,
Внемли же мне, умоляю, на зов
благосклонно ответствуй!
Ты, что весь мир необъятный
в ночи укрываешь покровом,
Демонам трепет внушая и в дрожь
повергая бессмертных;
Ты, чьих прозваний не счесть;
ты, ведущая смертных к величью;
Ты, что рогами увенчана;
ты чье потомство прекрасно, —
Мать богов, и людей, и Природы,
Всеобщая Мать!
Ты на Олимпе гостишь и плывешь
над бескрайнею бездной,
Ты — и конец, и начало;
единая, правишь ты всеми;
Вечная, всё из тебя изошло
и в тебе завершится.
Узы великого Кроноса
ты на висках своих носишь
Нерасторжимой, нетленной
повязкою; держишь в руках ты

Скипетр золотой, письменами такими
по кругу обвитый
(Кронос их сам начертал
и вручил тебе, дабы носила
И сохраняла порядок
незыблемый в мире):
«Всё укротившая, всеукрошенная,
мужей смирившая,
Сила, смирившая силу».
И Хаосом тоже ты правишь,
Арахарара эфтисикере.
Так славься, богиня, —
Радость тебе и привет, — и внимай
своим многим прозваньям!
Я воскурю тебе фимиам,
о рожденная Зевсом,
О стреловержица, сущая в небе,
богиня заливов,
Ты, что блуждаешь в горах
и хранишь перекрестки и тропы,
Ты, о ночная, подземная, темная, Аидоней,
Тихая, страшная, ты,
что пируешь во тьме на могилах,
Ночь — ты, и Мрак — ты, и Хаос
широкий; сама Неизбежность —
Та, от кого не укрыться;
ты — Мойра, Эриния, мука,
Ты — Справедливость и Гибель;
ты Кербера держишь в оковах;
Иссиня-черная, ты
чешую змеиной покрыта,
Поясом — змеи тебе,
и волосы твои змеями вьются;

Ты — кровопийца, несущая смерть
и родящая гибель,
Ты пожираешь сердца и пируешь
телами умерших до срока,
Ты на могилах стенаешь и смертных
ввергаешь в безумье, —
К жертвам моим снизойди
и сверши для меня это дело!⁵

В случае, если магическая работа была направлена на благие цели, для воскурения использовали стиракс, мирру, шалфей, ладан и фруктовые косточки. Если же предполагалась вредоносная магия, то воскурение совершали веществами животного происхождения — магическими субстанциями⁶ собаки и пятнистого козла (или безвременно скончавшейся девственницы).

Талисманом для этого обряда служил магнит с вырезанным на нем изображением трехглавой Гекаты: слева — голова собаки, посередине — рогатой девы, справа — козла. Талисман полагалось очистить «нитром»⁷ и водой и омочить в крови человека, умершего насильственной смертью. Затем талисману подносили угощение, после чего повторяли над ним вышеприведенную молитву.

5 Греческие магические папирусы, IV.2785–2890.

6 Др.-греч. οὐσία — «сущность, субстанция».

7 Нитр (νίτρον) — древнегреческое название соды или поташа, который в смеси с маслом служил моющим средством.

Несмотря на то, что в названии этого гимна указано имя Селены, нет никаких сомнений, что он обращен к Гекате. По-видимому, ошибка в названии объясняется синкретическим слиянием богинь, фигурирующих в гимне: Селена среди них упоминается первой. Помимо Селены, мы встречаем здесь и других богинь — в частности, Артемиду, Персефону и Мену. Отождествление Гекаты с тремя Мойрами, возможно, почерпнуто из трактата Порфирия «Об изваяниях» (III в.), где о Гекате говорится: «И, опять же, Судьбы соотносятся с ее силами: Клото — с порождающей [силой], Лахесис — с питающей, Атропос же — с ее неотвратимой божественной волей»⁸.

Стоит также отметить, что в этом гимне встречается пример *voces magicae* — магических «слов силы». Возможность варьировать воскращения в зависимости от намерений мага подчеркивает универсальность гимна. Как и во многих других магических практиках той эпохи, для благотворной магии применялись ароматические смолы и растительные воскращения, а для вредоносной — кости или части тела («магические субстанции») животных.

8 Фрагмент 8.

Глава 22.

ГЕКАТА В ОБЛИЧЬЯХ ЖИВОТНЫХ

Из всех греческих богов и богинь именно Геката чаще всего изображалась с головами животных, что свидетельствует о ее тесной связи с первобытной древностью. Исследуя животных, ассоциировавшихся с Гекатой, мы лучше поймем присущие ей силы и увидим, что для нее и впрямь не существует границ и препятствий.

Итак, Гекату в образе трехтелой и трехглавой богини часто представляли с головами различных животных: коровы или быка, собаки, дракона, козла, коня и змеи. Кроме того, в поздних текстах — в греческих магических папирусах и книге Иоанна Лида «О месяцах» — встречаются упоминания о четырехглавой Гекате.

Быкоглавая

В ритуале из греческих магических папирусов под названием «Влекущие чары Пити-

са» (IV.2006–2125) упоминается изображение трехглавой Гекаты на льняном листе. Гекату предписывается изобразить с головами коро-

Геката с головами животных. Иллюстрация из трактата итальянского мифографа Винченцо Картари «Образы древних богов» (1571).

вы, девы и собаки. К этой же категории следует отнести образ быкоглавой Гекаты. В «Молитве Селене для любого [магического] деяния» (IV.2785–2870) о богине говорится: «О плачя в темноте, быколикая, чуждая толпам, / Ты, быкоглавая, ты, быкоокая...» — и далее: «Ты, что рогами увенчана...»

Иоанн Лид в трактате «О месяцах» описывает Гекату как четырехглавую; при этом одна из ее голов, «голова быка, храпящего, как некий буйный дух, обращена к сфере воздуха».

Псоглавая

В «Молитве Селене для любого [магического] деяния» из греческих магических папирусов описан талисман из магнитного камня, на котором вырезано изображение Гекаты с головами собаки, рогатой девы и козла (IV.2785–2870). «Влекущие чары Питиса» (IV.2006–2125) также содержат образ трехглавой Гекаты с песьей головой. В трактате Лида «О месяцах» одна из голов четырехглавой Гекаты, голова «собаки, карающей и мстительной по природе своей, обращена к сфере земли».

Драконоглавая

В византийской энциклопедии «Суда» (X в.) пересказываются комментарии Псев-

до-Нонна к сочинениям Григория Назианзина, где Геката описывается так:

Некоторые [говорят, что она] — Артемида, другие — луна, представляющая в странных видениях тем, кто насылает проклятия. Является же она в обличьях людей с головами драконов, и преогромными, так что зрелище это ошеломляет его увидевших.

В этом позднем описании образ драконов, запряженных в колесницу Медеи, объединился с представлениями о Гекате-исполине, отраженными в рассказе Лукиана о явлении этой богини («Любители лжи», 22–24). У того же Лукиана богиня изображена со змеиными или драконьими ногами.

Козлоглавая

Как уже говорилось, в «Молитве Селене для любого [магического] деяния» из греческих магических папирусов (IV.2785–2870) описан талисман из магнитного камня, на котором вырезано изображение Гекаты с головами собаки, рогатой девы и козла. Козел упомянут и в числе животных, перечисленных среди символов Гекаты в другой молитве из греческих магических папирусов (VII.756–794).

Конеглавая

В халдейских оракулах описываются обличья, в которых Геката может являться на зов, и среди них — образ «жеребца, что сияет блистательней света»¹. В греческих магических папирусах тоже имеются указания на связь Гекаты с конями. Один из обрядов (III.1–64) направлен против соперника на колесничных бегах; этот мотив встречается и на дефиксионах — табличках с проклятиями. В «Чарах, пробуждающих влечение» (IV.2441–2621) Геката описана как «конеликая богиня». Конь упомянут и в числе животных, перечисленных среди символов Гекаты в молитве из греческих магических папирусов (VII.756–794).

В трактате Лида «О месяцах» одна из голов четырехглавой Гекаты, «голова огнедышащего коня» обращена «к сфере огня».

На мраморном рельефе IV века до н.э. из Краннона (Фессалия) изображена Геката в сопровождении собаки; богиня возлагает венок на голову лошади. Рельеф был изготовлен по заказу владельца призовой лошади, так что не исключено, что это просто выражение благодарности богине или вотивное приношение. Но, тем не менее, перед нами еще один образ, указывающий на связь Гекаты с конями.

1 Халдейские оракулы, №146.

Вотивный рельеф из Краннона (ок. 400 г. до н.э.).

Змееглавая

Во многих описаниях Гекаты предстает как змеевласая и обвитая змеями. Со змеиной головой в буквальном смысле слова она не изображалась, но мы все же сочли уместным упомянуть здесь и об этих образах. Змеиная образность, связанная с Гекатой, содержится в «Молитве Селене для любого [магического] деяния» из греческих магических папирусов (IV.2785–2870): «Иссия-черная, ты чешую змеиной покрыта, / Поясом — змеи тебе, и волосы твои змеями вьются...» Змея упомянута и в числе животных, перечисленных среди

символов Гекаты в другой молитве из греческих магических папирусов (VII.756–794).

В халдейских оракулах о Гекате сказано: «...Змея, и опоясана змеей; другие по причине ее облика называют ее обвитую змеинными кольцами»².

Поскольку гидра — это существо со змеинными головами, следует процитировать здесь также Иоанна Лида. Согласно его трактату «О месяцах» одна из голов четырехглавой Гекаты, голова «гидры, существа едкой и неустойчивой природы, обращена к сфере воды».

2 Фрагмент оракула из письма 17 Михаила Италика.

Глава 23.

НЕКРОМАНТИЯ, ОМОЛОЖЕНИЕ СТАРИКОВ И ОЖИВЛЕНИЕ ТРУПОВ

Некромантия — это искусство общения между живыми и мертвыми, искусство преодоления границы, отделяющей мертвых от живых. Таким образом, эта форма магии тесно связана с Гекатой и другими подземными боже-ствами. В особенности уместным для магии тако-го рода считалось взывать к Гекате как цари-це мертвых, не нашедших покоя, тем более что из всех разновидностей душ умерших именно к неприкаянным чаще всего обращались за по-мощью в магических операциях. В этом отно-шении греки были продолжателями египетской традиции, в которой умерших часто призывали на помощь в магии, полагая, что личной маги-ческой силой они превосходят живых.

Неприкаянными мертвецами становились те, кто не удостоился правильного погребения или же умер насильственной либо безвремен-

ной смертью. Нередко эти факторы сочетались: например, молодые воины, погибшие в бою, нередко оставались без погребения, и потому поля сражений считались самыми подходящими местами для некромантических обрядов. Ведьма Эрихто в поэме Лукана «Фарсалия» жаждет, чтобы на фессалийской земле совершались битвы: так она получит вдоволь мертвых тел для своего колдовства и вдоволь доступных мест для некромантии.

Первое упоминание о некромантии в греческих мифах связано с Киркой (Цирцеей) — жрицей или, по некоторым версиям, дочерью Гекаты. В «Одиссее» Гомера именно Кирка объяснила Одиссею, как провести некромантический обряд, и это описание задало образец для многих позднейших литературных рассказов о некромантии:

Слушай теперь, и о том, что скажу,
не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую,
в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым,
всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной,
другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав
мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно
веющим теням усопших:

В дом возвратяся, корову,
 тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер
 драгоценностей много
Бросить, Тирезия ж более прочих
 уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана
 ему посвятивши¹.

Несмотря на то, что в современном мире некромантия стала восприниматься как нечто ужасное и зловещее, практики общения с умершими остаются традиционной частью западной культуры, как свидетельствует о том популярность медиумов и спиритуалистических церквей. Мертвые тела в этих практиках не используются, однако люди продолжают обращаться к душам умерших за ответами на вопросы или в поисках утешения.

В Древней Греции стандартная схема некромантического обряда воспроизводила схему погребального жертвоприношения усопшему. И в том, и в другом случае полагалось:

- вырыть яму;
- развести костер;
- совершить возлияния (медом, молоком, растительным маслом, водой, вином);
- поднести ячменные лепешки или другой хлеб и цветы;

1 Гомер, «Одиссея», X.516–525, пер. В. Жуковского.

- заклать животное (черной масти) и сжечь его тело на костре;
- совершить возлияние кровью;
- обратиться с молитвами к подземным богам.

Таким образом, ключевое отличие погребального ритуала от некромантического состояло в намерении, а именно: некромантический обряд проводился с целью вступить в общение с умершим. Сходство между двумя этими церемониями подчеркивается, среди прочего, в трагедии Сенеки «Медея», где чародейка распускает волосы и стягивает их повязкой, «словно чин похоронный блюда»². Подношения богам сжигали на костре, а подношения теням умерших помещали в яму — в буквальном смысле под землю.

У Горация в некромантическую церемонию вводится новый элемент: в одной из его сатир колдуньи Канидия и Сагана используют куклы из воска и шерсти как вместилища для вызванных душ. Это первое литературное упоминание о подобных фигурках, позднее вошедших во многие магические традиции, от вуду до Викки.

Был у них образ какой-то из шерсти,
другой же из воску.

2 Сенека, «Медея», 802–803, пер. С. Ошерова.

Первый, побольше, как будто
 грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб,
 ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась;
 Тизифону
Кликать — другая. Вокруг, казалось,
 ползли и бродили
Змеи и адские псы, а луна,
 от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных
 не видать, за высокой гробницей³.

Выведенные у Горация гротескные образы развил Лукан; его ведьму Эрихто исследователи позднее характеризовали как «первый в европейской литературе образ ведьмы, близкий к тому, который сложился в Новое время»⁴.

В «Елене» Еврипида два лика Гекаты представлены в ярком контрасте друг к другу: Менелай говорит о «светоченосной» Гекате-Фосфорос, а Елена — о Гекате Хтонии, госпоже привидений и демонов:

Менелай:

Светоченосная Геката! Призрак
Да будет благ, что мне прислала ты!

Елена:

Опомнись! Страшной Деве перекрестков
Я не служу, и день кругом, не ночь⁵.

3 Гораций, «Сатиры», I.8.30–36, пер. М. Дмитриева.

4 W.R. Johnston, *Momentary Monsters: Lucan and His Heroes*, 1987. — *Примеч. авторов.*

5 Еврипид, «Елена», 567–570, пер. И. Анненского.

Еще две разновидности некромантии — омоложение стариков и временное оживление трупов — описаны, соответственно, в сказаниях о Мееде и в эпизоде с ведьмой Эрихто у Лукана. И в том, и в другом случае метод напоминает полное переливание крови. Мееда перерезает горло Эсону, выцеживает из его тела всю старую кровь и вливает новую, предварительно сваренную в котле со множеством магических ингредиентов. Эрихто действует схожим образом, чтобы оживить труп, и обе ведьмы используют в своем колдовстве различные травы и части тел животных. Упоминание о фессалийских корнях, которые Мееда варит в своем котле, подчеркивает ассоциацию между магией сомнительного толка и «варварскими» землями.

Английский поэт Перси Биши Шелли был в восторге от Лукана и читал его сочинения вслух своей жене Мэри. По общему мнению современных литературоведов, именно рассказ Лукана о ведьме Эрихто, собирающей части мертвых тел и оживляющей трупы, вдохновил Мэри Шелли на создание классического романа «Франкенштейн».

Способность оживлять мертвых приписывалась не только мифологическим и литературным персонажам. По преданию, этим искусством владел философ и маг Эмпедокл, обещавший своему ученику: «Ты вернешь из

*Медea перерезает горло Эсону.
Гравюра И.В. Баура (1607–1640), иллюстрация
к «Метаморфозам» Овидия.*

Аида мертвого человека»⁶. В том же фрагменте упоминаются такие магические силы, как власть над погодой и защита от старости, — а в древнегреческой литературе эти способности тесно ассоциировались с Медеей и другими жрицами и служителями Гекаты.

Многие античные авторы подчеркивали иноземное происхождение подобных магов и колдуний, намекая на то, что овладеть некромантией и искусством оживления мертвых способны только чужестранцы. Так, Фессалия прославилась как родина ведьм, а Персия, Египет и Вавилон — как земли некромантов. Однако не вызывает сомнений, что магическая

6 Эмпедокл, фр. 12 (В 111), пер. А. Лебедева.

работа с умершими входила в обычный арсенал античной ведьмы или чародея, — о чем свидетельствуют многочисленные литературные источники, от преданий о Мееде и Эрихто и до сатирического диалога Лукиана «Любители лжи»:

О мелочах, которые он показывал, говорить не стоит: как он напускал любовные желания, призывал духов, вызывал давно похороненных покойников, делал видимой даже Гекату и низводил с неба Луну.

Я расскажу вам о том, что на моих глазах сделано было им в доме Главкия <...> Выждав народившуюся Луну, — заклинания обычно выполняются именно в это время, — маг вырыл в одном из открытых помещений дома яму и в полночь сперва вызвал к нам скончавшегося за семь месяцев до этого отца Главкия Алексикла. Сначала старик гневался на любовь сына, сердился, но в конце концов все-таки разрешил любить Хризиду. После этого маг вызвал Гекату, которая привела с собой Кербера, и низвел Луну — многообразное зрелище, постоянно менявшее облик...⁷

⁷ Лукиан, «Любители лжи, или Невер», 13, пер. И. Толстого.

Гекату продолжали связывать с некромантией и много столетий спустя после гибели Древнего Рима, как явствует из упоминаний у Шекспира и других писателей эпохи Возрождения. Интересно и совершенно уместно, что обращение к Гекате входит в некромантический ритуал для вызывания духа самоубийцы, приведенный в «Новом и полном изложении оккультных наук» Эбenezера Сиб-ли (книга 4, 1795 г.):

Если же кто пожелает допросить дух умершего, который повесился, утопился или как-то иначе наложил на себя руки, то заклинание надлежит исполнить, покуда тело еще висит в петле, или на том же месте, где его нашли покончившим с собой, и покуда понятия еще не прикоснулись к нему и не передвинули. Церемония такова: заклинатель повязывает на верхушку своего жезла пучок травы Святого Иоанна, сиречь зверобоя продырявленного, и с ним — голову совы. Затем, прибыв на место, где лежит труп, в двенадцать часов ночи, он чертит круг и торжественно произносит следующие слова: «Таинствами бездны, пламенами Банала (*Banal*), силою востока и безмолвием ночи, святыми обрядами Гекаты заклинаю и повелеваю тебе, о скорбный дух,

явиться здесь передо мною и открыть мне причину бедствия, тебя постигшего: отчего ты учинил насилие над собственной жизнью, тебе подвластной, и где ты пребываешь ныне, и куда попадешь после сего?»

Глава 24.

МАГИЯ СМЕРТИ

Поскольку магия Гекаты по большей части связана с пограничными явлениями и местами, не стоит удивляться, что время от времени к ней обращались с просьбой о ниспослании смерти — будь то другому человеку или самому заклинателю. В этом контексте она иногда предстает как Геката Пританис (Πρύτανις) — «непобедимая царица» мертвых.

В «Аргонавтике» описывается, как Медея убила своим колдовством медного исполина Талоса. Можно не сомневаться, что для этого ей пришлось воззвать к Гекате, дабы та, в свою очередь, послала ей на помощь Кер — духов смерти. В описании этого обряда мы снова встречаем мотив троичности:

... Она же, сокрыв ланиты в пурпурных
Складках одежды своей, через
весь корабль по настилу
Палубы тихо пошла,
где провел ее, между лавок

Шедшую, сам Эзонид,
взяв рукой ее за руку. В песне
Стала, чарами Кер,
снедающих душу, проворных
Псов Аида к себе призывать,
что, по воздуху рея,
Всюду среди живущих
себе пребыванье находят.
К ним, колени склонив,
она трижды с песней припала,
Трижды с мольбой. Замысливши зло,
она взором враждебным
В Талоса медного очи впила,
их чаруя, и злобы
Гибельный яд в него влила;
и видении ужасных
Рой пред очи его послала,
полная гневом. <... >
Тал, хоть и медным он был,
но Медеи-волшебницы силам
Дал он себя укротить.
Кидая огромные камни,
Чтоб не дозволить пловцам
поставить в гавани судно,
Острый камень пятой он задел —
и бессмертная тотчас
Кровь потекла, со свинцом
расплавленным схожа. Не долго
Он, на крутой поднявшись утес,
на нем оставался.
Словно большая сосна
на высокой горной вершине,

Если ее дровосек подрубил уже
острой секирой,
Но не совсем, и, оставив,
из чащи ушел, — среди ночи
Ветра порывы ее сперва раскачают,
потом же
Рухнет с корнем на землю она, —
точно так же и Талос,
Стоя сперва на ногах,
утомленья не знавших, качался,
В море затем бездыханный упал
с оглушительным шумом¹.

Еще более интересные подробности обнаруживаются в «Энеиде», где Вергилий описывает, как Дидона, отвергнутая Энеем, готовится свести счеты с жизнью:

Вот посредине двorca
под открытым небом высокий
Сложен костер из смолистых ветвей
и поленьев дубовых,
Весь плетеницами он
и листвою погребальной украшен.
Сверху на ложе кладет,
о грядущем зная, царица
Платье Энея, и меч, и образ,
отлитый из воска,
Вкруг стоят алтари.
Распустивши волосы, жрица

¹ Аполлоний, «Аргонавтика», IV:1661–1688, пер. Г. Церетели.

Сто призывает богов
и трижды клич повторяет,
Хаос зовет и Эреб
с трехликой Дианой-Гекатой,
Мнимой Аверна водой
кропит обильно чертоги,
Травы берет, что медным серпом
при луне на полянах
Срезала в полном цвету,
ядовитым налитые соком,
Также нарост, что со лба жеребенка
тотчас по рожденье
Сорван, чтоб мать упредить.
Рядом царица стоит,
муку священную держит,
Ногу разувши одну,
распустив на одежде завязки;
К смерти готова,
зовет в свидетели звезды, которым
Ведомо все, и молит богов, —
если бог справедливый
Мстит вероломным в любви
и печется о тех, кто обманут².

Покончив с собой, Дидона присоединилась к сонму неприкаянных теней, — а души мертвых, не обретшие покоя, тесно ассоциировались с проклятиями. Древние греки верили, что намерение, высказанное в смертный миг, обладает особой силой, так что своим поступком Дидона вложила силу в проклятие, павшее на Энея.

2 Вергилий, «Энеида», IV.504–521, пер. С. Ошерова.

Глава 25.

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Гекату часто называли Хтонией (то есть «подземной» или «земной») — так же, как и Деметру, Гермеса и Никту. Этот эпитет обычно применялся к божествам в их хтонических ипостасях, то есть связанных с подземным миром, с преисподней. Жертвенники хтонических богов устраивали на земле, тогда как алтари олимпийских богов стояли на возвышениях, «в воздухе».

Еще один хтонический эпитет Гекаты, Рексхтон ($\rho\eta\xi\iota\chi\theta\omega\nu$, «разверзающая землю»), встречается в греческих магических папирусах¹ и на нескольких кипрских дефиксионах, содержащих такое обращение к этой богине: «Ты, владеющая ключами Аида, разверзающая поверхность земли»².

Один из эпитетов Гекаты, теснейшим образом связанный с ее функциями в подземном

¹ Греческие магические папирусы, IV.2722. — *Примеч. авторов.*

² *Defixionum Tabellae*, Audollent, 1967. — *Примеч. авторов.*

царстве, — Клейдухос (Κλειδουχος, «ключница»): она хранит ключи загробного мира и определяет, кто из умерших достоин отправиться в «райскую» область Аида — на Елисейские поля.

В греко-римской мифологии вход в подземное царство охраняет трехглавый пес Кербер (Цербер): он следит за тем, чтобы никто из душ умерших не пробрался обратно, в мир живых. К новоприбывшим Кербер бывает настроен дружелюбно, а бывает и враждебно, однако полагали, что его можно задобрить, угостив медовыми лепешками. Впервые он упоминается еще в «Илиаде» и «Одиссее», хотя и без имени — просто как пес Аида.

Гесиод в «Теогонии» называет Кербера по имени, объявляет его сыном бессмертных родителей — Тифона и Ехидны — и описывает как «медноголосого» пса о пятидесяти головах³. Привычное ныне описание Кербера как трехглавого пса с драконьим хвостом и змеями на спине впервые встречается лишь у Аполлодора (II век до н.э.). В вазописи Кербер часто изображался двуглавым, а один источник приписывает ему сотню голов.

Полубог Геракл вывел Кербера из Аида с помощью богини Персефоны — это был последний из его двенадцати подвигов. Там, где из пасти Кербера на землю капала слюна, вы-

³ Гесиод, «Теогония», 304–312.

*Геркулес выводит Цербера из Аида.
Гравюра И.У. Краусса (1655–1719), иллюстрация
к «Метаморфозам» Овидия.*

растал ядовитый аконит. Высказывалось предположение, что имя Кербера произведено от «Кер Эреб» и, таким образом, означает «демон мрака». Если так, то становится понятно, почему философ Порфирий называл Кербера одним из верховных демонов. Агриппа приписывал Порфирию утверждение о том, что Кербер «сущий в трех стихиях, а именно, Воздухе, Воде и Земле, есть вредоноснейший диавол»⁴; однако в действительности Порфирий в трактате «Об изваяниях» писал: «Кербера изображают трехглавым, потому что есть три положения солнца над землей: восход, полдень и закат».

4 Агриппа, «Оккультная философия», III.18.

В одном приворотном заклинании из греческих магических папирусов содержится обращение к Керберу. Предписывается изготовить восковую фигурку собаки длиной в восемь пальцев и в пасть ее вложить кость из головы человека, умершего насильственной смертью. Затем на боках собаки следует изобразить определенные знаки и поставить ее на треножник, подняв правую лапу. Под фигуркой собаки на треножник помещается полоска папируса с надписью «Иао Асто Иофе» и именем женщины, чьей любви желает добиться маг. После того, как маг прочтет заклинание, собака зашипит или залает; если она зашипит, женщина не придет, а если залает, то это будет означать, что женщина уже пришла и ждет под дверью.

В самом заклинании Кербера молят о помощи во имя неприкаянных душ, а точнее — тех, кто покончил с собой через повешение, и тех, кто умер насильственной смертью. Кроме того, в заклинании содержатся слова силы, *voces magicae*. Чтобы операция достигла цели, маг в ходе заклинания дважды называет по имени искомую женщину и ее мать⁵.

5 Греческие магические папирусы, IV.1872–1927. — *Примеч. авторов.*

Глава 26.

ЧЕРНЫЕ СОБАКИ

Собаки связаны с Гекатой очень тесно: они — ее спутники, вестники и жертвенные животные. Известно, что черных собак и, в том числе, щенков приносили в жертву Гекате на перекрестках. Этот факт — одно из свидетельств того, что Геката не была исконно греческой богиней, потому что собак в Древней Греции жертвовали лишь немногим богам, и все они были чужеземными.

Многие авторы упоминают о том, что лай собак возвещает о пришествии Гекаты и служит добрым знаменем для тех, кто призывает ее на помощь:

Псов завыванье из тьмы донеслось,
приближенье богини
Им возвещающа...¹

Некоторые утверждали, что собака стала считаться спутницей Гекаты под влиянием

1 Вергилий, «Энеида», VI.257–258, пер. С. Ошерова.

мифа о царице Гекубе (обратите внимание на сходство имен!). После гибели Трои Гекуба, жена царя Приама, попала в плен к Одиссею, и тот увез ее на своем корабле. Во время одной из остановок на пути в Грецию Гекуба нашла на берегу выброшенное волнами тело своего сына Полидора: царь Полиместор убил его, желая завладеть сокровищами, которые Полидор вывез из Трои.

Мстя за сына, Гекуба убила Полиместора. Фракийцы схватили ее и хотели забить камнями до смерти, но боги сжалились над бывшей троянской царицей и превратили ее в черную собаку, после чего Гекуба стала спутницей Гекаты.

Известно, что фракийцы приносили черных собак в жертву богине Бендиде, которая позднее отождествилась с Гекатой, так что вышеизложенный миф мог возникнуть в попытке объяснить это отождествление:

И для тебя, о мать моя
несчастная [= Гекуба],
Настанет слава громкая:
ведь Перса дочь,
Трехликая Бримо, тебя охранницей
Возьмет, чтоб воем по ночам
людей страшить,
Которые не чтят несеньем факелов
И жертвами ее изображения —
Стримона, Фер владычицы, Зеринфии.

И кенотаф святой на мысе острова,
Пахине, возведет тебе
 хозяин твой [= Одиссей]
Собственноручно, злые сны увидевши,
Чтоб упокоить у Гелора струй тебя.
У берегов тебе он возлияния
Свершит, смягчив
 богини трехголовой гнев.
Ведь сам он жертвоприношение мрачное
Начнет Аиду, первым бросив
 камень свой².

На фризе Пергамского алтаря (II век до н.э.) Геката и Артемида изображены в сражении с гигантами. Геката представлена здесь трехглавой и в сопровождении собаки, вцепившейся зубами в бедро ее противника.

Во II веке н.э. Плутарх провел параллель между Гекатой и римской богиней Генитой, покровительницей рождения, которой тоже приносили в жертву собак: «И как элины Гекате, так и римляне Мане Гените приносят в жертву собаку ради милости к тем, кто рождается в их доме»³. Несколькими столетиями позже греческий хронист Гезихий Милетский также упомянул о связи Гекаты с Генетиллидой, богиней рожениц, указав, что последней приносили в жертву собак ради облегчения родов.

2 Ликофрон, «Александра», 1174–1188, пер. И. Сурикова.

3 Плутарх, «Римские вопросы», 52, пер. Н. Брагинской.

Глава 27.

ЗМЕИ

Змеи часто ассоциировались с Гекатой: она изображалась обвитой змеями или в окружении змей. «Увенчавши дубовой листвою главу / И плетеньем из змей ядовитых», — писал о Гекате Софокл¹. О Гекате, явившейся Ясону, говорится:

... Всю кругом ее обвивали
Страх наводящие змеи,
ветвями увенчаны дуба...²

Еще более ярко змей Гекаты описывает Овидий:

И застонала земля, побледнело вдруг
дерево рядом,
Крапом меж тем на лугу
заалели кровавые капли,
Камни и те издают
как будто глухое мычанье;

1 Софокл, «Зельекопы», фр. 31, пер. Ф. Зелинского.

2 Аполлоний, «Аргонавтика», III.1214–1215, пер. Г. Церетели.

Лают как будто бы псы;
земля в отвратительных змеях
Лоснится, а над землей —
прозрачные души порхают³.

На афинском дефигсионе I века н.э. изображена трехтелая и шестирукая Геката. В двух верхних руках она держит факелы, а нижние две имеют форму змей. Известны также римские изображения трехтелой Гекаты, держащей в руках два факела, два ножа и два бича. Этот образ использовался также на монетах и геммах, причем по обе стороны от богини изображались две змеи, свернувшиеся кольцами. На более ранних монетах из Древней Греции Геката держит змею, ключ, кинжал и факелы⁴.

Змей, охранявший золотое руно, тоже был связан с Гекатой: он жил посреди ее священного сада. В «Орфической аргонавтике» этот змей описан так:

... руна хранителем грозным
Змей был ужасный, для смертных
людей несказанное диво.
Весь чешуей золотою покрыт;
вкруг ствола обвивались
Кольца огромного тела <... >
... не ведая сна и дремоты,

3 Овидий, «Метаморфозы», XIV.407–410, пер. С. Шервинского.

4 Каталог греческих монет Британского музея, 1906.
— *Примеч. авторов.*

Все озирал он вокруг
лазурно-сверкающим взглядом⁵.

Змеи ассоциируются с Гекатой и в халдейских оракулах, где она именуется «опоясанной змеями». Там же о ней говорится как о «Змеё и опоясанной Змеёю; другие же из-за ее облика называют ее обвитой змеиными кольцами»⁶.

5 «Орфическая аргонавтика», 928–934, пер. М. Грабарь-Пассек.

6 Халдейские оракулы, №№ IX и XVIII по нумерации С. Ронана.

Глава 28.

СТРОФАЛ

В одном из фрагментов халдейских оракулов содержится интересное предписание: «Работай со строфалом Гекаты»¹. Этот «строфал» (στροφᾶλος), или «юнг», вызывал немало споров и обсуждений. Буквальное значение греческого слова «юнг» (ἰϋγξ, мн. ч. ἰϋγγες) — «вертишейка», птица из семейства дятловых, питающаяся муравьями. Это породило известную путаницу, потому что в некоторых древнегреческих магических обрядах использовали птицу, привязанную к деревянному колесу, которое тоже стало называться юнгом, или вертишейкой. В одной из «Пифийских песен» Пиндара Афродита вручает Ясону вертишейку и колесо, чтобы тот с их помощью добился любви Медеи, и таким образом эта форма магии становится известной людям:

И тогда правительница острейших стрел,

1 «Халдейские оракулы», фр. 206 по современной нумерации.

На четыре нерушимые узла
Припрягши к колеснице
 пеструю вертишейку
Впервые, Кипром рожденная,
Примчала с Олимпа людям
Птицу безумия,
Чтобы мудрый Эсонов сын
Научился молитвенным заклетьям.
Чтобы отнялась у Медеи
 дочерняя любовь,
Чтобы под бичом Зова
По желанной Элладе охватил ее жар².

Судя по упоминаниям в контексте приворотных обрядов, «вертишейка» этого рода использовалась, главным образом, в любовной магии. Так, Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» приводит слова Сократа, сказанные в беседе с одной куртизанкой: «Будь уверена, тут дело не обходится без множества волшебных напитков, заговоров, колес [ἰγγυες]!»³ В рефрене из второй идиллии Феокрита повторяются слова: «Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой ты милого друга!» В том же тексте упоминается кружащийся медный бубен⁴, схожий с юнгом в более позднем понимании —

2 Пиндар, «Пифийские песни», 4.213–219, пер. М. Гаспарова.

3 Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», III.11.17, пер. С. Соболевского.

4 В одном из вариантов перевода М. Грабарь-Пассек — «кольцо», кружащееся под рукой Афродиты (Феокрит, «Идиллии», II.30).

с тем, который ассоциировался с Гекатой и был также известен под названием «строфал».

Позднее, в эпоху «Халдейских оракулов», юнгами стали называть одну из категорий ангельских существ. По одной из гипотез, строфал именовали юнгом, или вертишейкой, в знак того, что этот предмет служил физическим символом ангелов-юнгов. В поддержку этого мнения ссылаются на книгу греческого софиста Филострата «Жизнь Аполлония Тианского», где описан чертог, в котором вершил суд вавилонский царь, — юнги-вертишейки названы там «языками богов»:

В этом чертоге царь вершит суд: поэтому к потолку подвешены четыре золотые вертишейки, напоминая ему об Адрастее [= богине справедливости], дабы не заносился он перед людьми. Говорят, будто маги, имеющие доступ во дворец, и подвесили здесь этих птиц, прозываемых «языками богов»⁵.

Главное из дошедших до нас описаний строфала оставил в своих комментариях к халдейским оракулам византийский историк и философ Михаил Пселл, живший в XI веке:

Строфал Гекаты — это золотой шар, в сердцевину которого заключе-

⁵ Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», I.25, пер. под ред. Е. Рабинович.

на ляпис-лазурь; его вращают на кожаном ремне, и весь он покрыт символами; вращая его, они [= теурги] возносили свои молитвы. Обычно такие шары называли вертешейками, и бывали они не только шаровидными, но и треугольными, и различных других форм. Вознося же свои молитвы, они [= теурги] испускали нечленораздельные крики или подражали голосам животных, смеялись и бичевали воздух. Итак, оракул этот утверждает, что ритуал обретает действенность благодаря движению строфала, ибо тот обладает неизреченной силой. Его называют «Гекатиным» или «посвященным Гекате».

Упоминания, встречающиеся в сочинениях Дамаския, последнего философа-неоплатоника, также заставляют предположить, что это орудие использовалось для управления божественной силой:

Великая Геката <...> испускает животворящий свист. <...> [она] связана с разделенным и очевидным, достигающим всего свистом животворящего света, а также с непреклонной силой⁶.

⁶ Дамаский, «Комментарий к “Пармениду”», 283, пер. Л. Лукомского.

Двумя столетиями раньше Евсевий Кесарийский упомянул работу с колесами-вертишейками как элемент ритуального призывания:

С неба одних колесо твое, чары свивая,
Долу проворно влечет,
хоть и против желанья⁷.

В том же трактате приводятся слова Гекаты, явно недовольной тем, что ее заставили спуститься с неба подобным образом:

Ты для чего колдовством,
что связует богов, призываешь
Из быстротечных потоков эфира
богиню Гекату?⁸

Таким образом, утверждалось, что маг, следующий правильной процедуре, может привлечь внимание богов даже против их воли, — и христианские авторы воспользовались этим обстоятельством как аргументом в пользу превосходства своего недоступного Бога. Современные же теоретики и практики магии зачастую обходят этот вопрос молчанием или относят его (наряду с жертвоприношением животных) к числу «устаревших» методов, неуместных в современном общении с древними богами.

Тем не менее, следует понимать, что магические заклинания и техники, основанные на

7 Евсевий, «Приготовление к евангелию», V.8.

8 Там же.

принуждении и встречающиеся в греческих магических папирусах и прочих источниках того времени, представляют собой продолжение древнеегипетских традиций и что этот метод сохранял свою актуальность на протяжении многих веков. Он нашел отражение в гримуарах эпохи Возрождения, наставляющих магов в искусстве подчинения демонов и других духовных существ, а в смягченной форме проник даже в викканскую традицию.

Марин, ученик и биограф греческого философа-неоплатоника Прокла, писал в VI веке н.э., что его учитель спас Аттику от засухи, вращая вертишейку: с помощью этого обряда он вызвал дождь — то есть низвел на землю благодатное небесное влияние⁹.

9 Марин, «Прокл, или О счастье».

Глава 29.

ЦАРЬ СОЛОМОН

Если принять во внимание тесные взаимовлияния между эллинистической и иудейской духовной культурой, то следующий вопрос, которым надлежит задаться, — в какой степени греческая магия вобрала в себя элементы иудейской? Доказательства связей между Гекатой и иудейской магией встречаются и в греческих магических папирусах, и в изображениях на амулетах. В «Любовных чарах для пробуждения влечения» (греческие магические папирусы, XXXVI.187–201) содержатся еврейские божественные имена Адонаи («Господь») и Саваоф/Сабаот («Бог воинств»), а также имя ИАО. Адонаи — это заместительное имя, которое использовали вместо Тетраграмматона (IHVH), произносимого имени Божьего.

ИАО — сокращенная форма имени IHVH, принятая у гностиков, — встречается в связи с Гекатой также на дефиксионах (например, в имени Бримиао, составленном из «Бримо»

и «ИАО»). Так, в тексте дефикциона из Асьюта (Верхний Египет, около V века н.э.) содержатся последовательности *voces magicae*, включающие это имя: «Призываю тебя именем бога непобедимого, Иао Барбатиао Бримиао Хермари».

Этот конкретный дефиксион интересен еще и тем, что он был обернут вокруг двух восковых фигурок, заключивших друг друга в объятия, и запечатан в горшок. Указания по аналогичному применению восковых фигурок обнаруживаются позднее в арабском гримуаре «Пикатрикс» (XI или XII век).

Саваоф — еще одно еврейское божественное имя, часто употребляющееся в греческих магических папирусах. Оно используется в каббале и упоминается в Библии. Иоанн Лид в своем трактате «О месяцах» (VI век н.э.) приводит соответствия этих божественных имен — возможно, не вполне точные, но все-таки достаточно близкие по времени к оригинальным текстам, а потому достойные исследования с учетом исторического контекста: «Халдеи называют этого бога Дионисом (или Вакхом), на финикийском языке он зовется ИАО (вместо Умопостигаемого Света), а также он именуется Саваофом в знак того, что он превыше семи столпов, что он — демиург».

Перечисленные божественные имена встречаются в связи с Гекатой еще в одном тексте из магических папирусов, озаглавленном как

«Чары, призванные пробудить любовное влечение при помощи духов героев, гладиаторов или иных людей, погибших насильственной смертью» (IV.1390–1495).

Божественное имя «ИАО Саваоф» в сочетании с именем Гекаты обнаруживается на амулете с изображением этой богини и надписью «ИАО Саваоф, защиты»¹. Боннер в своих «Исследованиях магических амулетов, преимущественно греко-египетских» упоминает амулет с изображением трехтелой Гекаты и надписью «IAO Саваоф Адонаи ХΩ»². Последнее слово представляет собой сочетание греческих букв Хи и Омега и, вероятно, обозначает Иисуса, поскольку монограмма имени Христа состояла из букв Хи и Ро, а Омега как последняя буква греческого алфавита символизировала христианского Бога. Гуденаф в «Еврейских символах греко-римского периода» приводит и другие сочетания имени Гекаты с еврейскими божественными именами. Таким образом, перечисленные примеры далеко не уникальны и не случайны.

В Остии (Италия) был найден бронзовый амулет, на одной стороне которого изображена трехтелая Геката с факелами, кинжалами и би-

1 E.R. Goodenough, *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*. Princeton: Princeton University, 1992. — *Примеч. авторов.*

2 C. Bonner, *Studies in Magical Amulets chiefly Greco-Egyptian*. Ann Arbor; Michigan, 1950. — *Примеч. авторов.*

чами в руках, а на другой — царь Соломон, совершающий операцию гигромантии (призывания духа при помощи сосуда с водой). Это еще одно наглядное свидетельство взаимодействия и синтеза иудейской и греческой магии.

Амулет с изображением Соломона (слева) и Гекаты (справа).

Связь Соломона с греческой магией подтверждают и греческие магические папирусы, где его имя — в вариантах «Салама» и «Саламан» — использовано в трех заклинаниях против скорпиона Артемиды³ (о связи скорпиона с Артемидой упоминает, в частности, христианский богослов II века н.э. Татиан Ассириец, называющий его «помощником Артемиды»⁴). Вот пример: «Ор Ор Фор Фор Иао Адаонаэи,

3 Греческие магические папирусы, XXVIIIa.1–7, XXVIIIb.1–9 и XXVIIIc.1–11. — *Примеч. авторов.*

4 Татиан, «Речь против эллинов», 9.

Саваоф Саламан Тарххеи, я связываю тебя, скорпион Артемизоса, в 13-й [день месяца]»⁵.

В греческом магическом папирусе СХХIIIa–f эпитеты и имена Гекаты сочетаются с именами Адонаи и Саваоф, а также со многими другими ангельскими и божественными именами еврейского происхождения. Необычный элемент этой подборки магико-медицинских текстов — фраза «Выйди из своей могилы, Христос зовет тебя» в составе заклинания для облегчения родов.

Еще один текст, в котором иудейская магия сосуществует с греческой, — протогримуар «Завещание Соломона» (II век н.э.), содержащий перечень демонов и ангелов, их усмиряющих. В «Завещании Соломона» третье и четвертое из «эфесских писем» — Ликс Тетракс — представлены как имя воздушного демона:

И демон ответил: «Меня зовут Ликс Тетракс [Λιξ Τετραξ]». «Каков твой род занятий?» — спросил я. Он ответил: «Я вызываю раздоры между людьми, я поднимаю вихри, устраиваю пожары, поджигаю поля и делаю дома непригодными для жизни. Обычно я действую летом. Если выпадет случай, я пробираюсь под

5 Греческие магические папирусы, XXVIIIb.1–9. — *Примеч. авторов.*

угол дома ночью или днем. Я — прямой потомок Великого⁶». Я спросил его: «В каком созвездии ты обитаешь?» Он ответил: «На самом острiente лунного серпа, когда тот находится на юге, — там моя звезда. <... > Наконец, я спросил его: «Каким именем тебя усмиряют?» Он ответил: «Именем архангела Азаэля⁷»⁸.

Кроме того, в «Завещании Соломона» упоминаются «узы Артемиды» — в связи с некоей безымянной демоницей, седьмой из семи духов женского пола, которые, по одной из версий, соответствуют семи звездам Плеяд. Поскольку эта демоница утверждает, что она наводит тьму, можно предположить, что она соотносится со звездой Целено, имя которой означает «черная» или «темная»⁹. Этот продукт

6 Предполагают, что под «Великим» здесь подразумевается Вельзевул. По другой версии, речь идет об Артемиде Эфесской, которая носила эпитет «Великая».

7 Обычно Азаэля (Азаила) отождествляют с Азазелем — духом пустыни, связанным с древнееврейским обрядом отпущения грехов (в котором грехи народа возлагали на козла, отпускаемого в пустыню). Со временем Азазель стал считаться одним из падших ангелов, сохранив за собой, однако, функции козла отпущения. Так, в кумранской «Книге испоинов» (фрагмент 7, IV/III–I вв. до н.э.) Азазель несет наказание за грехи всех испоинов, родившихся от ангелов и смертных женщин. Тот же мотив повторяется в 1-й Книге Еноха (II–III вв. до н.э.), где Азазель — один из предводителей двух сотен мятежных ангелов, восставших против Бога.

8 «Завещание Соломона», 33.

9 В действительности в тексте «Завещания Соломона»

взаимовлияний иудейской и греческой магии особенно интересен в свете того, что Артемида нередко отождествлялась с Гекатой. Спутником Артемиды был Орион, который, по одному из мифов, в течение семи лет охотился за Плеядами, и в свете этого не исключено, что с этим отрывком из «Завещания Соломона» связан один из стихов Книги Иова, ассоциирующий Плеяды и Ориона с узлами и узами: «Можешь ли ты связать узел Хима [= Ориона] и разрешить узы Кесиль [= Плеяд]?»¹⁰

Примечательно, что угроза, высказанная этой демоницей, — единственная из всех угроз, встречающихся в тексте «Завещания...», — в конце концов исполнилась:

Я — Наихудшее, и на тебя, о царь, я навлеку на тебя беду, когда прикажу [сковать тебя] узами Артемиды. И так как ты подвластен этим силам, в тебе есть вожделение, как у возлюбленного, но для меня это, напротив, вожделение к мудрости. Ибо тот, в ком есть мудрость, не пойдет по стопам моим¹¹.

Так и случилось: в конце «Завещания...» приводится рассказ о том, как Соломон ради

все семь демониц называются «мироправителями тьмы», а седьмая сообщает о себе только то, что приводится ниже в тексте.

10 Иов. 38:31.

11 «Завещание Соломона», 41.

любви к чужеземке поклонился чужим богам, принес пять саранчей в жертву Рефану и Молоху и в результате утратил свою магическую силу.

И, наконец, не исключено, что Геката и Соломон связаны друг с другом через символику мандрагоры. Мандрагора была посвящена Гекате — и при этом, согласно иудейскому историку I века н.э. Иосифу Флавию, корень этого растения заключался в перстне Соломона, при помощи которого изгоняли демонов¹².

12 О магическом перстне Соломона Иосиф Флавий повествует в «Иудейских древностях» (VIII.2.5); при этом упоминается, что в перстень был заключен корень некоего растения, но не сказано, какого именно.

Глава 30.

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Некоторые богини полностью или частично отождествлялись с Гекатой. К числу первых относятся Бримо, Деспойна, Энодия, Генетиллида, Котида, Кратеида и Куротрофос, к числу вторых — Артемида, Селена, Мена, Персефона, Физида (Природа), Бона Деа, Диана, Эрешкигаль и Исида.

Рассмотрим подробнее тех богинь, слияние которых с Гекатой существенно повлияло на ее образ. Это Артемида, Бендида, Бона Деа, Бримо, Деспойна, Исида, Селена, Физида и Эрешкигаль.

Артемида-Геката

Артемида и Геката стали ассоциироваться друг с другом достаточно рано, и со временем связи между ними только укреплялись. Пожалуй, это и не удивительно для таких близких

родственниц: их матери, Лето и Астерия, были родными сестрами. Артемида и Геката носили общие эпитеты, такие как Илифия, Энодия, Фосфорос и Сотейра; более того, имена их уже в классическую эпоху связывались в одно, «Артемида-Геката», — как свидетельствуют о том строки из «Просительниц» Эсхила (V век до н.э.): «И на помощь роженицам / Артемида-Геката приходит».

В тот же период Артемиду начали изображать с факелом в руке, из-за чего отличить этих двух богинь друг от друга на изображениях в скульптуре и вазописи стало труднее: обе они одевались схожим образом, и обеих сопровождали собаки. Более четкую границу между ними удастся провести тогда, когда обе богини присутствуют на одном и том же изображении одновременно, — как, например, в сцене гигантомахии на фризе Пергамского алтаря (II век до н.э.).

Плиний в «Естественной истории» упоминает, что статуя Гекаты стояла в преддверии храма Артемиды Эфесской¹, — и это еще одно подтверждение тесной связи между двумя богинями.

Бендида

Бендида — фракийская богиня луны, отождествлявшаяся как с Гекатой, так и с Артемидой.

1 Плиний, «Естественная история», XXXVI.4.32.

Первое литературное упоминание о ней встречается в VI веке до н.э., у греческого поэта-сатирика Гиппонакса, который называет Бендиду и Кибелу в числе фракийских богинь. В V веке до н.э. Бендида как «вооруженная двумя копьями» упоминается в утраченной пьесе афинского комедиографа Кратина «Фракиянки» (фр. 85). Л.Р. Фарнелл в своем классическом пяти-томном исследовании «Религиозные культы греческих городов-государств» отмечает:

Гипотезу о том, что родиной Гекаты была Фракия, подкрепляют свидетельства о фракийской богине Бендиде, с которой у Гекаты обнаруживается много общего. Эпитет «Дилонхос»², принадлежащий Бендиде, Гезихий объясняет как определение богини, обладавшей, подобно Гекате, властью над двумя или более природными сферами; кроме того, атрибутом обеих богинь считался факел³.

Бона Деа

Римская богиня-девственница Бона Деа (Вона Деа, «Благая богиня») была отождествлена с Гекатой в начале V века н.э., в трактате

2 Др.-греч. διλοῦχος — «вооруженный двумя копьями», в переносном смысле — «вдвойне поражающий».

3 Л.Р. Фарнелл, «Религиозные культы греческих городов-государств», т. II.

философа-неоплатоника Макробия «Сатурналии». Бона Деа считалась богиней-врачевательницей и ассоциировалась с наукой о целебных растениях (φαρμακεία), а ее священным животным была змея, что также роднит эту богиню с Гекатой: «Другие [уверяют] что [Бона Деа является] Гекатой Хтонией...»⁴.

Бримо

Фессалийская богиня Бримо слилась с Гекатой уже к V веку до н.э. О ее связях с Гекатой, Артемидой и Селеной свидетельствуют надписи на дефиксионах; кроме того, она ассоциировалась с Кибелой, а в надписях на орфических погребальных табличках — с Деметрой и Персефоной (таким образом, все три богини Элевсинского культа могли отождествляться друг с другом). Имя Бримо служило паролем в орфических мистериях: как явствует из надписей на погребальных табличках, это было одно из слов, который душа умершего должна была произнести в доказательство своего посвящения, чтобы ей открылся путь на Елисейские поля (табличка из Фер, 27, ок. IV в. до н.э.).

Деспойна

Деспойна, имя которой означает «госпожа» или «хозяйка», родилась от Деметры и Посей-

⁴ Макробий, «Сатурналии», I.12.23, пер. В. Звиревича.

дона, когда те сочетались в обличьях кобылы и жеребца. Кроме того, это имя служило эпитетом Гекаты и Артемиды, как свидетельствует сохранившийся фрагмент из неизвестной трагедии Эсхила: «Царица (Деспойна) Геката, в чьей власти — вход / Подземных черных чертогов». Стоит отметить, что в этом отрывке поясняется также смысл другого эпитета Гекаты — ПроPILEя, то есть «привратница».

Исида-Геката

В романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осёл» (конец II века н.э.) Геката упоминается в числе имен, которыми различные народы называют Исиду: «...одни [зовут меня] Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнузией...». Впрочем, как будет показано ниже, связь между Исидой и Гекатой теснее, чем просто замена одного имени другим.

Исследователи до сих пор не уделяли особого внимания синкретической Исиде-Гекате, однако о том, что культ такой богини существовал, свидетельствуют изображения на многих египетских монетах. Исиды-Гекаты предстает на них трехликой и увенчанной солнечными рогами и диском, как Исида на более поздних изображениях, заимствовавшая этот головной убор у Хатхор, богини с коровьей головой. Кроме того, Исиду-Гекату изображали смотря-

щей на быка Аписа, который стоял от нее слева. В связи с этим примечательно, что сама Геката иногда изображалась с головой коровы и часто ассоциировалась с быками.

Еще один важный элемент этих изображений на монетах — змей-урей, который Исиды-Гекаты держит в правой руке. Саму Гекату в Греции и Риме тоже нередко изображали со змеей, хотя и не с коброй, послужившей прототипом урея. На одной из монет в изображении включен летящий гений, который венчает голову Исиды-Гекаты короной.

Образ Исиды-Гекаты встречается также на резных геммах, — например, на одной из них она предстает трехтелой, со змеями, мечами и факелами в руках⁵. Описание схожей геммы из коллекции Ньюэлла приводит Боннер в своих классических «Исследованиях магических амулетов, преимущественно греко-египетских». В Оксиринхском папирусе (II век н.э.) сообщается, что Исиду «в Кане называли Гекатой», а также именовали «тройственной Артемидой»⁶. Последнее свидетельствует о том, что сама Геката часто фигурировала под именем Артемиды.

В Камире, древнем городе на греческом острове Родос, была найдена надпись, которую

5 Каталог коллекции античных гемм из собрания Джеймса, девятого графа Саутеска, 1908. — *Примеч. авторов.*

6 Оксиринхский папирус, XI.1380. — *Примеч. авторов.*

посвятил Гекате и Серапису некий человек, избегший смертельной опасности⁷. Это посвящение заставляет предположить, что в некоторых местностях Геката не просто сближалась, а полностью отождествлялась с Исидой.

Селена-Геката

Византийский поэт XII века Иоанн Цец, заявивший в схолиях к Ликофрону, что три ипостаси Гекаты — это Селена, Артемида и собственно Геката, лишь продолжил античную традицию. Из всех богинь именно Геката-Селена занимает главное место в греческих магических папирусах, уравнивая солнечного Аполлона-Гелиоса.

Первое литературное упоминание о Гекате-Тривии как о лунной богине встречается в трагедии Сенеки «Медея» (I век н.э.):

Вижу Тривии здесь проворных коней,
Не тех, что она, кругла и ясна,
Догоняет всю ночь, но тех, на каких,
Опечалив лик, натянув повод,
На мучительный зов фессалийских чар
Приближалась к земле⁸.

⁷ *Inscriptiones Graecae*, XII. 1.742, дата неизвестна.
— *Примеч. авторов.*

⁸ Сенека, «Медея», 788—792, пер. С. Ошерова.

Что касается Артемиды, то первый намек на ее связь с луной, по-видимому, содержится в гораздо более раннем источнике — в гимне Каллимаха «К Артемиде» (III век до н.э.) ее лук назван серебряным, что можно истолковать как символ полумесяца («Сколько раз ты, богиня, серебряный лук испытала?»⁹). Уже ко II веку до н.э. Артемиде ассоциируется с луной уже вполне устойчиво (например, во фрагментах сочинений философов-стоиков Аполлодора и Диогена), а поскольку с Гекатой эту богиню начали отождествлять еще в V веке до н.э., можно предположить, что связь между Селеной и Гекатой также возникла не в I веке н.э., а несколькими столетиями раньше.

Физида (Природа)

Богиня Физида, олицетворение Природы, по-видимому, мыслилась как низшая ипостась Гекаты: «А за плечами богини [= Гекаты] обильная реет Природа...»¹⁰ Согласно халдейским оракулам, Физида-Природа символизировала одновременно и луну, и жизнь всего материального мира, который теурги стремились возвысить к божественному первоисточнику. Поэтому сама по себе она не воспринималась

9 Каллимах, «К Артемиде», 119, пер. С. Аверинцева.

10 Халдейские оракулы, №54.

как зло, хотя и ассоциировалась с земными демонами, которые считались лживыми. По этой последней причине халдейские оракулы советуют теургу избегать Природы: «Не призывай самоявленный образ Природы!»; «Взор отврати от Природы: ей имя — Судьба»¹¹.

Греческий епископ Синезий в начале V века н.э. описывал природу как мать демонов¹². Однако в этом отношении он лишь следовал за халдейскими оракулами, в которых утверждается: «Нас уверяет природа, что демоны чисты / И порожденья материи низкой добры и полезны»¹³.

Эрешкигаль-Геката

Эрешкигаль — вавилонская хтоническая богиня, владычица подземного мира, — сблизалась и отождествлялась с Гекатой в греческих магических папирусах и в надписях на дефиссионах. Очевидное сходство между этими двумя богинями породило синкретический образ Эрешкигаль-Гекаты.

Кроме того, в греческих магических папирусах Эрешкигаль носит эпитет «Актиофи-

11 Халдейские оракулы, №№ 101, 102.

12 Синезий, «Гимны», V,55–57: «Там, гнездясь, родит природа / Миру демонские толпы, / Что хитры и многошумны...» (пер. М. Грабарь-Пассек и О. Смыки).

13 Халдейские оракулы, №54.

да». Он встречается четыре раза и, в том числе, в связи с Гекатой и Селеной.

Сорита д'Эсте и Дэвид Рэнкин
ГЕКАТА: ПОГРАНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ
Ритуалы, магия и символы трехликой
богини-факелоносицы, госпожи перекрестков

<i>Перевод</i>	Анна Блейз
<i>Компьютерная верстка</i>	Олег Арсений
<i>Корректор</i>	Олег Арсений

*В оформлении обложки использован рисунок
Poison Tree Design «Hecate»*

Тираж 100 экз.

